НОВЫЙ ДЕТЕКТИВЪ

Борис Акунин

«ЛЕВИАФАН»

Левиафан

Борис Акунин

Аннотация
Борис Акунин. Левиафан
Кое-что из черной папки комиссара Гоша
Часть первая. Порт-Саид — Аден
  Комиссар Гош
  Реджинальд Милфорд-Стоукс
  Рената Клебер
  Кларисса Стамп
  Гинтаро Аоно
Часть вторая. Аден — Бомбей
  Гинтаро Аоно
  Клариса Стамп
  Реджинальд Милфорд-Стоукс
  Рената Клебер
  Комиссар Гош
Часть третья. Бомбей — Полкский пролив
  Гинтаро Аоно
  Комиссар Гош
  Рената Клебер
  Кларисса Стамп
  Реджинальд Милфорд-Стоукс

Аннотация

«Левиафан» (герметичный детектив) — третья книга Бориса Акунина из серии «Приключения Эраста Фандорина».

15 марта 1878 года на рю де Гренель в Париже совершено страшное убийство. Убит лорд Литтлби и девять его слуг. Преступник не взял из дома ничего, кроме статуэтки бога Шивы и цветного платка. Расследование приводит комиссара полиции Гоша на роскошный корабль «Левиафан», плывущий в Калькутту. Убийца на корабле, но кто это? Среди подозреваемых, каждый из которых прячет свою тайну, английский аристократ, офицер Японской армии, беременная жена швейцарского банковского служащего и молодой русский дипломат с седыми висками…

Борис Акунин
Левиафан

Кое-что из черной папки комиссара Гоша

Протокол осмотра места преступления, совершенного вечером 15 марта 1878 года в особняке лорда Литтлби на рю де Гренель (7 округ города Парижа)

[Фрагмент**]**

№1 — труп дворецкого Этьена Деларю 48 лет,

№2 — труп экономки Лоры Бернар 54 года,

№3 — труп личного лакея хозяина Марселя Пру 28 лет,

№4 — труп сына дворецкого Люка Деларю,

№5 — труп горничной Арлетт Фош 19 лет,

№6 — труп внучки экономки Анн-Мари Бернар 6 лет,

№7 — труп охранника Жана Лессажа 42 года, умершего в больнице Сен Лазар утром 16 марта, не приходя в сознание,

№8 — труп охранника Патрика Труа-Бра 29 лет,

№9 — труп привратника Жана Карпантье 40 лет.

Тела, обозначенные под №№ 1-6, расположены в сидячих позах вокруг большого кухонного стола, причем №№ 1-3 застыли, уронив голову на скрещенные руки, №4 сложил под щекой ладони, №5 откинулась на спинку стула, а № 6 сидит на коленях у №2. Лица у №№ 1-6 спокойные, без малейших признаков страха или страдания. В то же время №№ 7-9, как видно по схеме, лежат поодаль от стола. №7 держит в руке свисток, однако никто из соседей минувшим вечером свиста не слышал. У №8 и №9 на лицах застыло выражение ужаса или, во всяком случае, крайнего изумления (фотографические снимки будут представлены к завтрашнему утру). Следы борьбы отсутствуют. Повреждения на телах при беглом осмотре также не обнаружены. Причину смерти без вскрытия установить невозможно. По признакам трупного окоченения судебно-медицинский врач мэтр Берном установил, что

смерть наступила в разное время, между 10 часами вечера (№6) и 6 часами утра, а №7, как уже было доложено, умер позднее, в больнице. Не дожидаясь результатов медицинской экспертизы, осмелюсь предположить, что все жертвы были подвергнуты воздействию сильнодействующего яда с быстрым усыпляющим эффектом, а время остановки сердца зависело то ли от полученной дозы яда, то ли от физической крепости каждого из отравленных.

Входная дверь особняка прикрыта, но не заперта. Однако на окне оранжереи (пункт 8 на схеме 1) наличествуют явственные следы взлома: стекло разбито, под окном на узкой полоске разрыхленной земли виден неотчетливый след мужского ботинка с подошвой в 26 сантиметров, острым носком и подкованным каблуком (фотографические снимки будут представлены). Вероятно, преступник проник в дом через сад, причем уже после того, как слуги были отравлены и погрузились в сон — иначе они непременно услышали бы звон разбитого стекла. В то

же время непонятно, зачем преступнику после того, как слуги были обезврежены, понадобилось лезть через сад — ведь он мог спокойно пройти внутрь дома из буфетной. Так или иначе, преступник поднялся из оранжереи на второй этаж, где расположены личные покои лорда Литтлби (см. схему 2). Как видно по схеме, в левой части второго этажа всего два помещения: зал, где размещена коллекция индийских раритетов, и непосредственно примыкающая к залу спальня хозяина. Тело лорда Литтлби обозначено на схеме 2 под №10 (см. также контурный рисунок). Лорд Литтлби одет в домашнюю куртку и суконные панталоны, правая ступня обмотана толстым слоем бинта. Судя по первичному осмотру тела, смерть наступила в результате необычайно сильного удара тяжелым продолговатым предметом в теменную область. Удар нанесен спереди. Ковер на несколько метров вокруг забрызган кровью и мозговым веществом. Забрызгана также разбитая стеклянная витрина, в которой, судя по табличке, прежде находилась статуэт-

ка индийского бога Шивы (надпись на табличке: «Бангалор, 2-ая пол. XVII в., золото») Фоном для исчезнувшего изваяния служили расписные индийские платки, один из которых также отсутствует.

Из отчета доктора Бернема о результатах патолого-анатомического исследования трупов, доставленных с рю де Гренель

…Однако, если причина смерти лорда Литтлби (труп №10) ясна и необычным здесь можно счесть лишь силу удара, расколовшего черепную коробку на семь фрагментов, то с №№ 1—9 картина была менее очевидна и потребовала не только вскрытия, но и химико-лабораторного исследования. Задачу до некоторой степени облегчил тот факт, что Ж.Лесаж (№ 7) в момент первичного осмотра был еще жив, и по некоторым характерным признакам (булавочные зрачки, замедленное дыхание, холодная липкая кожа, покраснение губ и мочек) можно было предположить отравление морфием. К сожалению, во время первичного осмотра на месте преступления мы исходили из казавшейся

очевидной версии перорального принятия яда и посему тщательно осмотрели только полость рта и глотку погибших. Когда ничего патологического найти не удалось, экспертиза зашла в тупик. Лишь при исследовании в морге у каждого из девяти покойников обнаружился едва заметный след инъекции на внутреннем сгибе левого локтя. Хоть это и выходит из сферы моей компетенции, позволю себе с достаточной долей уверенности предположить, что уколы сделаны лицом, имеющим немалый опыт процедур подобного рода. К такому выводу меня привели два обстоятельства:

1) инъекции сделаны исключительно аккуратно, ни у кого из осматриваемых не осталось видимой глазу гематомы;

2) нормальный срок впадения в состояние наркотического забытья составляет три минуты, а это значит, что все девять уколов были сделаны именно в данный интервал. Либо операторов было несколько (что маловероятно), либо один, но обладающий поистине поразительной сноровкой — даже если предположить,

что он заранее приготовил по снаряженному шприцу на каждого. В самом деле, трудно представить, что человек в здравом рассудке подставит руку для укола, если на его глазах кто-то уже потерял сознание от этой процедуры. Мой ассистент мэтр Жоли, правда, считает, что все эти люди могли находиться в состоянии гипнотического транса, но за многолетнюю работу мне ни с чем похожим сталкиваться не приходилось. Обращаю также внимание г-на комиссара на то, что №№7—9 лежали на полу в позах, выражавших явное смятение. Полагаю, что эти трое получили инъекции последними (или же обладали повышенной сопротивляемостью) и перед тем, как потерять сознание, поняли, что с их товарищами происходит нечто подозрительное. Лабораторный анализ показал, что каждая из жертв получила дозу морфия, примерно втрое превышающую летальную. Судя по состоянию трупа девочки (№6), которая должна была скончаться первой, инъекции были сделаны между 9 и 10 часами вечера 15 марта.

Десять жизней за золотого божка!

Кошмарное злодеяние в фешенебельном квартале

Сегодня, 16 марта, весь Париж только и говорит что о леденящем кровь преступлении, нарушившем чинное спокойствие аристократичной рю де Гренель. Корреспондент «Ревю паризъен» поспешил на место трагедий и готов удовлетворить законное любопытство наших читателей.

Итак, сегодня утром почтальон Жак Ле-Шьен, как обычно, в начале восьмого позвонил в дверь элегантного двухэтажного особняка, принадлежащего известному британскому коллекционеру лорду Литтлби. Когда привратник Карпантье, всегда лично принимающий почту для его сиятельства, не отворил, г-н Ле-Щьен удивился и, заметив, что входная дверь приоткрыта, вошел в прихожую. Минуту спустя 70-летний ветеран почтового ведомства с диким воплем выбежал обратно на улицу. Прибывшая по вызову полиция обнаружила в доме настоящее царство Аида — семеро слуг и двое детей

(11-летний сын дворецкого и 6-летняя внучка экономки) — спали вечным сном. Прибывшая полиция поднялась на второй этаж и нашла там хозяина дома, лорда Литтлби. Он плавал в луже крови, убитый в том самом хранилище, где содержалась его прославленная коллекция восточных редкостей. 55-летний англичанин был хорошо известен в высшем обществе нашей столицы. Он слыл человеком эксцентричным и нелюдимым, однако ученые-археологи и востоковеды почитали лорда Литтлби истинным знатоком индийской истории. Неоднократные попытки дирекции Лувра выкупить у лорда отдельные экземпляры его пестрой коллекции отвергались с негодованием. Покойный особенно дорожил уникальной золотой статуэткой Шивы, которая оценивается знающими людьми по меньшей мере в полмиллиона франков. Человек мнительный и подозрительный, лорд Литтлби очень боялся грабителей, и в хранилище денно и нощно дежурили двое вооруженных охранников.

Непонятно, почему охранники покинули свой пост и спустились на первый этаж. Непонятно, к какой неведомой силе прибег преступник, чтобы без малейшего сопротивления подчинить своей воле всех обитателей дома (полиция подозревает, что использован какой-то быстродействующий яд). Однако ясно, что самого хозяина злодей, застать дома не ожидал — его дьявольские расчеты были явно нарушены. Должно быть, именно этим следует объяснить звериную жестокость, с которой был умерщвлен почтенный коллекционер. Похоже, что с места преступления убийца скрылся в панике. Во всяком случае, он прихватил только статуэтку да один из расписных индийских платков, выставленных в той же витрине. Платок, видимо, понадобился, чтобы завернуть золотого Шиву — иначе блеск изваяния мог бы привлечь внимание кого-то из поздних прохожих. Прочие ценности (а их в коллекции немало) остались нетронутыми. Наш корреспондент установил, что лорд Литтлби вчера оказался дома случайно, по роковому

стечению обстоятельств. Он должен был вечером уехать на воды, однако из-за внезапного приступа подагры остался дома — себе на погибель.

Кощунственный размах и циничность массового убийства на рю де Гренель поражают воображение. Какое пренебрежение к человеческим жизням! Какая чудовищная жестокость! И ради чего — ради золотого истукана, который теперь и продать-то невозможно! При переплавке же Шива превратится в обычный двухкилограммовый слиток золота. Двести грамм желтого металла — вот цена, которую преступник дал каждой из десяти загубленных душ. O tempora, o mores! — воскликнем мы вслед за Цицероном.

Однако есть основания полагать, что неслыханное злодеяние не останется безнаказанным. Опытнейший из сыщиков парижской префектуры Гюстав Гош, которому поручено расследование, доверительно сообщил нашему корреспонденту, что полиция располагает некоей важной уликой. Комиссар абсолютно уверен, что возмездие будет скорым. На наш вопрос, не совершено ли преступление кем-либо из профессиональных грабителей, г-н Гош лукаво улыбнулся в свои седые усы и загадочно ответил: «Нет, сынок, тут ниточка тянется в хорошее общество». Больше вашему покорному слуге не удалось вытянуть из него ни единого слова.

Ж. дю Руа

Вот это улов!

Золотой Шива найден! «Преступление века» на рю де Гренель — дело рук сумасшедшего!

Вчера, 17 марта, в шестом часу пополудни, 13-летний Пьер Б., удивший рыбу у Моста Инвалидов, так прочно зацепил-

ся крючком за дно, что был вынужден лезть в холодную воду. («Что я, дурак, настоящий английский крючок бросать?» — сказал юный рыбак нашему репортеру.) Доблесть Пьера была вознаграждена: крючок зацепился не за какую-нибудь вульгарную корягу, а за увесистый предмет, наполовину ушедший в ил. Извлеченный из воды, предмет засиял неземным блеском, ослепив изумленного рыболова. Отец Пьера, отставной сержант и ветеран Седана, догадался, что это и есть знаменитый золотой Шива, из-за которого позавчера убили десять человек, и доставил находку в префектуру.

Как это понимать? Преступник, не остановившийся перед хладнокровным и изощренным убийством стольких людей, почему-то не пожелал воспользоваться трофеем своей чудовищной предприимчивости!

Следствие и публика поставлены в тупик. Публика, кажется, склонна считать, что в убийце запоздало пробудилась совесть, и он, ужаснувшись содеянного, бросил золотого истукана в реку. Многие

даже полагают, что злодей и сам утопился где-нибудь неподалеку. Полиция же менее романтична и находит в непоследовательности действий преступника явные признаки безумия.

Узнаем ли мы когда-нибудь истинную подоплеку этой кошмарной, непостижимой истории?

Альбом парижских красавиц

Серия из 20 фотографических карточек высылается наложенным платежом за 3 фр. 99 сант., включая стоимость пересылки. Уникальное предложение! Торопитесь — тираж ограничен. Париж, рю Койпель, типография «Пату и сын»

Часть первая
Порт-Саид — Аден

Комиссар Гош

В Порт-Саиде на борт «Левиафана» поднялся новый пассажир, занявший номер восемнадцатый, последнюю вакантную каюту первого класса, и у Гюстава Гоша сразу улучшилось настроение. Новенький выглядел многообещающе: сдержанные и неторопливые движения, непроницаемое выражение красивого лица — на первый взгляд вроде бы совсем молодого, но когда объект снял котелок, неожиданно обнаружились виски с проседью. Любопытный экземпляр, решил комиссар. Сразу видно — с характером и, что называется, *с прошлым*. В общем, несомненный клиент папаши Гоша.

Пассажир шел по трапу, помахивая портпледом, а потные грузчики волокли изрядный багаж: дорогие скрипучие чемоданы, добротные саквояжи свиной кожи, объемистые связки с книгами и даже складной велосипед (одно большое колесо, два маленьких и пук блестящих металлических трубок). Замыкали шествие двое бедолаг, тащивших внушительного вида гимнастические гири.

Сердце Гоша, старой ищейки (так любил аттестовать себя сам комиссар), затрепетало от

охотничьего азарта, когда у новенького не оказалось золотого значка — ни на шелковом лацкане щегольского летнего пальто, ни на пиджаке, ни на цепочке от часов. Теплее, совсем тепло, думал Гош, зорко поглядывая на франта из-под кустистых бровей и попыхивая, своей любимой глиняной трубочкой. И то сказать — с чего он взял, старый башмак, что душегуб сядет на пароход непременно в Саутгемптоне? Преступление совершено 15 марта, а сегодня уже 1 апреля. Запросто можно было добраться до Порт-Саида, пока «Левиафан» огибал западный контур Европы. И вот вам пожалуйста, одно к одному: по типу явный клиент плюс билет первого класса плюс главное — без золотого кита.

Проклятый значок с аббревиатурой пароходной компании «Джаспер-Арто партнершип» с некоторых пор начал сниться Гошу по ночам, и сны все были какие-то на редкость пакостные. Например, давешний.

Комиссар катался с мадам Гош на лодочке в Булонском лесу. Светило солнышко, насвистывали птички. Вдруг из-за вершин деревьев выглянула гигантская золотистая морда с бессмысленными круглыми глазами, разинула пасть, в которой запросто поместилась бы Триумфальная арка,

и стала всасывать в себя пруд. Гош, обливаясь потом, налег на весла. Между тем оказалось, что дело происходит вовсе и не в парке, а посреди безбрежного океана. Весла гнулись, как соломинки, мадам Гош больно тыкала зонтиком в спину, а огромная сияющая туша заслонила весь горизонт. Когда она выпустила фонтан в полнеба, комиссар проснулся и трясущейся рукой зашарил по столику — где там трубка и спички?

Впервые золотого кита Гош увидел на рю де Гренель, когда осматривал бренные останки лорда Литтлби. Англичанин лежал, разинув рот в немом крике — фальшивая челюсть наполовину выскочила, выше лба кровавое суфле. Гош присел на корточки — показалось, что у трупа между пальцев посверкивает золотая искорка, и, разглядев, заурчал от удовольствия. Сама собой подвалила редкостная, прямо-таки небывалая удача, какая бывает только в криминальных романах. Покойник, умница, преподнес следствию важную улику — не на блюдечке, на ладошке. На, Гюстав, держи. И попробуй только упустить того, кто мне башку раздрызгал — лопнуть тебе тогда от стыда, старый ты пень.

Золотая эмблема (правда, сначала Гош еще не знал, что это эмблема, — думал, брелок или

булавочная заколка с монограммой владельца) могла принадлежать только убийце. На всякий случай комиссар, конечно, показал кита младшему лакею (вот кому повезло-то: 15 марта у парня был выходной, что и спасло ему жизнь), но лакей никогда раньше у лорда этой безделушки не видел. И слава Богу.

Дальше завертелись маховики и закрутились шестеренки всего громоздкого полицейского механизма — министр и префект бросили на раскрытие «Преступления века» все лучшие силы. Уже к вечеру следующего дня Гош знал, что три буквы на золотомките — не инициалы какого-нибудь запутавшегося в долгах прожигателя жизни, а обозначение только что созданного франко-британского судоходного консорциума. Кит же оказался эмблемой чудо-корабля «Левиафан», недавно спущенного со стапелей в Бристоле и готовящегося к своему первому рейсу в Индию.

О гигантском пароходе газеты трубили уже не первый месяц. Теперь же выяснилось, что в канун первого плавания «Левиафана» Лондонский монетный двор отчеканил золотые и серебряные памятные значки: золотые для пассажиров первого класса и старших офицеров судна, серебряные — для пассажиров второго класса и субалтер-

нов. Третий класс на роскошном корабле, где достижения современной техники сочетались с небывалым комфортом, не предусматривался вовсе. Компания гарантировала путешественникам полное обслуживание, так что брать с собой в плавание прислугу было необязательно. «Внимательные лакеи и тактичные горничные пароходства позаботятся о том, чтобы вы чувствовали себя на борту „Левиафана“ как дома!» — гласила реклама, напечатанная в газетах всей Европы. Счастливцам, заказавшим каюту на первый рейс Саутгемптон—Калькутта, вместе с билетом вручали золотого или серебряного кита, в зависимости от класса. А заказать билет можно было в любом крупном европейском порту, от Лондона до Константинополя.

Что ж, эмблема «Левиафана» — это хуже, чем инициалы владельца, но задача усложнилась ненамного, рассудил комиссар. Все золотые значки считанные. Надо просто дождаться 19 марта — именно на этот день назначено торжественное отплытие, — приехать в Саутгемптон, подняться на пароход и посмотреть, у кого из пассажиров первого класса нет золотого кита. Или (что вероятнее всего), кто из купивших за такие деньжищи билет не явился на борт. Он-то и будет клиент

папаши Гоша. Проще картофельного супа.

Уж на что Гош не любил путешествовать, а тут не удержался. Очень хотелось самолично раскрыть «Преступление века». Глядишь, наконец и дивизионного дадут. До пенсии всего три года. Одно дело по третьему разряду пенсион получать, и совсем другое — по второму. Разница в полторы тысячи франков в год, а полторы тысячи на дороге не валяются.

В общем, сам напросился. Думал, прокатиться до Саутгемптона — ну, в худшем случае доплыть до Гавра, первой остановки, а там уж и жандармы на причале, и репортеры. Заголовок в «Ревю паризьен»:

> «„Преступление века“ раскрыто: наша полиция на высоте».

Или того лучше:

> «Старая ищейка Гош не подкачал».

О-хо-хо. Первый неприятный сюрприз ждал комиссара в мореходной конторе, в Саутгемптоне. Выяснилось, что на чертовом пароходище целых сто кают первого класса и десять старших офицеров. Все билеты проданы. Сто тридцать две

штуки. И на каждый выдано по золотому значку. Итого, сто сорок два подозреваемых, ничего себе? Но ведь эмблемы-то не окажется только у одного, успокаивал себя Гош.

Утром 19 марта нахохлившийся от сырого ветра, замотанный в теплое кашне комиссар стоял возле трапа, рядом с капитаном мистером Джосайей Клиффом и первым лейтенантом мсье Шарлем Рйнье. Встречали пассажиров. Духовой оркестр попеременно играл английские и французские марши, на пирсе возбужденно галдела толпа, а Гош пыхтел все яростней, грызя ни в чем не повинную трубку. Увы — из-за холодной погоды все пассажиры были в плащах, пальто, шинелях, капотах. Поди-ка разбери, у кого есть значок, а у кого нет. Это был подарочек номер два.

Все, кто должен был сесть на пароход в Саутгемптоне, оказались на месте, а сие означало, что, несмотря на потерю значка, преступник на пароход все-таки прибыл. Видно, считает полицейских полными идиотами. Или надеется затеряться среди такой уймы народа? А может, у него нет другого выхода?

В общем, ясно было одно: прокатиться до Гавра придется. Гошу выделили резервную каюту, пред-

назначенную для почетных гостей пароходства.

Сразу после отплытия в гранд-салоне первого класса состоялся банкет, на который комиссар возлагал особые надежды, поскольку в приглашениях было указано:

«Вход по предъявлении золотой эмблемы или билета первого класса». Ну кто ж станет носить в руке билет — куда как проще прицепить красивого золотого левиафанчика.

На банкете Гош отвел душу — каждого взглядом обшарил. Иным дамам был вынужден в самое декольте носом тыкаться. Висит там что-то в ложбинке на золотой цепке — то ли кит, то ли просто кулон. Как не проверить?

Все пили шампанское, угощались всякими вкусностями с серебряных подносов, танцевали, а Гош работал: вычеркивал из списка тех, у кого значок на месте. Больше всего мороки было с мужчинами. Многие, стервецы, прицепили кита к цепочке от часов, да и сунули в жилетный карман. Комиссару пришлось одиннадцать раз поинтересоваться, который нынче час.

Неожиданность номер три: у всех офицеров значки были на месте, но зато безэмблемных пассажиров обнаружилось целых четверо, притом двое женского пола! Удар, раскроивший череп

лорда Литтлби, словно скорлупу ореха, был такой мощи, что нанести его мог только мужчина, и не просто мужчина, а изрядный силач. С другой стороны, комиссару как опытнейшему специалисту по уголовным делам было отлично известно, что в состоянии аффекта либо истерического возбуждения самая слабая дамочка способна совершать истинные чудеса. Да что далеко за примерами ходить. В прошлом году модистка из Нейи, сущая пигалица, выкинула из окна, с четвертого этажа, неверного любовника — упитанного рантье вдвое толще и в полтора раза выше ее самой. Так что женщин, оказавшихся без значка, исключать из числа подозреваемых не следовало. Хотя где это видано, чтобы женщина, да еще дама из общества, умела с такой сноровкой делать уколы…

Так или иначе, расследование на борту «Левиафана» обещало затянуться, и комиссар проявил свою всегдашнюю обстоятельность. Капитан Джосайя Клифф единственный из офицеров парохода был посвящен в тайну следствия и имел инструкцию от руководства компании оказывать французскому блюстителю закона всяческое содействие. Гош воспользовался этой привилегией самым бесцеремонным образом: потребовал, чтобы все интересующие его персоны были при-

писаны к одному и тому же салону.

Тут необходимо пояснить, что из соображений приватности и уюта (в рекламе парохода говорилось: «Вы ощутите себя в атмосфере доброй старой английской усадьбы») особы, путешествующие первым классом, должны были столоваться не в огромном обеденном зале вместе с шестьюстами носителями демократичных серебряных китов, а были расписаны по комфортабельным «салонам», каждый из которых носил собственное название и имел вид великосветской гостиной: хрустальные светильники, мореный дуб и красное дерево, бархатные стулья, ослепительное столовое серебро, напудренные официанты и расторопные стюарды. Комиссар Гош облюбовал для своих целей салон «Виндзор», расположенный на верхней палубе, прямо в носовой части: три стены из сплошных окон, превосходный обзор, даже в пасмурный день можно не зажигать ламп. Бархат здесь был золотисто-коричневого оттенка, а на льняных салфетках красовался виндзорский герб.

Вокруг овального стола с прикрученными к полу ножками (это на случай сильной качки) стояло десять стульев с высокими резными спинками, украшенными всякими готическими

финтифлюшками. Комиссару понравилось, что все будут сидеть за одним столом, и он велел стюарду расставить таблички с именами не просто так, а со стратегическим смыслом: четверых безэмблемных пристроил аккурат напротив себя, чтобы глаз с них, голубчиков, не спускать. Усадить во главу стола самого капитана, как планировал Гош, не получилось. Мистер Джосайя Клифф не пожелал (по его собственному выражению) «участвовать в этом балагане» и обосновался в салоне «Йорк», где столовались новый вице-король Индии с супругой и двое генералов Индийской армии. «Йорк» располагался в престижной кормовой части, на максимальном удалении от зачумленного «Виндзора», где воцарился первый помощник Шарль Ренье. Он сразу пришелся комиссару не по душе: лицо загорелое, обожженное ветрами, а говорит сладенько, черные волосы блестят от бриллиантина, усишки нафабрены в две закорючки. Шут гороховый, а не моряк.

За двенадцать дней, миновавшие с момента отплытия, комиссар успел хорошенько приглядеться к соседям по салону, обучился светским манерам (то есть не курить во время трапезы и не собирать подливу коркой хлеба), более или

менее усвоил сложную географию плавучего города, притерпелся к качке — а к цели так и не приблизился.

Ситуация была такая.

Поначалу первым по степени подозрительности числился сэр Реджинальд Милфорд-Стоукс. Тощий, рыжий, с растрепанными бакенбардами. На вид лет двадцать восемь — тридцать. Ведет себя странно: то таращит зеленые глазищи куда-то вдаль и на вопросы не отвечает, то вдруг оживится и понесет ни к селу ни к городу про остров Таити, про коралловые рифы, про изумрудные лагуны и хижины с крышами из пальмовых листьев. Явный психопат. Зачем баронету, отпрыску богатого семейства, ехать на край света, в какую-то Океанию? Чего он там не видал? Вопрос об отсутствующем значке — между прочим, заданный дважды — чертов аристократ проигнорировал. Смотрел сквозь комиссара, а если и взглянет, то словно на муху какую. Сноб поганый. Еще в Гавре (стояли четыре часа) Гош сбегал на телеграф, отбил запрос в Скотланд-Ярд: мол, что за Милфорд-Стоукс такой, не замечен ли в буйстве, не баловался ли изучением медицины. Ответ пришел перед самым отплытием. Оказалось, ничего интересного, да и странности

объяснились. Но золотого кита у него все-таки нет, а значит, из списка клиентов рыжего вычеркивать рано.

Второй — мсье Гинтаро Аоно, «японский дворянин» (так написано в пассажирском регистре). Азиат как азиат: невысокий, сухонький, не поймешь какого возраста, с жидкими усиками, колючие глазки в щелочку. За столом в основном помалкивает. На вопрос о занятиях, смутившись, пробормотал: «офицер императорской армии». На вопрос о значке смутился еще больше, обжег комиссара ненавидящим взглядом и, извинившись, выскочил за дверь. Даже суп не доел. Подозрительно? Еще бы! Вообще же дикарь дикарем. В салоне обмахивается ярким бумажным веером, будто педераст из развеселых притонов на рю Риволи. По палубе разгуливает в деревянных шлепанцах, хлопчатом халате и вовсе без панталонов. Гюстав Гош, конечно, за свободу, равенство и братство, но все-таки не следовало такую макаку в первый класс пускать.

Теперь женщины.

Мадам Рената Клебер. Молоденькая. Пожалуй, едва за двадцать. Жена швейцарского банковского служащего. Едет к мужу в Калькутту. Красавицей не назовешь — остроносенькая,

подвижная, говорливая. С первой же минуты знакомства сообщила о своей беременности. Этому обстоятельству подчинены все ее мысли и чувства. Мила, непосредственна, но совершенно несносна. За двенадцать дней успела досмерти надоесть комиссару болтовней о своем драгоценном здоровье, вышиванием чепчиков и прочей подобной ерундой. Настоящий живот на ножках, хотя срок беременности пока небольшой, и собственно живот только-только обозначился. Разумеется, Гош улучил момент и спросил, где эмблема. Швейцарка захлопала ясными глазенками, пожаловалась, что вечно все теряет. Что ж, это очень даже могло быть. К Ренате Клебер комиссар относился со смесью раздражения и покровительственности, всерьез же за клиентку не держал.

Вот ко второй даме, мисс Клариссе Стамп, бывалый сыщик приглядывался куда как заинтересованней. Тут что-то, кажется, было нечисто. Вроде бы англичанка и англичанка, ничего особенного: скучные белесые волосы, не первой молодости, манеры тихие, чинные, но в водянистых глазах нет-нет да и промелькнет этакая чертовщинка. Знаем, видели таких. Кто в тихом омуте-то водится? Опять же примечательные

детальки. Так, ерунда, кто другой и внимания бы не обратил, но, у старого пса Гоша глаз цепкий. Платья и костюмы у мисс Стамп дорогие, новехонькие, по последней парижской моде, сумочка из черепахи (видел такую в витрине на Елисейских полях — триста пятьдесят франков), а записную книжечку достала — старая, дешевенькая, из простой писчебумажной лавки. Раз сидела на палубе в шальке (ветрено было), так у мадам Гош точь-в-точь такая же, из собачьей шерсти. Теплая, но не для английской леди. И что любопытно: новые вещи у этой Клариссы Стамп все сплошь дорогие, а старые плохонькие и самого низкого качества. Неувязочка. Как-то перед файф-о-клоком Гош у нее спросил: «А что это вы, сударыня, золотого кита ни разу не наденете? Не нравится? По-моему, шикарная вещица». Что вы думаете? Залилась краской почище «японского дворянина» и говорит: мол, надевала уже, вы просто не видели. Врет. Уж Гош бы заметил. Была у комиссара одна тонкая мыслишка, но тут требовалось подгадать психологически верный момент. Вот и посмотрим, как она отреагирует, эта Кларисса.

Раз уж мест за столом десять, а безэмблемных набралось четверо, решил Гош дополнить

комплект за счет прочих субъектов, хоть и со значками, а тоже по-своему примечательных. Чтоб расширить круг поиска — места-то все равно остаются.

Перво-наперво потребовал от капитана, чтобы к «Виндзору» приписали главного корабельного врача мсье Труффо. Джосайя Клифф поворчал, но уступил. Зачем Гошу понадобился главный врач — понятно: единственный на «Левиафане» медик, укольных дел мастер, которому по статусу положен золотой значок. Доктор оказался низеньким, полненьким итальянцем с оливковой кожей и лобастой лысой головой, которую венчал жидковатый зачес. Просто не хватало воображения представить этого комичного субъекта в роли беспощадного убийцы. Вместе с врачом пришлось выделить место его супруге. Доктор всего две недели как женился и решил совместить полезное с приятным, то есть службу с медовым месяцем. Стул, занятый новоиспеченной мадам Труффо, пропадал зря. Постная, неулыбчивая англичанка, избранница пароходного эскулапа, казалась вдвое старше своих двадцати пяти лет и нагоняла на Гоша смертельную тоску, как впрочем, и большинство ее соотечественниц. Он сразу окрестил ее «овцой» за белые ресницы

и блеющий голос. Впрочем, рот она раскрывала редко, поскольку французского не знала, а разговоры в салоне, слава Богу, в основном велись именно на этом благородном наречии. Значка у мадам Труффо вообще никакого не было, но это и естественно — она и не офицер, и не пассажир.

Еще комиссар усмотрел в регистре некоего индолога-археолога Энтони Ф. Свитчайлда и решил, что индолог ему в самый раз сгодится. Ведь покойник Литтлби тоже был чем-то в этом роде. Мистер Свитчайлд, долговязый штырь в круглых очках и с козлиной бороденкой, в первый же ужин сам завел разговор об Индии. После трапезы Гош отвел профессора в сторонку и осторожно повернул беседу к коллекции лорда Литтлби. Индолог-археолог пренебрежительно обозвал покойника дилетантом, а его коллекцию кунсткамерой, собранной безо всякого научного подхода. Мол, единственная настоящая ценность там — золотой Шива. Хорошо, что Шива отыскался сам по себе, потому что французская полиция, как известно, умеет только взятки брать. От этого вопиюще несправедливого замечания Гош сердито закашлялся, но Свитчайлд лишь посоветовал ему поменьше курить. Далее ученый снисходительно заметил, что Литтлби, пожалуй, обзавелся непло-

хим собранием расписных тканей и платков, среди которых попадаются крайне любопытные экземпляры, но это скорее из области туземных ремесел и прикладного искусства. Недурен и сандаловый ларец XVI века из Лахора с резьбой на сюжет из «Махабхараты» — и дальше завел такую бодягу, что комиссар вскоре заклевал носом.

Последнего соседа Гош подобрал, что называется, на глазок, В буквальном смысле. Дело в том, что недавно комиссару довелось прочесть одну занятную книженцию, переведенную с итальянского. Некий Чезаре Ломброзо, профессор судебной медицины из итальянского города Турина, разработал целую криминалистическую теорию, согласно которой прирожденные преступники не виноваты в своем антиобщественном поведении. По эволюционной теории доктора Дарвина, человечество проходит в своем развитии определенные этапы, постепенно приближаясь к совершенству. Преступник же — эволюционный брак, случайное возвращение на предшествующую ступень развития. Поэтому распознать потенциального убийцу и грабителя очень просто: он похож на обезьяну, от которой все мы и произошли. Комиссар долго размышлял над прочитанным. С одной стороны, среди

пестрой череды убийц и грабителей, с которыми ему пришлось иметь дело за тридцать пять лет полицейской службы, далеко не все походили на горилл, попадались такие ангелочки, что взглянешь — слеза умиления прошибает. С другой стороны, обезьяноподобных тоже хватало. Да и в Адама с Евой старый Гош, убежденный антиклерикал, не верил. Теория Дарвина выглядела поосновательней. А тут среди пассажиров первого класса попался ему на глаза один фрукт — прямо с картинки «Характерный тип убийцы»: низкий лоб, выпирающие надбровные дуги, маленькие глазки, приплюснутый нос, скошенный подбородок. Вот комиссар и попросил поместить этого самого Этьена Буало, чайного торговца, в «Виндзор». Оказался милейшим человеком — весельчак, отец одиннадцати детей и убежденный филантроп.

В общем, получалось, что и в Порт-Саиде, следующем порте после Гавра, плавание папаши Гоша не закончится. Расследование затягивалось. При этом многолетнее чутье подсказывало комиссару, что он тянет пустышку, нет среди всей этой публики настоящего фигуранта. Вырисовывалась тошнотворная перспектива плыть по всему чертову маршруту Порт-Саид — Аден — Бомбей

— Калькутта, а в Калькутте повеситься на первой же пальме. Не возвращаться же побитой собакой в Париж! Коллеги поднимут на смех, начальство станет тыкать в нос поездочкой в первом классе за казенный счет. Не турнули бы на пенсию раньше срока…

В Порт-Саиде Гош скрепя сердце разорился на дополнительные рубашки, поскольку плавание выходило длинным, запасся египетским табачком и от нечего делать прокатился за два франка на извозчике вдоль знаменитой гавани. Ничего особенного. Ну, здоровенный маяк, ну два длиннющих мола. Городишко производил странноватое впечатление — и не Азия, и не Европа. Посмотришь на резиденцию генерал-губернатора Суэцкого канала — вроде Европа. На центральных улицах сплошь европейские лица, разгуливают дамы под белыми зонтиками, топают пузом вперед богатенькие господа в панамах и соломенных канотье. А свернула коляска в туземный квартал — там зловоние, мухи, гниющие отбросы, чумазые арабские гамены клянчат мелочь. И зачем только богатые бездельники ездят в путешествия? Везде одинаково: одни жиреют от обжорства, другие пухнут от голода.

Устав от пессимистических наблюдений и

жары, комиссар вернулся на корабль понурый. А тут такая удача — новый клиент. И похоже, перспективный.

Комиссар наведался к капитану, навел справки. Итак, имя — Эраст П. Фандорин, российский подданный. Возраст российский подданный почему-то не указал. Род занятий — дипломат. Прибыл из Константинополя, следует в Калькутту, оттуда в Японию, к месту службы. Из Константинополя? Ага, должно быть, участвовал в мирных переговорах, которыми завершилась недавняя русско-турецкая война. Гош аккуратно переписал все данные на листок, прибрал в заветную коленкоровую папочку, где хранились все материалы по делу. С папкой он не расставался никогда — листал, перечитывал протоколы и газетные вырезки, а в минуту задумчивости рисовал на полях рыбок и домики. Это прорывалось заветное, из глубины сердца. Вот станет он дивизионным комиссаром, заработает приличную пенсию, и купят они с мадам Гош хорошенький домик где-нибудь в Нормандии. Будет отставной парижский флик рыбу удить да собственный сидр гнать. Плохо ли? Эх, к пенсии капиталец бы — хотя бы тысяч двадцать…

Пришлось еще раз наведаться в порт, благо

пароход ждал очереди на вход в Суэцкий канал, и отбить телеграммку в префектуру: не известен ли Парижу русский дипломат Э.П.Фандорин, не пересекал ли в недавнее время границ Французской республики?

Ответ пришел скоро, через два с половиной часа. Выяснилось, что пересекал, родной, и даже дважды. Первый раз летом 1876 года (ну это ладно), а второй раз в декабре 1877-го, то есть три месяца назад. Прибыл из Лондона, зарегистрирован паспортно — таможенным контролем в Па-де-Кале. Сколько пробыл во Франции, неизвестно. Вполне возможно, что 15 марта еще обретался в Париже. Мог и на рю де Гренель заглянуть со шприцем в руке — чем черт не шутит?

Стало быть, нужно освобождать местечко за столом. Лучше всего было бы, конечно, избавиться от докторши, но не покушаться же на священный институт брака. Малость подумав, Гош решил сплавить в другой салон чайного торговца — как не оправдавшего теоретических надежд и наименее перспективного. Пускай стюард его пересадит. Мол, есть местечко в салоне с господами поважнее или с дамочками посмазливей. На то он и стюард, чтобы подобные вещи устраивать.

Появление в салоне нового персонажа вызвало маленькую сенсацию — за время пути все уже успели изрядно друг другу поднадоесть, а тут свежий господин, и такой импозантный. Про бедного мсье Буало, представителя промежуточной ступени эволюции, никто даже не спросил. Комиссар отметил, что больше всех оживилась мисс Кларисса Стамп, старая дева: понесла что-то про художников, про театр, про литературу. Гош и сам любил на досуге посидеть в кресле с хорошей книжкой, всем авторам предпочитал Виктора Гюго — оно и жизненно, и возвышенно, и слезу прошибает. Да и дремлется на славу. Однако про русских писателей с шелестящими именами он, разумеется, и слыхом не слыхивал, так что принять участие в беседе не мог. Только зря старалась английская селедка, больно молод для нее мсье Fandorine.

Рената Клебер тоже не бездействовала — предприняла попытку зачислить новенького в штат своих клевретов, которых она безжалостно гоняла то за шалью, то за зонтиком, то за стаканом воды. Через пять минут после начала ужина мадам Клебер уже посвятила русского во все перипетии своего деликатного состояния, пожаловалась на мигрень и попросила сходить

за доктором Труффо, который нынче что-то задерживался. Однако дипломат, кажется, сразу раскусил, с кем имеет дело, и вежливо посетовал, что не знает доктора в лицо. Поручение помчался исполнять услужливый лейтенант Ренье, самая преданная из нянек беременной банкирши.

Первое впечатление от Эраста Фандорина было такое: немногословен, сдержан, вежлив. На вкус Гоша слишком уж лощеный. Крахмальный воротничок торчит будто алебастровый, в шелковом галстуке жемчужная булавка, в петлице (фу ты — ну ты) алая гвоздика. Гладкий проборчик волосок к волоску, холеные ногти, тонкие черные усы словно углем нарисованы.

По усам о мужчине можно заключить многое. Если такие, как у Гоша — моржовые, свисающие по углам рта, — значит, человек основательный, знающий себе цену, не вертопрах, на мишуру такого не возьмешь. Если подкрученные кверху, да еще с заостренными концами, — это юбочник и бонвиван. Сросшиеся с бакенбардами — честолюбец, мечтает быть генералом, сенатором или банкиром. Ну, а когда такие, как у мсье Фандорина, — это от романтического представления о собственной персоне.

Что еще можно было сказать про русского?

По-французски говорит прилично. Характерная деталь — слегка заикается. Значка как не было, так и нет. Больше всего интереса дипломат проявил к японцу, задавал ему всякие скучные вопросы про Японию, но самурай отвечал настороженно, словно ожидал подвоха. Дело в том, что новенький не объяснил обществу, куда и зачем едет — просто назвал свое имя и сказал, что русский. Комиссару же любознательность русского была понятна — ему в Японии жить. Гош представил страну, где все поголовно такие, как мсье Аоно, все живут в кукольных домиках с загнутыми крышами и чуть что выпускают себе потроха. М-да, русскому не позавидуешь.

После ужина, когда Фандорин сел в сторонке выкурить сигару, комиссар пристроился в соседнем кресле и задымил трубкой. Ранее Гош представился новому знакомому парижским рантье, из любопытства совершающим путешествие на Восток (такая была у него легенда). Теперь же повел разговор к делу, но издалека, осторожненько так. Повертел у себя на лацкане золотого кита (того самого, с рю Гренель), сказал как бы между прочим, для завязки беседы:

— Красивая штучка. Не находите?

Русский покосился на лацкан, промолчал.

— Чистое золото. Шик! — похвалил Гош. Снова выжидательное молчание, но вполне учтивое. Просто ждет человек, что последует дальше. Голубые глаза смотрят внимательно. Кожа у дипломата хороша — чистый персик. Румянец прямо как у девушки. Но не маменькин сынок, это сразу видно. Комиссар решил сменить тактику.

— Много путешествуете?

Неопределенное пожатие плечами.

— Вы ведь, кажется, до дипломатической части?

Фандорин вежливо наклонил голову, вынул из кармана длинную сигару, отрезал серебряным ножиком кончик.

— И во Франции бывать приходилось?

Опять утвердительный наклон головы. Собеседник из мсье русского неважнецкий, подумал Гош, но отступать не собирался.

— Я больше всего люблю Париж ранней весной, в марте, — мечтательно произнес сыщик. — Лучшее время года!

Он зорко взглянул на своего визави и внутренне подобрался — что скажет?

Фандорин кивнул дважды. Непонятно: то ли просто принял к сведению, то ли согласен. Начиная раздражаться, Гош враждебно насупил

брови.

— Так вам значок не нравится?

Трубка зашипела и погасла.

Русский коротко вздохнул, сунул руку в жилетный карман, двумя пальцами достал золотого кита и наконец соизволил разомкнуть уста:

— Я вижу, сударь, вас интересует мой з-значок? Вот он, извольте. Не ношу, потому что не желаю быть похожим на дворника с бляхой, хоть бы и з-золотой. Это раз. На рантье, мсье Гош, вы непохожи — слишком взглядом рыскаете. Да и зачем парижскому рантье таскать с собой казенную папку? Это два. Раз вам известен мой род занятий, стало быть, имеете д-доступ к судовым документам. Полагаю, что вы детектив. Это три. Теперь четыре. Если вам нужно у меня что-то выяснить, не ходите вокруг да около, а спрашивайте напрямую.

Вот и поговори с таким.

Пришлось выкручиваться. Гош доверительно шепнул не в меру проницательному дипломату, что является штатным корабельным детективом, призванным заботиться о безопасности пассажиров — но негласно и со всей возможной деликатностью, дабы не оскорблять чувств изысканной публики. Неизвестно, поверил ли

Фандорин, однако расспрашивать ни о чем не стал.

Нет худа без добра. Теперь у комиссара появился если не единомышленник, то по крайней мере собеседник, к тому же отличавшийся удивительной наблюдательностью и на редкость осведомленный в криминологии.

Они частенько сиживали вдвоем на палубе, поглядывали на пологий берег канала, курили (Гош трубку, русский сигару) и беседовали на разные любопытные темы. Например — о сверхсовременных методах идентификации и уличения преступников.

— Парижская полиция строит свою работу по последнему слову науки, — похвастал раз Гош. — Там в префектуре есть специальная служба идентификации, которой заведует молодой гений. Альфонс Бертильон. Он разработал целую систему регистрации преступных элементов.

— Я встречался с доктором Бертильоном во время моего последнего п-парижского визита, — неожиданно сказал Фандорин. — Он рассказал мне о своем антропометрическом методе. Бертильонаж — остроумная теория, очень остроумная. Вы уже начали п-применять ее на практике? Каковы результаты?

— Пока никаких, — пожал плечами комиссар. — Сначала нужно подвергнуть бертильонажу всех рецидивистов, а это займет годы. У Альфонса в отделе настоящий бедлам: приводят арестантов в кандалах, обмеряют их со всех сторон, как лошадей на ярмарке, расписывают данные на карточки. Зато скоро работка у полиции будет не бей лежачего. Допустим, находишь на месте кражи со взломом отпечаток левой руки. Замеряешь, идешь в картотеку. Ага, средний палец длиной 89 миллиметров, ищи в секции № 3. А там зарегистрированы семнадцать взломщиков с пальцем соответствующей длины. Дальше — сущие пустяки: проверь, кто из них где был в день кражи и хватай того, у кого нет алиби.

— Значит, преступники делятся на секции по д-длине среднего пальца? — с живейшим интересом спросил русский.

Гош снисходительно усмехнулся в усы:

— Там целая система, мой юный друг. Бертильон делит всех людей на три группы — по длине черепа. Каждую из трех групп затем на три подгруппы — по ширине черепа. Стало быть, подгрупп всего девять. Подгруппа, в свою очередь, делится на три секции — по размеру среднего пальца левой руки. Секций двадцать семь. Но

это еще не все. В секции три пакета — по размеру правого уха. Сколько получается пакетов? Правильно, восемьдесят один. Дальнейшая классификация учитывает рост, длину рук, высоту в сидячем положении, размер стопы, длину локтевого сустава. Всего 19.683 категории! Преступник, подвергшийся полному бертильонажу и попавший в нашу картотеку, никогда уже не сможет уйти от правосудия. Раньше-то им было раздолье — назвался при аресте вымышленным именем и не отвечаешь за все, что раньше натворил.

— Это замечательно, — задумчиво произнес дипломат, — однако бертильонаж очень мало помогает при изобличении конкретного п-преступления, особенно если человек ранее не арестовывался.

Гош развел руками:

— Ну, это проблема, которую науке не решить. Пока есть преступники, без нас, профессиональных ищеек, все равно не обойдешься.

— Приходилось ли вам с-слышать об отпечатках пальцев? — спросил Фандорин и показал комиссару узкую, но весьма крепкую кисть руки с отполированными ногтями и бриллиантовым перстнем.

С завистью взглянув на кольцо (годовое комис-

сарское жалованье, не меньше), Гош ухмыльнулся:

— Какое-нибудь цыганское гадание по ладошке?

— Вовсе нет. Еще с д-древних времен известно, что рельеф папиллярных линий на подушечках пальцев у каждого человека уникален. В Китае рабочий-кули скрепляет контракт о найме отпечатком большого пальца, обмакнутого в т-тушь.

— Ну, если бы каждый убийца был настолько любезен, что специально обмакивал бы палец в тушь и оставлял на месте преступления отпечаток… — Комиссар добродушно рассмеялся.

Однако дипломат, кажется, не был расположен шутить.

— Мсье корабельный д-детектив, да будет вам известно, что современная наука достоверно установила: отпечаток остается при соприкосновении пальца с любой сухой твердой поверхностью. Если преступник хоть мельком дотронулся до двери, до орудия убийства, до оконного стекла, он оставил след, при помощи к-которого злодея можно изобличить.

Гош хотел было сыронизировать, что во Франции двадцать тысяч преступников, а у них двести тысяч пальцев, ослепнешь в лупу смотреть, но

запнулся. Вспомнилась расколоченная витрина в особняке на рю де Гренель. На разбитом стекле осталось множество отпечатков пальцев. Однако никому и в голову не пришло их скопировать — осколки отправились в мусор.

Ишь до чего прогресс дошел! Ведь это что получается? Все преступления совершаются руками, так? А руки-то, оказывается, умеют доносить не хуже платных осведомителей! Да если у всех бандюг и ворюг пальчики срисовать, они ж не посмеют своими грязными лапами ни за какое черное дело браться! Тут и преступности конец.

От таких перспектив просто голова шла кругом.

Реджинальд Милфорд-Стоукс

2 апреля 1878 года
18 часов 34 и 1/2 минуты по Гринвичу

Моя драгоценная Эмили,

Сегодня вошли в Суэцкий канал. Во вчерашнем письме я подробно описал Вам историю и топографию Порт-Саида, теперь же не могу удержаться, чтобы не сообщить некоторые любопытные и поучительные сведения о Великом Канале, грандиознейшем творении человеческих рук, который отметит в следующем году свое десятилетие. Известно ли Вам, моя обожаемая женушка, что нынешний канал является уже четвертым по счету, а первый был прорыт еще в XIV веке до Рождества Христова в правление великого фараона Рамзеса? Когда Египет пришел в упадок, ветры пустыни занесли русло песком, но при персидском царе Дарии, за 500 лет до Христа, рабы вырыли новый канал, стоивший 120000 человеческих жизней. Геродот пишет, что плавание по нему занимало четыре дня и две встречные триремы проходили друг мимо друга свободно, не касаясь веслами. Несколько кораблей из разбитого флота Клеопатры скрылись этим путем

в Красное море и тем самым спаслись от гнева грозного Октавиана.

После распада Римской империи время и песок снова отделили Атлантический океан от Индийского стомильной зыбучей стеной, но стоило на этих бесплодных землях образоваться сильному государству последователей пророка Магомета, и люди снова взялись за мотыги и кирки. Я плыву вдоль этих мертвых солончаков и бескрайних барханов, не уставая восхищаться тупым мужеством и муравьиной кропотливостью человеческого племени, ведущего нескончаемую, обреченную на неминуемое поражение борьбу с всемогущим Хроносом. Двести лет по арабскому каналу ходили суда, груженные хлебом, а потом земля стерла со своего чела жалкую морщинку, и пустыня погрузилась в тысячелетний сон.

Отцом нового Суэца, к сожалению, стал не британец, а француз Лессепс, представитель нации, к которой, милая Эмили, я отношусь с глубочайшим и вполне оправданным презрением. Этот пронырливый дипломат уговорил египетского наместника выдать фирман на создание «Универсальной компании Суэцкого морского канала». Компания получила право 99-летней аренды будущей водной магистрали, а египетскому

правительству причиталось всего 15 % чистого дохода! И эти мерзкие французы еще смеют называть нас, британцев, грабителями отсталых народов! По крайней мере, мы завоевываем свои привилегии шпагой, а не заключаем грязных сделок с алчными туземными чинушами.

Ежедневно 1600 верблюдов доставляли рабочим, рывшим Великий Канал, питьевую воду, но бедняги все равно мерли тысячами от жажды, зноя и заразных болезней. Наш «Левиафан» плывет прямо по трупам, я так и вижу, как из-под песка скалятся желтыми зубами голые, безглазые черепа. Понадобилось десять лет и пятнадцать миллионов фунтов стерлингов, чтобы завершить эту грандиозную стройку. Зато теперь корабль идет из Англии в Индию почти вдвое короче, чем прежде. Каких-то 25 дней, и прибываешь в Бомбей. Невероятно! И какой размах! Глубина канала превышает 100 футов, так что даже наш исполинский ковчег плывет безбоязненно, не рискуя сесть на мель.

Сегодня за обедом меня разобрал неудержимый смех, я подавился корочкой хлеба, закашлялся и все не мог успокоиться. Жалкий фат Ренье (я писал Вам о нем, это первый лейтенант «Левиафана») с фальшивым участием спросил, в чем

причина моего веселья, а я зашелся хохотом еще пуще. Не мог же я сказать ему, какая мысль меня так рассмешила. Строили канал французы, а плоды достались нам, англичанам. Три года назад правительство ее величества выкупило у египетского хедива контрольный пакет акций, и теперь на Суэце хозяйничаем мы, британцы. А между прочим, акция канала, которую некогда продавали за 15 фунтов, ныне стоит 3000! Каково? Ну как тут не посмеяться?

Впрочем я, верно, утомил Вас этими скучными подробностями. Не взыщите, моя дорогая Эмили, — у меня нет другого досуга кроме писания длинных писем. Когда я скриплю пером по веленевой бумаге, мне кажется, что Вы рядом и я веду с Вами неспешную беседу. Знаете, от жаркого климата я стал чувствовать себя гораздо лучше. Я теперь не помню кошмаров, которые снятся мне по ночам. Но они никуда не делись — утром, когда я просыпаюсь, наволочка мокра от слез, а бывает, что и изгрызана зубами.

Ну да это пустяки. Каждый новый день, каждая миля пути приближают меня к новой жизни. Там, под ласковым солнцем экватора, эта ужасная разлука, переворачивающая мне всю душу, наконец закончится. О, скорей бы уж! Так не

терпится вновь увидеть Ваш лучистый, нежный взгляд, мой милый друг.

Чем бы еще Вас развлечь? Да вот хоть бы описанием нашего «Левиафана» — тема более чем достойная. В прежних письмах я слишком много писал о своих чувствах и снах и еще не изобразил Вам во всех красках сей триумф британской инженерной мысли.

«Левиафан» — крупнейший из пассажирских судов во всей мировой истории, за исключением только колоссального «Грейт-Истерна», вот уже двадцать лет бороздящего воды Атлантики. Жюль Верн, описавший «Грейт-Истерн» в книге «Плавучий город», не видел нашего «Левиафана» — иначе он переименовал бы старичка «Г.-И.» в «плавучую деревню». Тот всего лишь прокладывает по океанскому дну телеграфные кабели, «Левиафан» же может перевезти тысячу человек и еще 10 000 тонн груза впридачу. Длина этого огнедышащего монстра превышает 600 футов, ширина достигает 80-ти. Известно ли Вам, милая Эмили, как строится корабль? Сначала его ***разбивают на плазе****, то есть вычерчивают в особом строении, прямо на гладко выструганном полу, чертеж судна в натуральную величину. Чертеж «Левиафана» был такого размера, что*

пришлось строить балаган размером с Букингемский дворец!

Чудо-пароход имеет две паровых машины, два мощных колеса по бортам и еще гигантский винт на корме. Шесть мачт, уходящих в самое небо, оснащены полным парусным вооружением, и при попутном ветре, да еще на полном машинном ходу корабль развивает скорость в 16 узлов! На пароходе использованы все новейшие достижения судостроительной промышленности. Средь них — двойной металлический корпус, который спасет судно даже при ударе о скалу; специальные боковые кили, уменьшающие качку; полное электрическое освещение; водонепроницаемые отсеки; огромные холодильники для отработанного пара — да всего не перечислишь. Весь опыт многовековой работы изобретательного и неугомонного человеческого ума сконцентрирован в этом гордом корабле, безбоязненно рассекающем морские волны. Вчера я, по своему давнему обыкновению, открыл Священное Писание на первой попавшейся странице и был потрясен — в глаза мне бросились строки о Левиафане, грозном морском чудовище из Книги Иова. Я затрепетал, внезапно поняв, что речь там идет вовсе не о морском змее, как считали древние, и не о каша-

лоте, как утверждают нынешние рационалисты — нет, в Библии явно говорится о том самом «Левиафане», который взялся доставить меня из мрака и ужаса к счастью и свету. Судите сами: ***«Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости»****. Паровой котел, кипящая мазь — то есть мазут, светящаяся стезя — след за кормой. Ведь это же очевидно!*

И мне стало страшно, милая Эмили. В этих строках содержится некое грозное предостережение — то ли персонально мне, то ли пассажирам «Левиафана», то ли всему человечеству. Ведь гордость с точки зрения Библии — это плохо? И если Человек с его техническими игрушками «на все высокое смотрит смело», не чревато ли это какими-нибудь катастрофическими последствиями? Не слишком ли мы возгордились своим резвым умом и проворными руками? Куда несет всех нас царь гордости? Что ждет нас впереди?

И открыл я молитвенник, чтобы помолиться — впервые за долгое-долгое время. Вдруг читаю:

«В мыслях у них, что домы их вечны, и что жилища их род в род, и земли свои называют они своими именами. Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают. Этот путь их есть безумие их, хотя последующие за ними одобряют мнение их».

Но когда, охваченный мистическим чувством, я дрожащей рукой открыл Книгу в третий раз, мой воспаленный взгляд уперся в скучное место из Чисел, где с бухгалтерской дотошностью перечисляются жертвоприношения колен Израилевых. И я успокоился, позвонил в серебряный звонок и велел стюарду принести мне горячего шоколада.

Комфорт, царящий в той части судна, которая отведена для приличной публики, поражает воображение. В этом отношении «Левиафан» уж воистину не имеет себе равных. В прошлое канули времена, когда путешествующие в Индию или Китай ютились в тесных, темных каморках друг у друга на голове. Вы знаете, любимая женушка, как остро развита во мне клаустрофобия, но на «Левиафане» я ощущаю себя, словно на просторной набережной Темзы. Здесь есть все необходимое для борьбы со скукой: и танцеваль-

ный зал, и музыкальный салон для концертов классической музыки, и недурная библиотека. Каюта первого класса не уступит убранством номеру лучшего лондонского отеля. Таких кают на корабле сто. Кроме того 250 кают второго класса на 600 мест (туда я не заглядывал — не выношу убожества), и, говорят, еще есть поместительные грузовые трюмы. Одной только обслуги, не считая матросов и офицеров, на «Левиафане» больше 200 человек — стюарды, повара, лакеи, музыканты, горничные. Представляете, я совершенно не жалею, что не взял с собой Джереми. Бездельник вечно совал нос не в свои дела, а тут ровно в одиннадцать приходит горничная, делает уборку и выполняет все мои поручения. Это удобно и разумно. При желании можно звонком вызвать лакея, чтобы подал одеться, но я почитаю это излишним — одеваюсь и раздеваюсь сам. В мое отсутствие прислуге входить в каюту строжайше запрещено, а, выходя, я закрепляю на двери волосок. Опасаюсь шпионов. Поверьте мне, милая Эмили, это не корабль, а настоящий город, и всякой швали тут довольно.

Сведения про пароход в основном почерпнуты мной из объяснений лейтенанта Ренье, большого патриота своего судна. Впрочем, человек он

несимпатичный и находится у меня на серьезном подозрении. Изо всех сил изображает джентльмена, но меня не проведешь — я дурную породу носом чувствую. Желая произвести приятное впечатление, этот субъект пригласил меня к себе в каюту. Я заглянул — не столько из любопытства, сколько из желания оценить степень угрозы, которую может представлять сей чумазый господин (о его внешности см. мое письмо от 20 марта). Обстановка скудная, что еще больше бросается в глаза из-за безвкусных притязаний на бонтонность (китайские вазы, индийские курительницы, дрянной морской пейзажик на стене и проч.). На столе среди карт и навигационных приборов — большой фотографический портрет женщины в черном. Надпись по-французски: «Семь футов под килем, милый! Франсуаза Б.» Я спросил, не жена ли. Выяснилось — мать. Трогательно, но подозрений не снимает. Я по-прежнему намерен самостоятельно производить замеры курса каждые три часа, хоть из-за этого мне дважды приходится вставать ночью. Конечно, пока мы плывем по Суэцкому каналу, это вроде бы и излишне, но не хочу терять навыков обращения с секстантом.

Времени у меня предостаточно, и мой досуг

помимо писания писем заполнен наблюдением за ярмаркой тщеславия, окружающей меня со всех сторон. Среди этой галереи человеческих типов попадаются и презанятные. Про иных я Вам уже писал, вчера же в нашем салоне появилось новое лицо. Представьте себе, он русский. Имя — Эраст Фандорин. Вы знаете, Эмили, как я отношусь к России, этому уродливому наросту, накрывшему половину Европы и треть Азии. Россия норовит распространить свою пародирующую христианство религию и свои варварские обычаи на весь мир, и Альбион — единственная преграда на пути сих новых гуннов. Если б не решительная позиция, занятая правительством ее величества в нынешнем восточном кризисе, царь Александр загреб бы своими медвежьими лапами и Балканы, и…

Впрочем, об этом я Вам уже писал и не хочу повторяться. К тому же мысли о политике плохо действуют на мои нервы. Сейчас без четырех минут восемь. Как я уже сообщал Вам, «Левиафан» до Адена живет по британскому времени, поэтому в восемь здесь уже ночь. Пойду замерю долготу и широту, потом поужинаю и продолжу письмо.

Шестнадцать минут одиннадцатого.

Я вижу, что не закончил про мистера Фандо-

рина. Пожалуй, он мне нравится — несмотря на свою национальность. Хорошие манеры, молчалив, умеет слушать. Должно быть, он принадлежит к тому сословию, которое в России называют итальянским словом intelligenzia, кажется, подразумевая образованный европейский класс. Согласитесь, дорогая Эмили, что общество, в котором европейский класс выделяется в особую прослойку населения и при этом именуется иностранным словом, вряд ли можно причислять к разряду цивилизованных. Представляю, какая пропасть отделяет человекообразного мистера Фандорина от какого-нибудь бородатого kossack или muzhik, которые составляют в этой татарско-византийской империи 90 % населения. С другой стороны, подобная дистанция должна необычайно возвышать и облагораживать человека образованного и думающего. Над этим еще надо будет поразмыслить.

Мне понравилось, как элегантно осадил мистер Фандорин (кстати, он, оказывается, дипломат — это многое объясняет) несносного мужлана Гоша, который утверждает, что он рантье, хотя невооруженным глазом видно: этот тип занимается какими-то грязными делишками. Не удивлюсь, если он едет на Восток закупать

опиум и экзотичных танцовщиц для парижских вертепов.[Последняя фраза перечеркнута]. *Я знаю, милая Эмили, что Вы истинная леди и не станете пытаться прочесть то, что зачеркнуто. Меня немного занесло, и я написал нечто, недостойное Ваших целомудренных глаз.*

Так вот, о сегодняшнем ужине. Французский буржуа, который в последнее время расхрабрился и стал что-то уж очень болтлив, принялся с самодовольным видом рассуждать о преимуществах старости над молодостью. «Вот я старше всех присутствующих, — сказал он снисходительно, этаким Сократом. — Сед, одутловат, собою нехорош, но не думайте, дамы и господа, что папаша Гош согласился бы поменяться с вами местами. Когда я вижу кичливую молодость, похваляющуюся перед старостью своей красотой и силой, своим здоровьем, мне нисколько не завидно. Ну, думаю, это не штука, таким когда-то был и я. А вот ты, голубчик, еще неизвестно, доживешь ли до моих шестидесяти двух. Я уже вдвое счастливее, чем ты в твои тридцать лет, потому что мне повезло прожить на белом свете вдвое дольше». И отхлебнул вина, очень гордясь оригинальностью своего мышления и кажущейся непререкаемостью логики. Тут мистер

Фандорин, доселе рта не раскрывавший, вдруг с пресерьезной миной говорит: «Так оно безусловно и есть, господин Гош, ежели рассматривать жизнь в восточном смысле — как нахождение в одной точке бытия и вечное „сейчас“. Но существует и другое суждение, расценивающее жизнь человека как единое и цельное произведение, судить о котором можно лишь тогда, когда дочитана последняя страница. При этом произведение может быть длинным, как тетралогия, или коротким, как новелла. Однако кто возьмется утверждать, что толстый и пошлый роман непременно ценнее короткого, прекрасного стихотворения?» Смешнее всего то, что наш рантье, который и в самом деле толст и пошл, даже не понял, что речь идет о нем. Даже когда мисс Стамп (неглупая, но странная особа) хихикнула, а я довольно громко фыркнул, до француза так и не дошло — он остался при своем убеждении, за что честь ему и хвала.

Правда, в дальнейшем разговоре, уже за десертом, мсье Гош проявил удивившее меня здравомыслие. Все же в отсутствии регулярного образования есть свои преимущества: не скованный авторитетами рассудок иногда способен делать интересные и верные наблюдения.

Судите сами. Амебообразная миссис Труффо, жена нашего остолопа доктора, вновь принялась сюсюкать о «малютке» и «ангелочке», которым вскорости осчастливит своего банкира мадам Клебер. Поскольку по-французски миссис Труффо не говорит переводить ее слащавые сентенции о семейном счастье, немыслимом без «лепета крошек», пришлось несчастному супругу. Гош пыхтел-пыхтел, а потом вдруг заявляет: «Не могу с вами согласиться, мадам. Истинно счастливой супружеской паре дети вовсе не нужны, ибо мужу и жене вполне достаточно друг друга. Мужчина и женщина — как две неровные поверхности, каждая с буграми и вмятинами. Если поверхности прилегают друг к другу неплотно, то нужен клей, без него конструкцию, то бишь семью, не сохранить. Вот дети и есть тот самый клей. Если же поверхности совпали идеально, бугорок во впадинку, клей ни к чему. Взять хоть меня и мою Бланш. Тридцать три года прожили душа в душу, пуговка в петельку. На кой нам дети? И без них славно». Можете себе представить. Эмили, волну праведного негодования, обрушившуюся на голову ниспровергателя вечных ценностей. Больше всех усердствовала сама мадам Клебер, вынашивающая в своем чреве маленького швейцарчика. При

виде ее аккуратного, всячески выставляемого напоказ животика меня всего корчит. Так и вижу свернувшегося внутри калачиком мини-банкира с подкрученными усишками и надутыми щеками. Со временем у четы Клебер несомненно народится целый батальон швейцарской гвардии.

Должен признаться Вам, моя нежно обожаемая Эмили, что меня мутит от вида беременных женщин. Они отвратительны! Эта бессмысленно-животная улыбка, эта мерзкая мина постоянного прислушивания к собственной утробе! Я стараюсь держаться от мадам Клебер подальше. Поклянитесь мне, дорогая, что у нас никогда не будет детей. Толстый буржуа тысячу раз прав! Зачем нужны дети? Ведь мы и так безмерно счастливы. Надо только переждать эту вынужденную разлуку.

Однако без двух минут одиннадцать. Пора делать замер.

Проклятье! Я перерыл всю каюту. Мой секстант исчез. Это не бред! Он лежал в сундучке вместе с хронометром и компасом, а теперь его нет! Мне страшно, Эмили! О, я предчувствовал! Оправдались мои худшие подозрения!

Почему? За что? Они готовы на любую гнусность, только бы не допустить нашей встречи!

Как я теперь проверю, тем ли курсом идет пароход? Это Ренье, я знаю! Я видел, какими глазами он посмотрел на меня, когда прошлой ночью на палубе увидел мои манипуляции с секстантом! Негодяй!

Идти к капитану, потребовать возмездия. А если они заодно? Боже, Боже, сжалься надо мной.

Пришлось сделать паузу. Так разволновался, что был вынужден принять капли, прописанные доктором Дженкинсом. И, как он велел, стал думать о приятном. О том, как мы с Вами будем сидеть на белой веранде и смотреть вдаль, пытаясь угадать, где кончается море и начинается небо. Вы улыбнетесь и скажете: «Милый Реджи, вот мы и вместе». Потом мы сядем в кабриолет и поедем кататься вдоль бере…

Господи, что я несу! Какой кабриолет!

Я чудовище, и мне нет прощения.

Рената Клебер

Она проснулась в прекрасном настроении. Приветливо улыбнулась солнечному зайчику, заползшему на ее смятую подушкой круглую щеку, прислушалась к животу. Плод вел себя тихо, но ужасно хотелось есть. До завтрака оставалось еще целых пятьдесят минут, но Ренате терпения было не занимать, а скучать она просто не умела. По утрам сон покидал ее также стремительно, как накатывал по вечерам — она просто клала голову на сложенные бутербродом ладони, и в следующую секунду уже видела какой-нибудь приятный и веселый сон.

Мурлыкая легкомысленную песенку про бедную Жоржет, влюбившуюся в трубочиста. Рената совершила утренний туалет, протерла свежее личико настойкой лаванды, а потом быстро и ловко причесалась: надо лбом взбила челочку, густые каштановые волосы затянула в гладкий узел, а по вискам пустила две завитушечки. Получилось как раз то что надо — скромненько и миленько. Выглянула в иллюминатор. Все то же: ровный окаем канала, желтый песок, белые глинобитные домики жалкой деревушки. Будет жарко. Значит,

белое кружевное платье, соломенная шляпка с красной лентой и не забыть зонтик — после завтрака непременный моцион. Впрочем, с зонтиком таскаться было лень. Ничего, кто-нибудь принесет.

Рената с видимым удовольствием покрутилась перед зеркалом, встала боком, натянула платье на животе. По правде говоря, смотреть пока особенно было не на что.

На правах беременной пришла к завтраку раньше положенного — официанты еще накрывали. Рената немедленно велела подать ей апельсинового сока, чаю, рогаликов с маслом и всего остального. Когда появился первый из соседей по столу — толстый мсье Гош, тоже ранняя пташка, — будущая мать уже справилась с тремя рогаликами и подбиралась к омлету с грибами. Завтрак на «Левиафане» подавали не какой-нибудь континентальный, а самый настоящий английский: с ростбифом, яичными изысками, пудингом и кашей. Французскую часть консорциума представляли только круассаны. Зато за обедом и ужином в меню безраздельно властвовала французская кухня. Ну не почки же с бобами подавать в салоне «Виндзор»?

Первый помощник капитана явился, как все-

гда, ровно в девять. Заботливо осведомился о самочувствии мадам Клебер. Рената соврала, что спала плохо и ощущает себя совершенно разбитой, а все из-за того, что плохо открывается иллюминатор и душно. Лейтенант Ренье переполошился, обещал, что лично наведается и устранит неисправность. Яиц и ростбифа он не ел — придерживался какой-то мудреной диеты и питался в основном зеленью. Рената его за это жалела.

Потихоньку подтянулись остальные. Разговор за завтраком обычно получался вялый — те, кто постарше, еще не пришли в себя после скверно проведенной ночи; молодые же пока не вполне проснулись. Потешно было наблюдать, как стервозная Кларисса Стамп обхаживает заику-дипломата. Рената покачала головой: надо же выставлять себя такой дурой. Ведь он тебе, милочка, в сыновья годится, даром что с импозантной проседью. По зубам ли стареющей жеманнице этакий красавчик?

Самым последним пришел рыжий Псих (так Рената называла про себя английского баронета). Космы торчат, глаза красные, уголок рта подергивается — жуть и ужас. Но мадам Клебер его ничуточки не боялась, а при случае не упускала

возможности слегка позабавиться. Вот и сейчас она с невинно-ласковой улыбкой протянула Психу молочник. Милфорд-Стоукс (ну и имечко), как и предполагалось, брезгливо, отодвинул свою чашку. Рената знала по опыту, что теперь он к молочнику не притронется, будет пить кофе черным.

— Что это вы шарахаетесь, сударь? — дрогнув голосом, пролепетала она. — Не бойтесь, беременность не заразна. — И закончила уже безо всякой дрожи. — Во всяком случае для мужчин.

Псих метнул в нее испепеляющий взгляд, разбившийся о встречный — лучистый и безмятежный. Лейтенант Ренье спрятал ладонью улыбку, рантье хмыкнул. Даже японец, и тот улыбнулся Ренатиной выходке. Правда, этот мсье Аоно все время улыбается, даже и безо всякого повода. Может, у них, у японцев, улыбка вообще означает не веселость, а что-нибудь совсем другое. Например, скуку или отвращение.

Отулыбавшись, мсье Аоно отмочил свою обычную штуку, от которой соседей по столу с души воротило: достал из кармана бумажную салфеточку, громко в нее высморкался, скомкал и аккуратненько уложил мокрый комок на краешек своей грязной тарелки. Любуйся теперь на

эту икэбану. Про икэбану Рената прочла в романе Пьера Лота и запомнила звучное слово. Интересная идея — составлять букеты не просто так, а с философским смыслом. Надо бы как-нибудь попробовать.

— Вы какие цветы любите? — спросила она доктора Труффо.

Тот перевел вопрос своей кляче, потом ответил:

— Анютины глазки.

И ответ тоже перевел: pansies.

— Обожаю цветы! — воскликнула мисс Стамп (тоже еще инженю выискалась). — Но только живые. Люблю гулять по цветущему лугу! У меня просто сердце разрывается, когда я вижу, как бедные срезанные цветы вянут и роняют лепестки! Поэтому я никому не позволяю дарить себе букетов. — И томный взгляд на русского красавчика.

Жалость какая, а то все так и забросали бы тебя букетами, подумала Рената, вслух же сказала:

— По-моему, цветы — это венцы Божьего творения, и топтать цветущий луг я почитаю за преступление.

— В парижских парках это и считается преступлением, — изрек мсье Гош. — Кара — десять франков. И если дамы позволят старому невеже

закурить трубку, я расскажу вам одну занятную историйку на эту тему.

— О, дамы, проявите снисходительность! — вскричал очкастый индолог Свитчайлд, тряся бороденкой а-ля Дизраэли. — Мсье Гош такой великолепный рассказчик!

Все обернулись к беременной Ренате, от которой зависело решение, и она с намеком потерла висок. Нет, голова нисколечки не болела — просто Рената тянула приятное мгновение. Однако послушать «историйку» ей тоже было любопытно, и потому она с жертвенным видом кивнула:

— Хорошо, курите. Только пусть кто-нибудь обмахивает меня веером.

Поскольку стервозная Кларисса, обладательница роскошного страусиного веера, сделала вид, что к ней это не относится, отдуваться пришлось японцу. Гинтаро Аоно уселся рядом и так усердно принялся размахивать у страдалицы перед носом своим ярким веером с бабочками, что через минуту Ренату и в самом деле замутило от этого калейдоскопа. Японец получил реприманд за излишнее рвение.

Рантье же вкусно затянулся, выпустил облачко ароматного дыма и приступил к рассказу:

— Хотите верьте, хотите не верьте, но история

подлинная. Служил в Люксембургском саду один садовник, папаша Пикар. Сорок лет поливал и подстригал цветочки, и до пенсии ему оставалось всего три года. Однажды утром вышел папаша Пикар с лейкой, видит — на клумбе с тюльпанами разлегся шикарный господин во фраке. Раскинулся на раннем солнышке, разнежился. Видно, из ночных гуляк — кутил до рассвета, а до дома не добрался, сомлел. — Гош прищурился, обвел присутствующих лукавым взглядом. — Пикар, конечно, осерчал — тюльпаны-то помяты — и говорит: «Поднимайтесь, мсье, у нас в парке на клумбе лежать не положено! За это штраф берем, десять франков». Гуляка глаз приоткрыл, достал золотую монету. «На, говорит, старик, и оставь меня в покое. Давно так славно не отдыхал». Ну, садовник монету принял, а сам не уходит. «Штраф вы уплатили, но оставить вас тут я права не имею. Извольте-ка подняться». Тут господин во фраке и второй глаз открыл, однако вставать не торопится. «Сколько ж тебе заплатить, чтоб ты мне солнце не заслонял? Плачу любую сумму, если отвяжешься и дашь часок подремать». Папаша Пикар в затылке почесал, прикинул что-то в уме, губами пошевелил. «Что ж, говорит, если вы, сударь, желаете приобрести

часок лежания на клумбе Люксембургского сада, это будет вам стоить восемьдесят четыре тысячи франков и ни единым су меньше». — Седоусый француз весело усмехнулся и покачал головой, как бы восхищаясь наглостью садовника. — И ни единым, говорит, су меньше, так-то. А надо вам сказать, что этот подгулявший господин был не простой человек, а сам банкир Лаффит, наибогатейший человек во всем Париже. Слов на ветер Лаффит бросать не привык, сказал «любую сумму» — деваться некуда. Зазорно ему хвост-то поджимать и от своего банкирского слова отказываться. Но и деньжищи этакие за здорово живешь первому встречному нахалу отдавать неохота. Как быть? — Гош пожал плечами, изображая крайнюю степень затруднения. — Лаффит возьми и скажи: «Ну, старый мошенник, получишь ты свои восемьдесят четыре тысячи, но при одном условии: докажи мне, что поваляться часок на твоей паршивой клумбе, действительно, стоит таких денег. А не сумеешь доказать — я сейчас встану, отхожу тебя тростью по бокам, и обойдется мне это мелкое хулиганство в сорок франков административного штрафа». — Чокнутый Милфорд-Стоукс громко рассмеялся и одобрительно тряхнул рыжей шевелюрой, а Гош

поднял дожелта прокуренный палец: погоди, мол, радоваться, это еще не конец. — И что вы думаете, дамы и господа? Папаша Пикар, ничуть не смутившись, начал подводить баланс. «Через полчаса, ровно в восемь, придет господин директор сада, увидит вас на клумбе и начнет орать, чтоб я вас отсюда вывел. Я этого сделать не смогу, потому что вы заплатите не за полчаса, а за полный час. Начну препираться с господином директором, и он выгонит меня со службы без пенсиона и выходного пособия. А мне три года до пенсии. Пенсион мне причитается тысяча двести франков в год. Прожить на покое я собираюсь лет двадцать, итого это уже двадцать четыре тысячи. Теперь жилье. С казенной квартирки меня и мою старушку попрут. Спрашивается, где жить? Надо дом покупать. А скромный домишко с садом где-нибудь на Луаре самое меньшее еще на двадцать тысяч потянет. Теперь, сударь, о моей репутации подумайте. Сорок лет я в этом саду верой и правдой отгорбатил, и всякий скажет, что папаша Пикар — человек честный. А тут такой позор на мою седую башку. Это же взятка, подкуп! Думаю, по тысяче франков за каждый год беспорочной службы немного будет в смысле моральной компенсации. А всего как раз восемьдесят четыре

тысячи и выходит». Засмеялся Лаффит, на клумбе поудобней растянулся и снова глаза закрыл. «Приходи через час, — говорит. — Будет тебе, старая обезьяна, твоя плата». Такая вот славная историйка, сударь и сударыни.

— Значит, год беспорочности пошел по т-тысяче франков? — усмехнулся русский дипломат. — Недорого. Видно, со скидкой за оптовую п-продажу.

Присутствующие принялись живо обсуждать рассказ, высказывая самые противоположные мнения, а Рената Клебер заинтересованно уставилась на мсье Гоша, который с довольным видом раскрыл свою черную папку и, прихлебывая подостывший шоколад, зашелестел бумажками. Любопытный экземпляр этот дедушка, ничего не скажешь. И что у него там за секреты такие? Зачем локтем прикрылся?

Ренате давно не давал покоя этот вопрос. Пару раз на правах будущей матери она даже пыталась заглянуть Гошу через плечо, когда тот колдовал над своей ненаглядной папкой, но вредный усач довольно бесцеремонно захлопывал досье у дамы перед носом, да еще пальцем грозил — нельзя, мол.

Однако сегодня произошло нечто примечательное. Когда мсье Гош, как обычно, раньше других

поднялся из-за стола, из его таинственной папки бесшумно выскользнул один листок и тихонько спланировал на пол.

Рантье этого не заметил, погруженный в какие-то невеселые думы, и вышел из салона. Едва за ним закрылась дверь, как Рената проворно приподняла со стула чуть погрузневшее в талии тело. Но не она одна оказалась такой наблюдательной. Благовоспитанная мисс Стамп, вот ведь прыткая какая, подлетела к листку первой. — Ах, господин Гош, кажется, что-то уронил! — воскликнула она, резво подобрав бумажку и впиваясь в нее своими острыми глазками. — Я догоню, отдам.

Но мадам Клебер уже ухватилась цепкими пальцами за краешек и отпускать была не намерена.

— Что это? — спросила она. — Газетная вырезка? Как интересно!

В следующую минуту вокруг обеих дам собрались все присутствующие, лишь чурбан японец все гонял воздух своим веером да миссис Труффо укоризненно взирала на столь вопиющее вторжение в privacy.

Вырезка выглядела так:

«Преступление века»: Новый поворот?

Дьявольское убийство десяти человек, произошедшее третьего дня на улице Гренель, продолжает будоражить умы парижан. Доселе преобладали две версии: о враче-маньяке и о секте кровожадных фанатиков-индусов, поклоняющихся богу Шиве. Однако нашей «Суар», ведущей независимое расследование, удалось выяснить новое обстоятельство, которое, возможно, придаст делу иной оборот. Оказывается, в последние недели покойного лорда Литглби по меньшей мере дважды видели в обществе международной авантюристки Мари Санфон, хорошо известной полициям многих стран. Барон де М., близкий друг убитого, сообщил, что милорд был увлечен некоей дамой и вечером 15 марта, кажется, собирался отправиться в Спа на какое-то романтическое свидание.

Уж не с госпожой ли Санфон была назначена эта встреча, которой воспрепятствовал приступ подагры, столь некстати приключившийся с бедным коллекционером? Редакция не берет на себя смелость выдвигать собственную

версию, однако считает своим долгом обратить внимание комиссара Гоша на это примечательное обстоятельство. Ждите наших новых сообщений на эту тему.

Эпидемия холеры идет на убыль

Муниципальное управление здравоохранения сообщает, что очаги холеры, борьба с которой тянется с самого лета, окончательно локализованы. Энергичные профилактические меры парижских медиков дали положительный результат, и можно надеяться, что эпидемия этой опасной болезни, начавшейся еще в июле, на…

— К чему бы это? — озадаченно наморщила лоб Рената. — Какое-то убийство, какая-то холера.

— Ну, холера тут явно не при чем, — сказал профессор Свитчайлд. — Просто так страница обрезана. Дело, конечно, в убийстве на рю де Гренель. Неужели вы не слыхали? Все газеты писали об этом громком деле.

— Я не читаю газет, — с достоинством ответила мадам Клебер. — В моем состоянии это слишком нервирует. И уж во всяком случае мне незачем

узнавать про всякие гадости.

— Комиссар Гош? — прищурился лейтенант Ренье, еще раз пробежав глазами заметку. — Уж не наш ли это мсье Гош?

Мисс Стамп ахнула:

— Не может быть!

Тут уж подошла и докторша. Получалась настоящая сенсация, и все заговорили наперебой:

— Полиция, здесь замешана французская полиция! — возбужденно вскричал сэр Реджинальд. Ренье пробормотал:

— То-то капитан меня все расспрашивает про салон «Виндзор»…

Мистер Труффо по обыкновению переводил своей супруге, а русский завладел вырезкой и внимательно ее изучал.

— Про индийских фанатиков — абсолютная чушь, — заявил Свитчайлд. — Я это утверждал самого начала. Во-первых, нет никакой кровожадной секты последователей Шивы. А во-вторых, как известно, статуэтка благополучно нашлась. Разве религиозный фанатик выбросил бы ее в Сену?

— Да, с золотым Шивой просто загадка, — кивнула мисс Стамп. — Писали, что это жемчужина коллекции лорда Литтлби. Верно ли это, госпо-

дин профессор?

Индолог снисходительно пожал плечами:

— Как вам сказать, сударыня. Коллекция лорда Литтлби возникла недавно, лет двадцать назад. За такой срок трудно собрать что-нибудь выдающееся. Говорят, покойник неплохо поживился во время подавления сипайского восстания 1857 года. Пресловутый Шива, например, был «подарен» лорду неким махараджей, которому за шашни с мятежниками грозил военно-полевой суд. Литтлби ведь много лет прослужил в индийской военной прокуратуре. Безусловно, в его собрании немало ценных вещей, но подбор довольно сумбурный.

— Да расскажите же мне, наконец, почему убили этого вашего лорда? — потребовала Рената. — Вот и мсье Аоно тоже ничего не знает, правда? — обернулась она за поддержкой к японцу, стоявшему чуть в стороне от всех.

Японец улыбнулся одними губами и поклонился, а русский сделал вид, что аплодирует:

— Браво, мадам Клебер. Вы совершенно справедливо выделили самый г-главный вопрос. Я следил по прессе за этим делом. И причина преступления, по-моему, здесь в-важнее всего. Ключ к разгадке в ней. Именно «почему»! С какой

целью убили десять человек?

— Ах, ну это как раз просто! — пожала плечами мисс Стамп. — Замысел был похитить из коллекции все самое ценное, однако преступник утратил хладнокровие, когда неожиданно столкнулся с хозяином. Ведь предполагалось, что лорда нет дома. Должно быть, одно дело — колоть шприцем, и совсем другое — разбить человеку голову. Впрочем, не знаю, не пробовала. — Она передернула плечами. — У злодея не выдержали нервы, и он не довел дело до конца. А что до выброшенного Шивы… — Мисс Стамп задумалась. — Быть может, он и есть тот тяжелый предмет, которым размозжили череп бедному Литтлби. Вполне вероятно, что преступнику не чужды обычные человеческие чувства и держать в руке окровавленное орудие убийства ему было противно или даже просто страшно. Дошел до набережной и выкинул в Сену.

— Насчет орудия убийства очень правдоподобно, — одобрил дипломат. — Я т-того же мнения.

Старая дева аж вспыхнула от удовольствия и явно смутилась, заметив насмешливый взгляд Ренаты.

— You are saying outrageous things, — укорила Клариссу Стамп докторша, дослушав перевод

сказанного. — Shouldn't we find a more suitable subject for table talk?[1]

Но призыв бесцветной особы остался втуне.

— А по-моему, самое загадочное здесь — смерть слуг! — вступил в криминалистическую дискуссию долговязый индолог. — Как это они дали себя колоть всякой гадостью? Не под дулом же пистолета, в самом деле! Ведь среди них было двое охранников, и у каждого на поясе кобура с револьвером. Вот где загадка!

— У меня есть своя гипотеза, — с важным видом произнес Ренье. — И я готов отстаивать ее где угодно. Преступление на рю де Гренель совершено человеком, обладающим незаурядными месмерическими способностями. Слуги находились в состоянии месмерического транса, это единственно возможное объяснение! «Животный магнетизм» — страшная сила. Опытный манипулятор может сделать с вами все, что ему заблагорассудится. Да-да, мадам, — обратился лейтенант к недоверчиво скривившейся миссис Труффо. — Абсолютно все.

---

[1] Примечания: 1

Вы говорите ужасные вещи. Не следует ли нам подыскать более уместную тему для разговора? (*англ.*)

— Not if he is dealing with a lady?[2] — строго ответила она.

Уставший от роли переводчика мистер Труффо вытер платком лоснящийся от испарины лоб и бросился на защиту научного мировоззрения.

— Позволю себе с вами не согласиться, — зачастил он по-французски с довольно сильным акцентом. — Учение господина Месмера давным-давно признано научно несостоятельным. Сила месмеризма, или, как его теперь называют, гипнотизма, сильно преувеличена. Почтенный мистер Джеймс Брейд убедительно доказал, что гипнотическому воздействию поддаются только психологически внушаемые индивидуумы, да и то лишь в том случае, если полностью доверяют гипнотизеру и согласны подвергнуться гипнотическому сеансу.

— Сразу видно, дорогой доктор, что вы не путешествовали по Востоку! — белозубо улыбнулся Ренье. — На любом индийском базаре факир покажет вам такие чудеса месмерического искусства, что у самого отчаянного скептика глаза на лоб полезут. Да что говорить о фокусах! Раз в Кандагаре я наблюдал публичную экзекуцию.

---

[2] Примечания: 2

Но только не в том случае, если он имеет дело с леди. (*англ.*)

По мусульманскому закону воровство карается отсечением правой руки. Процедура эта до того болезненна, что подвергнутые ей часто умирают от болевого шока. На сей раз в краже был уличен сущий ребенок. Поскольку пойман он был уже вторично, суду деваться было некуда, пришлось приговорить вора к установленному шариатом наказанию. Но судья был человек милосердный и велел позвать дервиша, известного своими чудодейственными способностями. Дервиш взял приговоренного за виски, посмотрел ему в глаза, пошептал что-то — и мальчишка успокоился, перестал трястись. На его лице появилась странная улыбка, которая не исчезла даже в тот миг, когда секира палача отрубила руку по самый локоть! И я видел это собственными глазами, клянусь вам.

Рената рассердилась:

— Фу, какая гадость! Ну вас, Шарль, с вашим Востоком. Мне сейчас дурно станет!

— Простите, мадам Клебер, — всполошился лейтенант. — Я всего лишь хотел доказать, что по сравнению с этим какие-то там уколы — сущий пустяк.

— Опять-таки позволю себе с вами не согласиться… — Упрямый доктор приготовился отстаивать свою точку зрения, но в этот миг дверь салона

открылась, и вошел не то рантье, не то полицейский — одним словом, мсье Гош.

Все обернулись к нему в некотором смущении, словно застигнутые за не вполне приличным занятием.

Гош пробежал зорким взглядом по лицам, увидел злополучную вырезку в руках дипломата и помрачнел.

— Вот она где… Этого-то я и боялся.

Рената подошла к сивоусому дедуле, недоверчиво оглядела с головы до ног его массивную фигуру и выпалила:

— Мсье Гош, неужто вы полицейский?

— Тот самый комиссар Гош, к-который вел расследование «Преступления века»? — уточнил вопрос Фандорин (вот как его зовут, русского дипломата, вспомнила Рената). — Чем тогда объяснить ваш маскарад и вообще ваше п-присутствие на борту?

Гош немного посопел, пошевелил бровями, полез за трубкой. Видно было, что вовсю ворочает мозгами, решает, как быть.

— Сядьте-ка, дамы и господа, — необычайно внушительно пробасил Гош и поворотом ключа запер за собой дверь. — Раз уж так вышло, будем играть в открытую. Рассаживайтесь, рассажи-

вайтесь, а то не ровен час под кем-нибудь ноги подкосятся.

— Что за шутки, мсье Гош? — недовольно произнес лейтенант. — По какому праву вы здесь командуете, да еще в присутствии первого помощника капитана?

— А про это вам, молодой человек, сам капитан объяснит, — неприязненно покосился на него Гош. — Он в курсе дела.

Ренье сник и вслед за остальными снова уселся к столу. Говорливый и добродушный ворчун, каковым Рената привыкла считать парижского рантье, вел себя как-то по-новому. В развороте плеч появилась осанистость, жесты стали властными, глаза засветились жестким блеском. Уже одно то, как спокойно и уверенно он держал затянувшуюся паузу, говорило о многом. Пристальный взгляд странного рантье по очереди остановился на каждом из присутствующих, и Рената видела, как некоторые поежились под этим тяжелым взором. Ей и самой, признаться, стало не по себе, но Рената, устыдившись, беззаботно тряхнула головой: да хоть бы и комиссар полиции, что с того. Все равно тучный, одышливый старикан, не более.

— Ну хватит нас интриговать, мсье Гош, — на-

смешливо сказала она. — Мне вредно волноваться.

— Причина волноваться есть, вероятно, только у одного из присутствующих, — загадочно ответил он. — Но об этом позже. Сначала позвольте представиться почтенной публике еще раз. Да, меня зовут Гюстав Гош, но я не рантье — не с чего, увы, ренту получать. Я, дамы и господа, комиссар парижской уголовной полиции и работаю в отделе, занимающемся наиболее тяжкими и запутанными преступлениями. А должность моя называется «следователь по особо важным делам», — со значением подчеркнул комиссар.

В салоне повисло гробовое молчание, нарушаемое лишь торопливым шепотом доктора Труффо.

— What a scandal![3] — пискнула докторша.

— Я был вынужден отправиться в этот рейс, да еще инкогнито, потому что… — Гош энергично задвигал щеками, разжигая полупотухшую трубку. — …Потому что у парижской полиции есть веские основания полагать, что на «Левиафане» находится человек, совершивший преступление на рю де Гренель.

По салону тихим шелестом пронеслось друж-

---

[3] Примечания: 3
Какой скандал! (*англ.*)

ное «Ах!».

— Полагаю, вы уже успели обсудить это во многих отношениях таинственное дело. — Комиссар мотнул двойным подбородком в сторону газетной вырезки, по-прежнему находившейся в руках у Фандорина. — И это еще не все, дамы и господа. Мне доподлинно известно, что убийца путешествует первым классом… (снова коллективный вдох)… и, более того, в данный момент находится в этом салоне, — бодро закончил Гош, сел в атласное кресло у окна и выжидательно сложил руки чуть пониже серебряной цепочки от часов.

— Невозможно! — вскричала Рената, непроизвольно хватаясь руками за живот.

Лейтенант Ренье вскочил на ноги.

Рыжий баронет расхохотался и демонстративно зааплодировал.

Профессор Свитчайлд судорожно сглотнул и снял очки.

Кларисса Стамп застыла, прижав пальцы к агатовой брошке на воротничке.

У японца не дрогнул на лице ни единый мускул, но вежливая улыбка мгновенно исчезла.

Доктор схватил свою супругу за локоть, забыв перевести самое главное, но миссис Труффо, судя

по испуганно выпученным глазам, и сама сообразила, в чем дело.

Дипломат же негромко спросил:

— Основания?

— Мое присутствие, — невозмутимо ответил комиссар. — Этого достаточно. Есть и другие соображения, но о них вам знать ни к чему… Что ж. — В голосе полицейского звучало явное разочарование. — Я вижу, никто не спешит падать в обморок и кричать: «Арестуйте меня, это я убил!» Я, конечно, и не рассчитывал. Тогда вот что. — Он грозно поднял короткий палец. — Никому из других пассажиров говорить об этом нельзя. Да это и не в ваших интересах — слух разнесется моментально, и на вас будут смотреть, как на зачумленных. Не пробуйте перебраться в другой салон — это только усилит мои подозрения. Да и ничего у вас не выйдет, у меня уговор с капитаном.

Рената дрожащим голосом пролепетала:

— Мсье Гош, миленький, нельзя ли хоть меня избавить от этого кошмара? Я боюсь сидеть за одним столом с убийцей. А вдруг он подсыпет мне яду? У меня теперь кусок в горло не полезет. Ведь мне опасно волноваться. Я никому-никому не скажу, честное слово!

— Сожалею, мадам Клебер, — сухо ответил сыщик, — но никаких исключений не будет. У меня есть основания подозревать каждого из присутствующих, и не в последнюю очередь вас.

Рената со слабым стоном откинулась на спинку стула, а лейтенант Ренье сердито топнул ногой:

— Что вы себе позволяете, мсье… следователь по особо важным делам! Я немедленно доложу обо всем капитану Клиффу!

— Валяйте, — равнодушно сказал Гош. — Но не сейчас, а чуть позже. Я еще не закончил свою маленькую речь. Итак, я пока не знаю точно, кто из вас мой клиент, хотя близок, очень близок к цели.

Рената ждала, что вслед за этими словами последует красноречивый взгляд, и вся подалась вперед, но нет, полицейский смотрел на свою дурацкую трубку. Скорее всего врал — никого у него на примете нет.

— Вы подозреваете женщину, это же очевидно! — нервно всплеснула руками мисс Стамп. — Иначе к чему носить с собой заметку про какую-то Мари Санфон? Кто такая эта Мари Санфон? Да кто бы она ни была! Какая глупость подозревать женщину! Разве способна женщина на такое зверство?

Миссис Труффо порывисто поднялась, кажется, готовая немедленно встать под знамя женской солидарности.

— Про мадемуазель Санфон мы поговорим как-нибудь в другой раз, — ответил сыщик, смерив Клариссу Стамп загадочным взглядом. — А заметок этих у меня тут полным-полно, и в каждой своя версия. — Он открыл черную папку и пошелестел вырезками. Их и в самом деле был не один десяток. — И все, дамы и господа, попрошу меня больше не перебивать! — Голос полицейского стал железным. — Да, среди нас опасный преступник. Возможно, психопатического склада. (Рената заметила, как профессор потихонечку отодвигается вместе со стулом от сэра Реджинальда.) Поэтому прошу всех соблюдать осторожность. Если заметите нечто необычное, даже какую-нибудь мелочь, — сразу ко мне. Ну, а лучше всего будет, если убийца чистосердечно покается, деваться-то все равно некуда. Вот теперь у меня все.

Миссис Труффо по-ученически вскинула руку:

— In fact, I have seen something extraordinary only yesterday! A charcoal-black face, definitely inhuman, looked at me from the outside while I was

in our cabin. I was so scared![4] — Она обернулась к своему благоверному и ткнула его локтем. — I told you, but you paid no attention?[5]

— Ой, — встрепенулась Рената, — а у меня вчера из туалетного набора пропало зеркальце в настоящей черепаховой оправе.

Мсье Псих, кажется, тоже хотел что-то сообщить, но не успел — комиссар сердито захлопнул папку:

— Не надо делать из меня идиота! Я — старая ищейка! Гюстава Гоша со следа не собьешь! Понадобится — ссажу на берег всю честную компанию, и будем разбираться с каждым в отдельности! Десять душ загублено, это вам не шутки! Думайте, дамы и господа, думайте!

Он вышел из салона и громко стукнул дверью.

— Господа, мне что-то нехорошо, — слабым голосом произнесла Рената. — Пойду к себе.

— Я провожу вас, мадам Клебер, — немедленно подскочил к ней Шарль Ренье. — Это просто неслыханно! Какая наглость!

---

[4] Примечания: 4

Я, действительно видела нечто экстраординарное, только вчера! Черная как уголь морда, совершенно нечеловеческая, посмотрела на меня из окна, когда я была в нашей каюте! Я была так напугана! *(англ.)*

[5] Примечания: 5

Я вам говорила, но вы не придали значения! *(англ.)*

Рената отстранила его:

— Спасибо, не нужно. Я дойду сама.

Она неверной походкой пересекла помещение, у двери на миг оперлась о стену. В коридоре, где никого не было, ее шаг убыстрился. Рената открыла свою каюту, вынула из-под дивана саквояж и сунула подрагивающую руку под шелковую обшивку. Лицо ее было бледным, но решительным. Пальцы в два счета нащупали металлическую коробочку.

В коробочке, холодно поблескивая стеклом и сталью, лежал шприц.

Кларисса Стамп

Неприятности начались прямо с утра. В зеркале Кларисса явственно разглядела две новые морщинки — едва заметными лучиками они пролегли от уголков глаз к вискам. Это все солнце. Оно здесь такое яркое, что ни зонтик, ни шляпа не спасают. Кларисса долго рассматривала себя в безжалостной полированной поверхности, натягивала пальцами кожу, надеялась, может, это со сна и разгладится. Дорассматривалась: извернула шею так, что увидела за ухом седой волосок. Тут уж стало совсем грустно. Может быть, тоже солнце? Волосы выгорают? Нет, мисс Стамп, не обманывайте себя. Как сказал поэт:

И белое дыханье ноября
обдало скорбью, косы серебря.

Привела себя в порядок тщательней обычного. Седой волосок безжалостно выдернула. Глупо, конечно. Кажется, у Джона Донна сказано, что секрет женского счастья — умение вовремя перейти из одного возраста в другой, а возрастов у женщины три: дочь, жена и мать. Но как перейти из второго статуса в третий, если никогда не была

замужем?

Лучшее средство от подобных мыслей — прогулка на свежем воздухе, и Кларисса отправилась пройтись по палубе. При всей своей необъятности «Левиафан» давно уже был измерен ровными, неспешными шагами — во всяком случае, верхняя его палуба, предназначенная для пассажиров первого класса. По периметру триста пятьдесят пять шагов. Семь с половиной минут, если не любоваться морем и не болтать со знакомыми.

По раннему времени знакомых на палубе не было, и Кларисса беспрепятственно прошлась вдоль правого борта до самой кормы. Пароход плавно взрезал бурую поверхность Красного моря, от мощного винта к горизонту тянулась ленивая седая борозда. Ох, жарко.

Кларисса с завистью понаблюдала за матросами, которые драили медные бляшки перил ярусом ниже. Хорошо им в одних холщовых штанах — ни лифа, ни панталон, ни чулок на тугих подвязках, ни длинного платья. Поневоле позавидуешь дикому мистеру Аоно, который расхаживает себе по кораблю в своем японском шлафроке, и никого это не удивляет — азиат.

Она представила, что лежит в полотняном шезлонге совершенно без всего. Нет, пусть в

легкой тунике, как древняя гречанка. И ничего особенного. Лет через сто, когда человечество окончательно избавится от предрассудков, это будет в порядке вещей.

Навстречу, шурша каучуковыми шинами, катил на трехколесном американском велосипеде мистер Фандорин. Говорят, подобный экзерсис превосходно развивает эластичность мышц и укрепляет сердце. Дипломат был в легком спортивном костюме: клетчатые панталоны, гуттаперчевые туфли с гамашами, короткий пиджак, белая рубашка с расстегнутым воротом. Золотистое от загара лицо осветилось приветливой улыбкой. Мистер Фандорин учтиво приподнял пробковый шлем и прошелестел мимо. Не остановился.

Кларисса вздохнула. Затея с прогулкой оказалась неудачной — только белье пропиталось потом. Пришлось возвращаться в каюту и переодеваться.

Завтрак Клариссе подпортила кривляка мадам Клебер. Поразительное умение делать из своей слабости орудие эксплуатации! Именно тогда, когда кофе в чашке Клариссы остыл до нужной температуры, несносная швейцарка пожаловалась, что ей душно, и попросила рас-

пустить шнуровку на платье. Обычно Кларисса делала вид, что не слышит нытья Ренаты Клебер, и непременно находился какой-нибудь доброволец, однако для столь деликатного дела мужчины не годились, а Миссис Труффо как назло отсутствовала — помогала мужу пользовать какую-то захворавшую даму. Кажется, раньше эта скучная особа работала сестрой милосердия. Какой, однако, социальный взлет: жена главного врача, столуется в первом классе. Строит из себя истинную британскую леди, только слегка перебарщивает.

В общем, пришлось возиться со шнуровкой мадам Клебер, а кофе тем временем безнадежно остыл. Мелочь, конечно, но тут уж одно к одному.

После завтрака вышла прогуляться, сделала десять кругов, устала. Один раз, воспользовавшись тем, что поблизости никого не было, осторожно заглянула в окно каюты № 18. Мистер Фандорин сидел у секретера в белой рубашке, стянутой красно-сине-белыми подтяжками, и, зажав в углу рта сигару, ужасно громко стучал пальцами по диковинному аппарату — черному, железному, с круглым валиком и большим количеством кнопочек. Заинтригованная Кларисса утрати-

ла бдительность и была застигнута на месте преступления. Дипломат вскочил, поклонился, накинул пиджак и подошел к открытому окну.

— Это п-пишущая машина «ремингтон», — объяснил он. — Новейшая модель, только что поступила в продажу. Удобнейшая штука, мисс Стамп, и совсем легкая. Ее без труда переносят двое грузчиков. Незаменимая вещь в п-путешествии. Вот, упражняюсь в скорописи. Кое-что выписываю из Гоббса.

Кларисса, все еще красная от смущения, чуть кивнула и удалилась.

Села неподалеку под полосатой маркизой, в тени. Дул свежий ветерок. Открыла «Пармскую обитель», стала читать про безответную любовь прекрасной, но стареющей герцогини Сансеверина к юному Фабрицио дель Донго. Расчувствовалась, смахнула платочком навернувшуюся слезу — и, как нарочно, на палубу выходит мистер Фандорин: в белом костюме, в широкополой панаме, с тросточкой. Хорош необычайно.

Кларисса его окликнула. Он подошел, поклонился, сел рядом. Взглянув на обложку, сказал:

— Держу п-пари, что описание битвы при Ватерлоо вы пропустили. А зря — это лучшее место во всем Стендале. Более точного описания войны

мне читать не приходилось.

Как это ни странно, Кларисса, действительно, читала «Пармскую обитель» уже во второй раз, и оба раза сцену сражения пролистнула.

— Откуда вы узнали? — с любопытством спросила она. — Вы ясновидящий?

— Женщины всегда пропускают б-батальные эпизоды, — пожал плечами Фандорин. — Во всяком случае, женщины вашего склада.

— И какой же такой у меня склад? — вкрадчиво спросила Кларисса, сама чувствуя, что кокетка из нее никудышная.

— Скептическое отношение к себе, романтическое к окружающему миру. — Он смотрел на нее, слегка наклонив голову. — А еще про вас можно сказать, что недавно в вашей жизни произошла резкая п-перемена к лучшему и что вы перенесли какое-то потрясение.

Кларисса вздрогнула и взглянула на собеседника с откровенным испугом.

— Не пугайтесь, — успокоил ее удивительный дипломат. — Я ровным счетом ничего про вас не з-знаю. Просто при помощи специальных упражнений я развил в себе наблюдательность и аналитические способности. Обычно мне бывает достаточно незначительной детали, чтобы

восстановить всю к-картину. Покажите мне вот такой пятак с двумя дырочками (он деликатно показал на большую розовую пуговицу, украшавшую ее жакет), и я сразу скажу вам, кто его обронил — очень к-крупная свинья или очень маленький слоненок.

Улыбнувшись, Кларисса спросила:

— И вы каждого видите насквозь?

— Не насквозь, но многое вижу. Например, что вы можете сказать вон про того господина?

Фандорин показал на плотного мужчину с большими усами, разглядывавшего в бинокль пустынный берег.

— Это мистер Баббл, он…

— Не продолжайте! — перебил ее Фандорин. — Попробую угадать сам.

Он с полминуты смотрел на мистера Баббла, потом сказал:

— На восток едет впервые. Недавно женился. Фабрикант. Д-дела идут неважно, от этого господина пахнет скорым банкротством. Почти все время проводит в биллиардной, но играет плохо.

Кларисса всегда гордилась своей наблюдательностью и пригляделась к мистеру Бабблу, манчестерскому промышленнику, повнимательней.

Фабрикант? Что ж, пожалуй, догадаться можно. Раз едет первым классом — значит, богат. Что не аристократ — на физиономии написано. На коммерсанта тоже не похож — мешковатый сюртук, да и бойкости в чертах нет. Ладно.

Недавно женился? Ну, это просто — кольцо на безымянном пальце так блестит, что сразу видно — новехонькое.

Много играет на биллиарде? Это еще почему? Ага, пиджак перепачкан мелом.

— С чего вы взяли, что мистер Баббл едет на восток впервые? — спросила она. — Почему от него пахнет банкротством? И чем вызвано утверждение, что он — плохой игрок на биллиарде? Вы что, были там и видели, как он играет?

— Нет, я не был в б-биллиардной, потому что терпеть не могу азартные игры, и вообще вижу этого джентльмена впервые, — ответил Фандорин. — То, что он следует этим маршрутом в первый раз, явствует из т-ту-пого упорства, с которым он разглядывает голый берег. Иначе мистер Баббл знал бы, что до самого Баб-эль-Мандебского пролива ничего интересного в той стороне он не увидит. Это раз. Дела у этого господина идут совсем скверно, иначе он нипочем не пустился бы в такое длительное путешествие, да еще сразу

после свадьбы. Чтоб этакий б-барсук покинул свою нору? Только перед концом света, никак не раньше. Это два.

— А если он отправился в свадебное путешествие вместе с женой? — спросила Кларисса, зная, что мистер Баббл путешествует один.

— И томится на палубе в одиночестве, и торчит в б-биллиардной? А играет он из рук вон плохо — вон у него пиджак спереди белый. Только совсем никудышные игроки так елозят животом по краю биллиарда. Это три.

— Ну хорошо, а что вы скажете вон про ту даму? — Увлеченная игрой Кларисса показала на миссис Блэкпул, величественно шествовавшую под руку со своей компаньонкой.

Фандорин окинул почтенную даму незаинтересованным взглядом.

— У этой все на лице написано. Возвращается из Англии к мужу. Ездила навестить взрослых детей. Муж — военный. Полковник.

Мистер Блэкпул, действительно, был полковником и командовал гарнизоном в каком-то североиндийском городе. Это было уже чересчур.

— Объясните! — потребовала Кларисса.

— Такие дамы сами по себе в Индию не путешествуют, только к месту службы супруга. Возраст

у нее уже не тот, чтобы отправляться в подобное п-путешествие впервые — стало быть, возвращается. Зачем она могла ездить в Англию? Только для встречи с детьми. Родители ее, я полагаю, уже на том свете. По решительному и властному выражению лица видно, что эта женщина привыкла командовать. Именно так выглядят гарнизонные или полковые первые дамы. Их обычно считают начальством поглавнее самого командира. Вы хотите знать, почему именно полковница? Да потому что, будь она г-генеральша, ехала бы первым классом, а у этой, видите, серебряный значок. Ладно, не будем тратить время на пустяки. — Фандорин наклонился и шепнул. — Давайте я лучше расскажу вам вон про того орангутана. Любопытный субъект.

Рядом с мистером Бабблом остановился обезьяноподобный мсье Буало, бывший виндзорец, своевременно покинувший злосчастный салон и потому выскользнувший из сетей комиссара Гоша.

Дипломат вполголоса сообщил Клариссе на ухо:

— Человек, которого вы видите, — преступник и злодей. Скорее всего, т-торговец опиумом. Живет в Гонконге. Женат на китаянке.

Кларисса расхохоталась:

— Тут вы попали пальцем в небо! Это мсье Буало из Лиона, филантроп и отец одиннадцати вполне французских детей. И торгует он не опиумом, а чаем.

— Как бы не так, — хладнокровно ответил Фандорин. — Приглядитесь, у него оттопырился манжет и видно синий к-кружок татуировки на запястье. Такая попадалась мне в одной книге о Китае. Это отметина одной из гонконгских т-триад, тайных криминальных обществ. Чтобы европеец стал членом триады, ему нужно быть преступным воротилой нешуточного масштаба. И, разумеется, жениться на китаянке. Да вы п-посмотрите на физиономию этого «филантропа», и вам все станет ясно.

Кларисса не знала, верить или нет, а Фандорин с серьезным видом сказал:

— Это еще что, мисс Стамп. Я могу многое рассказать о человеке даже с з-завязанными глазами — по шуму, который он производит, и по запаху. Убедитесь сами.

Он тут же развязал белый атласный галстук и протянул Клариссе.

Она пощупала ткань — плотная, непрозрачная — и крепко завязала дипломату глаза. Как бы

ненароком коснулась щеки — гладкой, горячей.

Вскоре со стороны кормы появилась идеальная кандидатура — известная суфражистка леди Кэмпбелл, направляющаяся в Индию, чтобы собирать подписи под петицией за предоставление замужним женщинам избирательного права. Мужеподобная, массивная, стриженная, она топала по палубе, как першерон. Поди догадайся, что это леди, а не боцман.

— Ну, кто это сюда идет? — спросила Кларисса, заранее давясь от смеха.

Увы, веселилась она недолго. Нахмурив лоб, Фандорин отрывисто изрек:

— Шелестит подол. Женщина. Походка т-тяжелая. Сильный характер. Немолодая. Некрасивая. Курит табак. Коротко стриженная.

— Почему коротко стриженная? — взвизгнула Кларисса и, закрыв глаза руками, прислушалась к слоновьей походке суфражистки. Как, как ему это удается?

— Раз женщина курит, значит, стриженная и передовая, — звучал ровный голос Фандорина. — А эта к т-тому же презирает моду, носит какой-то бесформенный балахон, ярко-зеленого цвета, но с алым поясом.

Кларисса замерла. Это невероятно! В суеверном

ужасе она отняла от лица ладони и увидела, что Фандорин уже успел сдернуть галстук и даже завязать его изящным узлом. Голубые глаза дипломата посверкивали веселыми искорками.

Все это было очень мило, но закончился разговор плохо. Отсмеявшись, Кларисса очень тонко завела беседу о Крымской войне. Мол, какая это была трагедия и для Европы, и для России. Осторожно коснулась своих воспоминаний той поры, сделав их несколько более детскими, чем они были на самом деле. Ожидала ответных откровений — надеялась понять, сколько все-таки Фандорину лет. Сбылись самые худшие опасения:

— Меня т-тогда еще на свете не было, — простодушно признался он и подрезал Клариссе крылья.

После этого все пошло вкривь и вкось. Кларисса попробовала повернуть на живопись, но запуталась, не смогла толком объяснить, почему прерафаэлиты называют себя прерафаэлитами. Наверное, он подумал, что она полная идиотка. Ах, какая теперь разница!

Возвращалась к себе в каюту печальная, и тут произошло страшное.

В полутемном углу коридора колыхнулась гигантская черная тень. Кларисса неприлично

взвизгнула, схватилась за сердце и со всех ног бросилась к своей двери. В каюте долго не могла унять бешено бьющееся сердце. Что это было? Не человек, не зверь. Какой-то сгусток злой, разрушительной энергии. Нечистая совесть. Фантом парижского кошмара.

Она немедленно прикрикнула на себя: все, на том поставлен крест. Ничего не было. Дурман, наваждение. Сама дала себе клятву — не казниться. Теперь новая жизнь, светлая и радостная. И пусть блаженною лампадой чертог твой будет осиян.

Чтобы успокоиться, надела самое дорогое из дневных платьев, еще ни разу не опробованное (белый китайский шелк, сзади на талии бледно-зеленый бант), на шею — изумрудное ожерелье. Полюбовалась блеском камней.

Ну, немолода. Ну, не красавица. Зато не дура и с деньгами. А это гораздо лучше, чем немолодая глупая уродина без единого пенни за душой.

В салон Кларисса вошла ровно в два, но вся компания уже была в сборе. Странное дело, но сногсшибательное позавчерашнее объявление комиссара не разъединило, а скорее сплотило виндзорскую публику. Общая тайна, которой ни с кем другим нельзя поделиться, связывает прочнее общего дела или общего интереса. Кларисса

заметила, что ее сотрапезники теперь собираются за столом раньше времени, установленного для завтрака, обеда, файф-о-клока и ужина, да и задерживаются подолгу, чего прежде почти не случалось. Даже первый помощник капитана, имевший к этой истории отношение косвенное, не торопился по служебным делам и вместе с остальными подолгу просиживал в «Виндзоре» (впрочем, не исключено, что лейтенант действовал по поручению капитана). Все виндзорцы словно стали членами некого элитарного клуба, закрытого для непосвященных. Кларисса не раз ловила на себе быстрые взгляды, брошенные украдкой. Взгляды эти могли означать одно из двух: «А не вы ли убийца?» или «А не догадались ли вы, что убийца — это я?» Всякий раз, когда такое происходило, откуда-то изнутри, из самой утробы сладкой судорогой подкатывало острое ощущение, смесь страха и возбуждения. Перед глазами явственно возникала улица Гренель — какой она была по вечерам: вкрадчиво-тихая, пустынная, и черные каштаны покачивают голыми ветвями. Не хватало еще, чтобы комиссар каким-нибудь образом разнюхал про «Амбассадор». При одной мысли Клариссе делалось жутко, и она исподтишка косилась на полицейского.

Гош восседал за столом верховным жрецом этой тайной секты. Каждый постоянно помнил о его присутствии, наблюдал боковым зрением за выражением его лица, а Гош, казалось, этого совершенно не замечал. Он изображал из себя добродушного резонера и охотно рассказывал свои «историйки», выслушивавшиеся с напряженным вниманием.

По молчаливому уговору это обсуждали только в салоне и только в присутствии комиссара. Если двое из виндзорцев случайно сталкивались где-нибудь на нейтральном пространстве — в музыкальном салоне, на палубе, в читальном зале — об Этом ни в коем случае не говорили. Да и в салоне возвращались к манящей теме не всякий раз. Обычно это случалось само собой, из-за какого-нибудь совершенно постороннего замечания.

Сегодня за завтраком, например, общей беседы вообще не сложилось, зато теперь, когда Кларисса села на свое место, обсуждение было уже в полном разгаре. Она со скучающим видом принялась изучать меню — вроде бы запамятовала, что заказывала на обед, однако знакомое возбуждение было уже тут как тут.

— Что не дает мне покоя, — говорил доктор

Труффо, — так это вопиющая бессмысленность этого преступления. Получается, что столько людей погубили совершенно напрасно. Золотой Шива оказался в Сене, а убийца остался с пустыми руками.

Фандорин, который в обсуждениях участвовал редко, а больше помалкивал, на сей раз счел нужным высказаться:

— Не совсем так. У преступника остался п-платок.

— Какой платок? — не понял доктор.

— Индийский, расписной. В к-который, если верить газете, убийца завернул похищенного Шиву.

Эта шутка была встречена несколько нервным смехом. Врач картинно развел руками:

— Ну разве что платок.

Внезапно профессор Свитчайлд встрепенулся и сдернул с носа очки — этот жест обозначал у него сильное волнение.

— Вы зря смеетесь! Я ведь интересовался, какой именно из платков похищен. О, господа, это весьма необычный кусок материи, с ним связана целая история. Слышали ли вы когда-нибудь об Изумрудном Радже?

— Кажется, это какой-то легендарный индий-

ский набоб? — спросила Кларисса.

— Не легендарный, а вполне реальный, мадам. Так называли раджу Багдассара, правителя Брахмапурского княжества. Княжество расположено в большой плодородной долине, со всех сторон окруженной горами. Раджи ведут происхождение от великого Бабура и исповедуют ислам, однако это не мешало им на протяжении трехсот лет мирно править своей маленькой страной, большинство населения которой составляют индуисты. Несмотря на религиозные различия между правящей кастой и подданными, в княжестве ни разу не было восстаний и распрей, раджи богатели, и ко времени Багдассара брахмапурский род считался самым богатым во всей Индии после хайдарабадских низамов, которые, как вам, конечно, известно, затмевают богатством всех монархов, включая королеву Викторию и русского императора Александра.

— Величие нашей королевы не в размерах ее личной сокровищницы, а в богатстве ее подданных, — строго сказала Кларисса, несколько уязвленная этим замечанием.

— Безусловно, — согласился Свитчайлд, которого уже понесло — не остановишь. — Однако богатство брахмапурских раджей было совер-

шенно особого рода. Они не копили золота, не набивали сундуки серебром, не строили дворцов из розового мрамора. О нет, на протяжении трехсот лет эти владыки знали только одну страсть — драгоценные камни. Известно ли вам, что такое «брахмапурский стандарт»?

— Кажется, какой-то тип огранки алмаза? — неуверенно предположил доктор Труффо.

— «Брахмапурский стандарт» — это ювелирный термин, которым обозначают алмаз, сапфир, рубин или изумруд, ограненный особым образом и размером с грецкий орех, что соответствует ста шестидесяти тандулам, то есть восьмидесяти каратам веса.

— Но это очень большой размер, — удивился Ренье. — Такие камни встречаются крайне редко. Если мне не изменяет память, сам алмаз «Регент», украшение французской государственной сокровищницы, ненамного больше.

— Нет, лейтенант, алмаз «Питт», он же «Регент», больше почти вдвое, — с авторитетным видом поправил моряка профессор, — но восемьдесят каратов, особенно если речь идет о камнях чистой воды, — это очень много. Так вот, дамы и господа, представьте себе, что у Багдассара таких камней, причем самого безупречного качества,

было пятьсот двенадцать!

— Это невозможно! — воскликнул сэр Реджинальд. А Фандорин спросил:

— П-почему именно пятьсот двенадцать?

— Из-за священного числа 8, — охотно объяснил Свитчайлд. — 512 это 8 х 8 х 8, то есть восьмерка в трех измерениях, в кубе, так называемое «идеальное число». Здесь, безусловно, проявляется влияние буддизма, относящегося к восьмерке с особым почтением. В северо-восточной части Индии, где находится Брахмапур, религии переплетены весьма причудливым образом. Но самое интересное, где и как хранилось это сокровище.

— И где же оно хранилось? — с любопытством спросила Рената Клебер.

— В простом глиняном ларце, лишенном каких-либо украшений. В 1852 году, еще молодым археологом, я был в Брахмапуре и встречался с раджой Багдассаром. На территории княжества, в джунглях, обнаружили развалины древнего храма, и его высочество пригласил меня дать оценку находке. Я провел необходимые исследования, и что вы думаете? Выяснилось, что храм этот был построен еще во времена царя Чандрагупты, когда…

— Стоп-стоп-стоп! — прервал ученого комис-

сар. — Про археологию вы нам расскажете в другой раз. — Давайте-ка вернемся к радже.

— Ах да. — Профессор захлопал ресницами. — В самом деле, так будет лучше. В общем, раджа был мной доволен и в знак особого расположения показал мне свой легендарный ларец. О, я никогда не забуду этого зрелища! — Свитчайлд зажмурился. — Представьте себе темное подземелье, где возле двери горит один-единственный факел, вставленный в бронзовую скобу. Мы были вдвоем — раджа и я, приближенные остались за массивной дверью, которую охраняла дюжина стражников. Я толком не разглядел устройства сокровищницы — глаза не успели привыкнуть к полумраку. Слышал только, что его высочество грохочет какими-то замками. Потом Багдассар обернулся ко мне, и я увидел в его руках землистого цвета куб, кажется, довольно тяжелый. Размером он был… — Свитчайлд открыл глаза и осмотрелся по сторонам. Все слушали, как зачарованные, а Рената Клебер даже по-детски приоткрыла губы. — Ну не знаю. Пожалуй, с шляпку мисс Стамп, если положить этот головной убор в квадратную коробку. — Все, как по команде, заинтересованно уставились на крошечную тирольскую шляпку с фазаньим пером.

Кларисса выдержала сие public scrutiny[6] с исполненной достоинства улыбкой — как учили в детстве. — Более всего куб этот походил на обычный глиняный кирпич из тех, что используют для строительства в тех местах. Позднее его высочество объяснил мне, что грубая, монотонная поверхность глины гораздо лучше подчеркивает великолепие игры и света камней, чем золото или слоновая кость. В этом я имел возможность убедиться. Багдассар медленно поднес усыпанную перстнями руку к крышке ларца, стремительным жестом откинул ее, и… Я ослеп, господа! — Голос профессора дрогнул. — Это… Это невозможно передать словами! Вообразите таинственное, мерцающее, многоцветное сияние, выплеснувшееся из темного куба, и заигравшее радужными бликами на мрачных сводах подземелья! Круглые камни были уложены в восемь слоев, и в каждом по шестьдесят четыре граненых источника нестерпимого блеска! Эффект, безусловно, еще более усиливался из-за подрагивающего пламени единственного факела. Я так и вижу перед собой лицо раджи Багдассара, омытое снизу этим волшебным светом… Ученый снова

---

[6] Примечания: 6
Всеобщее обозрение *(англ.)*

закрыл глаза и умолк.

— А сколько, к примеру, стоят эти цветные стеклышки? — раздался скрипучий голос комиссара.

— В самом деле, сколько? — оживленно подхватила мадам Клебер. — Скажем, в ваших английских фунтах?

Кларисса слышала, как миссис Труффо довольно громко шепнула мужу:

— She's so vulgar![7] — Однако откинула с уха свои бесцветные завитушки, чтобы не упустить ни единого слова.

— Знаете, — добродушно улыбнулся Свитчайлд, — я задавался этим вопросом. Ответить на него непросто, поскольку цена драгоценных камней колеблется в зависимости от рынка, но по состоянию на сегодняшний день…

— Да-да, уж пожалуйста, на сегодняшний, без времен царя Чандрагупты, — буркнул Гош.

— Хм… Я точно не знаю, сколько именно у раджи было бриллиантов, сколько сапфиров и сколько рубинов. Но мне известно, что больше всего он ценил изумруды, за что и получил свое прозвище. За годы его правления было приобретено семь бразильских изумрудов и четыре

---

[7] Примечания: 7
Она так вульгарна! *(англ.)*

уральских, причем за каждый из них Багдассар отдал по бриллианту, да еще и приплатил. Видите ли, у каждого из его предков был свой любимый камень, которому тот отдавал предпочтение перед прочими и старался приобрести в первую очередь. Магическое число 512 было достигнуто еще при деде Багдассара, и с тех пор главной целью правителя стало не увеличение количества камней, а повышение их качества. Камни, чуть-чуть не дотянувшие до совершенства или почему-либо не пользовавшиеся расположением правящего князя, продавались — отсюда и слава «брахмапурского стандарта», понемногу распространявшегося по миру. Взамен в ларец помещались иные, более ценные. Маниакальная одержимость «брахмапурским стандартом» доходила у предков Багдассара до безумия! Один из них купил у персидского шаха Аббаса Великого желтый сапфир весом в триста тандулов, заплатил за это чудо десять караванов слоновой кости, но камень был больше положенного размера, и ювелиры раджи отсекли все лишнее!

— Это, конечно, ужасно, — сказал комиссар, — но все-таки давайте вернемся к цене.

Однако на сей раз повернуть индолога в нужное русло оказалось непросто.

— Да погодите вы с ценой! — невежливо отмахнулся он от сыщика. — Разве в ней дело? Когда речь идет о благородном камне такого размера и качества, вспоминаешь не о деньгах, а о волшебных свойствах, издревле ему приписываемых. Алмаз, например, считается символом чистоты. Наши предки проверяли верность своих жен таким образом: клали алмаз спящей супруге под подушку. Если она верна, то немедленно обернется к мужу и, не просыпаясь, его обнимет. Если же изменяет, то заворочается и попытается сбросить камень на пол. И еще алмаз слывет гарантом непобедимости. Древние арабы верили, что в сражении победит тот полководец, который обладает алмазом большей величины.

— Древние арабы осибарись, — внезапно прервал вдохновенного оратора Гинтаро Аоно.

Все изумленно уставились на японца, очень редко принимавшего участие в общей беседе и никогда никого не перебивавшего. Азиат же поспешно произнес все с тем же смешным акцентом:

— В академии Сен-Сир нас учири, сьто бургундский герцог Карр Смерый специарьно взяр в сражение с сьвейцарцами огромный армаз «Санси», но это не спасро его от поразения.

Клариссе стало жаль беднягу — в кои-то веки вздумал блеснуть познаниями и так некстати.

Реплика японца была встречена гробовым молчанием, и Аоно мучительно покраснел.

— Да-да, Карл Смелый… — недовольно кивнул профессор и договорил уже без прежнего пыла. — Сапфир символизирует преданность и постоянство, изумруд развивает остроту взгляда и дальновидность, рубин оберегает от болезней и сглаза… Но вы спрашивали о стоимости сокровищ Багдассара?

— Я понимаю, что сумма баснословно велика, но все же могли бы вы хотя бы приблизительно предположить, сколько в ней нулей? — отчетливо, словно обращаясь к тупому ученику, произнесла мадам Клебер, лишний раз продемонстрировав, что жена банкира всегда таковой остается.

Кларисса же с удовольствием послушала бы еще про волшебные свойства драгоценных камней, разговора о деньгах она предпочла бы избежать. Кроме всего прочего, это еще и вульгарно.

— Итак, давайте прикинем. — Свитчайдд вынул из кармана карандаш и приготовился писать на бумажной салфетке. — Раньше самым доро-

гим камнем считался алмаз, но после открытия южноафриканских копей он заметно упал в цене. Крупные сапфиры встречаются чаще, чем другие драгоценные камни, и потому в среднем вчетверо дешевле бриллиантов, но это не относится к желтым и звездчатым сапфирам, а именно они составляли в собрании Багдассара большинство. Чистые сверхбольшие рубины и изумруды крайне редки и ценятся выше бриллиантов такого же веса… Хорошо, для простоты представим, что все 512 камней — бриллианты, причем одинаковой стоимости. Вес каждого, как я уже сказал, 80 каратов. По формуле Тавернье, которой пользуются ювелиры всего мира, стоимость одного камня вычисляется так: берется рыночная цена однокаратного алмаза и умножается на квадрат количества каратов, содержащихся в данном камне. Получается… Однокаратный бриллиант стоит на Антверпенской бирже фунтов пятнадцать. Квадрат восьмидесяти — это шесть тысяч четыреста. Умножить на пятнадцать… М-м… Девяносто шесть тысяч фунтов стерлингов — вот цена среднего камня из брахмапурского ларца… Умножить на пятьсот двенадцать… Около пятидесяти миллионов фунтов стерлингов. А на самом деле еще больше, потому что, как я вам уже объ-

яснил, цветные камни такого большого размера ценятся дороже бриллиантов, — торжественно подытожил Свитчайлд.

— Пятьдесят миллионов фунтов? Так много? — осипшим голосом спросил Ренье. — Но ведь это полтора миллиарда франков!

У Клариссы перехватило дыхание, она уже не помнила о романтических свойствах камней, потрясенная астрономической суммой.

— Пятьдесят миллионов! Да это половина годового бюджета всей Британской империи! — ахнула она.

— Это три Суэцких канала! — пробормотал рыжий Милфорд-Стоукс. — Даже больше!

А комиссар тоже придвинул салфетку и углубился в какие-то расчеты.

— Это мое жалованье за триста тысяч лет, — растерянно сообщил он. — Вы не загнули, профессор? Чтобы у какого-то туземного царька водились такие сокровища?

Свитчайлд ответил гордо, словно все богатства Индии принадлежали лично ему:

— Это еще что! Драгоценности хайдарабадского низама оценивают в триста миллионов, да только их в одном маленьком ларце не уместишь. По компактности сокровище Багдассара, действи-

тельно, не имело себе равных.

Фандорин осторожно тронул индолога за рукав:

— Все же, я п-полагаю, эта сумма носит несколько абстрактный характер. Вряд ли кому-нибудь удалось бы сразу продать такое количество г-гигантских драгоценных камней? Это сбило бы цену на рынке.

— Напрасно вы так думаете, мсье дипломат, — живо ответил ученый. — Престиж «брахмапурского стандарта» столь высок, что от покупателей отбоя бы не было. Уверен, что по меньшей мере половина камней даже не покинула бы Индии — их раскупили бы туземные князья, и в первую очередь все тот же низам. А из-за остальных камней передрались бы банкирские дома Европы и Америки, да и европейские монархи не упустили бы случая украсить свои сокровищницы брахмапурскими шедеврами. О-о, при желании Багдассар мог распродать содержимое своего ларца в считанные недели.

— Вы все время говорите об этом человеке в п-прошедшем времени, — заметил Фандорин. — Он умер? Что же тогда стало с ларцом?

— Этого, увы, никто не знает. Конец Багдассара трагичен, Во время сипайского мятежа раджа

имел неосторожность вступить в тайные сношения с бунтовщиками, и вице-король объявил Брахмапур враждебной территорией. Злые языки поговаривали, что Британия просто решила прибрать к рукам сокровища Багдассара, но это, конечно, неправда — мы, англичане, такими методами не действуем.

— О да, — с нехорошей улыбочкой кивнул Ренье, переглянувшись с комиссаром.

Кларисса осторожно посмотрела на Фандорина — неужели и он заражен бациллой англофобии, но русский дипломат сидел с совершенно невозмутимым выражением лица.

— Во дворец Багдассара был отправлен драгунский эскадрон. Раджа пытался спастись бегством в Афганистан, но кавалерия догнала его у переправы через Ганг. Подвергаться аресту Багдассар счел ниже своего достоинства и принял яд. Ларца при нем не оказалось, только узелок с вложенной в него запиской на английском. Записка была адресована британским властям. В ней раджа клялся в своей невиновности и просил переслать узелок его единственному сыну. Мальчик учился в частном пансионе где-то в Европе. У индийских вельмож новой формации это в порядке вещей. Надо сказать, что Багдассар вообще был не чужд

веяний цивилизации, не раз бывал в Лондоне и Париже. Он даже женился на француженке.

— Ах, как это необычно! — воскликнула Кларисса. — Быть женой индийского раджи! Что же с ней стало?

— Черт с ней, с женой, лучше расскажите про узелок, — нетерпеливо сказал комиссар. — Что в нем было?

— Ровным счетом ничего интересного, — сожалеюще пожал плечами профессор. — Томик Корана. Ларец же исчез бесследно, хотя искали его повсюду.

— И это был самый обычный Коран? — спросил Фандорин.

— Самый что ни на есть заурядный, отпечатанный в Бомбейской типографии, с собственноручными благочестивыми рассуждениями покойного на полях. Командир эскадрона счел возможным отправить Коран по назначению, себе же на память об этой экспедиции взял только платок, в который была завернута книга. Впоследствии платок был куплен лордом Литтлби и вошел в его коллекцию индийской росписи по шелку.

Комиссар уточнил:

— Это и есть тот платок, в который убийца

завернул Шиву?

— Тот самый. Он и в самом деле необычен. Из тончайшего, невесомого шелка. Рисунок довольно тривиален — изображение райской птицы, сладкопевной Калавинки, но есть две уникальные особенности, которых я не встречал ни на одном другом индийском платке. Во-первых, у Калавинки вместо глаза дырочка, края которой ювелирно обшиты парчовой нитью. А во-вторых, интересна форма платка — не прямоугольная, а конусообразная. Этакий неправильный треугольник: две стороны неровные, одна совершенно прямая.

— Платок имеет б-большую ценность? — спросил Фандорин.

— Ну, про платок неинтересно, — капризно выпятила нижнюю губку мадам Клебер. — Лучше расскажите еще про драгоценности! Нужно было поискать получше.

Свитчайлд рассмеялся:

— О, мадам, вы даже не представляете себе, насколько тщательно их искал новый раджа! Это был один из местных заминдаров, оказавший нам неоценимые услуги во время сипайской войны и в награду получивший брахмапурский трон. У бедняги от алчности помрачился рассудок. Ка-

кой-то умник шепнул ему, что Багдассар спрятал ларец в стене одного из домов. А поскольку ларец и в самом деле по размеру и внешнему виду в точности походил на обычный глиняный кирпич, новый раджа повелел разобрать все строения, возведенные из этого строительного материала. Дома сносили один за другим, и каждый кирпич разбивали под личным присмотром владыки. Если учесть, что в Брахмапуре девяносто процентов всех построек — из глиняных кирпичей, через несколько месяцев цветущий город превратился в груду развалин. Безумного раджу отравили собственные приближенные, страшась, что население поднимет бунт почище сипайского.

— Так ему и надо, иуде, — с чувством произнес Ренье. — Нет ничего отвратительнее предательства.

Фандорин терпеливо повторил свой вопрос:

— Так все-таки, профессор, велика ли ценность п-платка?

— Не думаю. Это скорее раритет, диковина.

— А почему в п-платок все время что-то заворачивают — то Коран, то Шиву? Нет ли у этого куска шелка какого-то сакрального значения?

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Просто совпадение.

Комиссар Гош с кряхтением встал, расправил затекшие плечи.

— М-да, история занятная, но нашему расследованию, увы, ничего не дает. Вряд ли убийца держит эту тряпку при себе в качестве сентиментального сувенира. — Он мечтательно произнес. — А неплохо бы. Достает кто-нибудь из вас, дорогие подозреваемые, шелковый платок с райской птицей — просто так, по рассеянности, — и сморкается в него. Тут старина Гош знал бы, как ему поступить.

И сыщик засмеялся, очевидно, считая свою шутку очень остроумной. Кларисса смотрела на мужлана с осуждением.

Комиссар поймал ее взгляд и прищурился:

— Кстати, мадемуазель Стамп, о вашей дивной шляпке. Стильная вещь, последний парижский шик. Давно в Париж наведывались?

Клариса внутренне вся подобралась и ледяным тоном ответила:

— Шляпка куплена в Лондоне, комиссар. А в Париже я вообще никогда не бывала.

Куда это так пристально смотрит мистер Фандорин? Кларисса проследила за напраслением его взгляда и побледнела.

Дипломат разглядывал страусиновый веер, на

костяной ручке которого золотилась надпись:

> Mellers
> souvenirs! Hotel «AMBASSADEUER». Rue de Grennelle? Paris.[8]

Какая непростительная оплошность!

[8] Примечания: 8

Приятных воспоминаний! Отель «Амбассадор». Улица Гренель, Париж. *(фр.)*

Гинтаро Аоно

4-го месяца 5-го дня
В виду Эритрейского берега

Понизу зеленая полоса моря,
Посередине желтая полоса песка,
Поверху синяя полоса неба.
Вот каких цветов
Африки знамя.

Это тривиальное пятистишье — плод моих полуторачасовых усилий по обретению душевной гармонии. Проклятая гармония никак не желала восстанавливаться.

Я сидел на корме один, смотрел на унылое побережье Африки и острее, чем когда бы то ни было, ощущал свое бескрайнее одиночество. Хорошо хоть, что мне с детства привили благородную привычку вести дневник. Семь лет назад, отправляясь на учебу в далекую страну Фурансу, я втайне мечтал, что когда-нибудь дневник моего путешествия выйдет книгой и принесет славу мне и всему роду Аоно. Но, увы, ум мой слишком несовершенен, а чувства чересчур обыкновенны,

чтобы эти жалкие листки могли соперничать с великой дневниковой литературой прежних времен.

И все же без этих ежедневных записей я, верно, давно бы уже сошел с ума.

Даже здесь, на корабле, плывущем в Восточную Азию, только двое представителей желтой расы — я и китаец-евнух, придворный чиновник 11 ранга, ездивший в Париж за парфюмерными и косметическими новинками для императрицы Цы Си. Из экономии он путешествует вторым классом, очень этого стесняется, и разговор наш прервался в тот самый миг, когда выяснилось, что я еду в первом. Какой позор для Китая! Я на месте чиновника, наверное, умер бы от унижения. Ведь каждый из нас представляет на этом европейском корабле великую азиатскую державу. Я понимаю душевное состояние чиновника Чжана, но все же очень жаль, что он стыдится выглянуть из своей тесной каюты — нам нашлось бы о чем поговорить. То есть, конечно, не поговорить, а пообщаться при помощи бумаги и кисточки. Хоть мы и говорим на разных языках, но иероглифы-то одни и те же.

Ничего, говорю я себе, крепись. Остались сущие пустяки. Через какой-нибудь месяц ты увидишь

огни Нагасаки, а оттуда рукой подать и до родной Кагосимы. И пусть возвращение сулит мне унижение и позор, пусть я стану посмешищем всех моих друзей! Лишь бы снова оказаться дома! В конце концов, никто не посмеет презирать меня в открытую — ведь все знают, что я выполнял волю отца, а приказы, как известно, не обсуждают. Я сделал то, что должен был сделать, к чему обязал меня долг. Жизнь моя загублена, но если это нужно для блага Японии… И все, хватит об этом!

Однако кто бы мог подумать, что возвращение на родину, последний этап семилетних испытаний, окажется таким трудным? Во Франции, по крайней мере, я мог принимать пищу в одиночестве, мог наслаждаться прогулками, общением с природой. Здесь же, на пароходе, я чувствую себя рисовым зернышком, по ошибке попавшим в миску с лапшой. Семь лет жизни среди рыжеволосых варваров так и не приучили меня к некоторым их отвратительным привычкам. Когда я вижу, как утонченная Клебер-сан режет ножом кровавый бифштекс и потом облизывает розовым язычком покрасневшие губы, меня начинает тошнить. А эти английские умывальники, в которых нужно затыкать слив пробкой и мыть лицо в загрязненной воде! А кошмарная,

выдуманная извращенным умом одежда! В ней ощущаешь себя карпом, которого завернули в промасленную бумагу и поджаривают на угольях. Больше всего я ненавижу крахмальные воротнички, от которых на подбородке появляется красная сыпь, и кожаные туфли, настоящее орудие пытки. На правах дикого азиата я позволяю себе разгуливать по палубе в легкой юкате, а мои злосчастные соседи по столу парятся в своих одеяниях с утра до вечера. Мои чуткие ноздри очень страдают от запаха европейского пота — острого, масляно-мясного. Ужасна также привычка круглоглазых сморкаться в носовые платки, класть их вместе с соплями обратно в карман, снова доставать и снова сморкаться! Дома этому просто не поверят, решат, что я все выдумал. Хотя семь лет — большой срок. Возможно, у нас тоже дамы уже носят эти смехотворные турнюры на заду и ковыляют, спотыкаясь на высоких каблуках. Любопытно было бы взглянуть на Кеко-сан в этаком наряде. Она ведь совсем большая — тринадцать лет. Еще годик-другой, и нас поженят. А может быть, это произойдет и раньше. Скорей бы уж домой.

Сегодня обретение душевной гармонии давалось мне особенно трудно, потому что:

1) Я обнаружил, что из моего саквояжа исчез лучший инструмент, способный легко рассечь самую толстую мышцу. Что означает эта странная кража?

2) За обедом я вновь попал в унизительное положение — гораздо хуже, чем с Карлом Смелым (см. запись от вчерашнего дня). Фандорин-сан, который по-прежнему очень интересуется Японией, принялся расспрашивать меня о Бусидо и самурайских традициях. Разговор зашел о моей семье, о моих предках. Поскольку я представился офицером, русский стал задавать вопросы о вооружении, мундирах, боевом уставе императорской армии. Это было ужасно! Когда выяснилось, что я никогда не слышал о винтовке Бердана, Фандорин-сан посмотрел на меня очень странно. Он наверняка подумал, что в японской армии служат полные невежды. От стыда я совершенно забыл о вежливости и выбежал из салона, чем, разумеется, еще больше усугубил конфуз.

Долго не мог успокоиться. Сначала поднялся на шлюпочную палубу, где самый солнцепек и поэтому никого нет. Разделся до набедренной повязки и полчаса совершенствовал технику удара маваси-гири. Когда достиг должной кондиции и солнце стало казаться розовым, сел в позу

дзад-зэн и сорок минут пытался медитировать. Лишь после этого оделся и отправился на корму сочинять танка.

Все эти упражнения помогли. Теперь я знаю, как спасти лицо. За ужином скажу Фандорину-сан, что нам запрещено говорить с иностранцами об императорской армии, а из салона я выбежал столь поспешно, потому что у меня ужасный понос. Думаю, это прозвучит убедительно, и я не буду выглядеть в глазах соседей невоспитанным дикарем.

Тот же день, вечер

Какая там гармония! Случилось нечто катастрофическое. У меня постыдно дрожат руки, но нужно немедленно записать все подробности. Это поможет сосредоточиться и принять верное решение. Пока только факты, умозаключения потом.

Итак.

Ужин в салоне «Виндзор» начался как обычно, в 8 часов. Хотя днем я заказывал салат из свеклы (red beet), официант принес полусырую говядину с кровью. Оказывается, он расслышал red beef. Я тыкал вилкой в сочащуюся кровью плоть убитого животного и с тайной завистью смотрел на первого помощника капитана, который ел аппе-

титнейшее овощное рагу с постной курятиной.

Что было еще?

Да ничего особенного. Клебер-сан, как всегда, жаловалась на мигрень, но ела с большим аппетитом. У нее замечательно цветущий вид, вот классический пример легко переносимой беременности. Уверен: когда придет срок, ребенок из нее выскочит, как пробка из шипучего французского вина.

Говорили о жаре, о завтрашнем прибытии в Аден, о драгоценных камнях. Мы с Фандориным-сан сравнивали достоинства японской и английской гимнастик. Я мог позволить себе быть снисходительным, так как превосходство Востока над Западом в этой сфере очевидно. Все дело в том, что у них физические упражнения — это sport, игра, а у нас — Путь к духовному самоусовершенствованию. Именно к духовному, потому что физическое совершенство не имеет значения и тащится следом само по себе, словно железнодорожный состав за паровозом. Надо сказать, что русский очень интересуется спортом и даже что-то слышал о боевых школах Японии и Китая. Сегодня утром я медитировал на шлюпочной палубе раньше обычного и видел там Фандорина-сан. Мы только обменялись по-

клонами, но в разговор не вступали, потому что каждый был занят своим делом: я омывал душу светом нового дня, он же, одетый в гимнастическое трико, приседал, отжимался поочередно на каждой руке и долго поднимал гири, по виду очень тяжелые.

Общий интерес к гимнастике сделал нашу вечернюю беседу непринужденной, я чувствовал себя раскованней, чем обычно. Рассказывал русскому о дзюдзюцу. Он слушал с неослабным вниманием.

Примерно в половине девятого (я не заметил точное время) Клебер-сан, уже допившая чай и съевшая два пирожных, пожаловалась на головокружение. Я сказал, что это бывает с беременными при переедании. Мои слова она почему-то восприняла с явной обидой, а я спохватился, что сболтнул лишнее. Сколько раз зарекался не раскрывать рта. Учили ведь меня мудрые воспитатели: когда оказался в чужой компании, сиди, слушай, приятно улыбайся и время от времени кивай головой — прослывешь воспитанным человеком и уж во всяком случае не скажешь ничего глупого. Хорош «офицер», сующийся с медицинскими советами!

Ренье-сан тут же вскочил и вызвался прово-

дить даму до каюты. Этот человек вообще очень предупредителен, а к Клебер-сан особенно. Он единственный, кому она еще не надоела своими беспрестанными капризами. Блюдет честь мундира, молодец.

Когда они вышли, мужчины перебрались в кресла и закурили. Корабельный врач-итальянец и его жена-англичанка отправились к какому-то пациенту, а я пытался втолковать официанту, что в мой омлет к завтраку не нужно класть ни бекон, ни ветчину. Могли бы уже привыкнуть, за столько-то дней.

Прошло, наверное, минуты две, и вдруг мы услышали пронзительный женский крик.

Во-первых, я не сразу понял, что это кричит Клебер-сан. Во-вторых, не сообразил, что истошное «Оскур! Оскур!» означает «Au secours! Au secours!».[9] Но это не оправдывает моего поведения. Я проявил себя позорно, позорно. Я недостоен звания самурая!

Но по порядку.

Первым к двери бросился Фандорин-сан, за ним полицейский комиссар, потом Милфорд-Стоукс-сан и Свитчайлд-сан, а я все торчал на месте.

---

[9] Примечания: 9
На помощь! *(фр.)*

Они, конечно, все решили, что в японской армии служат жалкие трусы! На самом же деле я просто не сразу понял, что происходит.

Когда до меня дошло, было поздно — я прибежал к месту происшествия последним, даже отстал от Стамп-сан.

Каюта Клебер-сан находится совсем недалеко от салона — пятая направо по коридору.

Из-за спин тех, кто прибежал раньше, я увидел невероятную картину. Дверь каюты была нараспашку. Клебер-сан жалобно стонала, лежа на полу, а на ней громоздилось что-то черное, лоснящееся, неподвижное. Я не сразу понял, что это огромного роста негр. Он был в белых холщовых штанах. Из затылка у негра торчала рукоятка морского кортика. По положению тела я сразу понял, что негр мертв. Такой удар, нанесенный в основание черепа, требует большой силы и точности, но зато убивает молниеносно, наверняка.

Клебер-сан тщетно барахталась, пытаясь выбраться из-под придавившей ее тяжелой туши. Рядом метался лейтенант Ренье. Лицо у него было белее воротничка рубашки. Ножны висевшего на боку кортика пусты. Лейтенант совсем потерялся — то бросался стаскивать с беременной женщины неприятную ношу, то оборачивался к

нам и сбивчиво начинал объяснять комиссару, что произошло.

Фандорин-сан единственный из всех не утратил хладнокровия. Он без видимого усилия приподнял и оттащил в сторону тяжелый труп (я сразу вспомнил гимнастику с гирями), помог Клебер-сан сесть в кресло и дал ей воды. Тут очнулся и я — подошел к ней и наскоро проверил: ни ран, ни ушибов, кажется, нет. Есть ли внутренние повреждения, станет ясно позднее. Все были так возбуждены, что проведенный мной осмотр никого не удивил. Белые уверены, что все азиаты немножко шаманы и владеют искусством врачевания. Пульс у Клебер-сан был 95, что вполне объяснимо.

Она и Ренье-сан, перебивая друг друга, рассказали следующее.

Лейтенант:

Он довел Клебер-сан до каюты, пожелал приятного вечера и распрощался. Однако не успел отойти и на два шага, как услышал ее отчаянный крик.

Клебер-сан:

Она вошла, зажгла электрическую лампу и увидела возле туалетного столика гигантского черного человека, державшего в руках ее корал-

ловые бусы (эти бусы я, действительно, потом видел на полу). Негр молча бросился на нее, повалил на пол и схватил своими огромными ручищами за горло. Она закричала.

Лейтенант:

Он ворвался в каюту, увидел ужасную (он сказал «фантастическую») сцену и в первый миг растерялся. Схватил негра за плечи, но не смог сдвинуть этого великана ни на дюйм. Тогда ударил его сапогом по голове, и опять безо всякого эффекта. Лишь после этого, боясь за жизнь мадам Клебер и ее младенца, он выхватил из ножен кортик и нанес один-единственный удар.

Я подумал, что бурная юность лейтенанта наверняка прошла в тавернах и борделях, где от умения управляться с ножом зависит, кто назавтра протрезвится, а кого отнесут на кладбище.

Прибежали капитан Клифф и доктор Труффо. В каюте стало тесно. Никто не мог взять в толк, откуда на «Левиафане» взялся этот африканец. Фандорин-сан внимательно рассмотрел татуировку, покрывавшую грудь убитого, и сказал, что уже встречал такую раньше. Оказывается, во время недавнего Балканского конфликта он побывал в турецком плену и видел там чернокожих рабов с точно такими же зигзагообразными

метками, концентрически расходящимися от сосков. Это ритуальный узор племени нданга, недавно обнаруженного арабскими работорговцами в самом сердце экваториальной Африки. Мужчины нданга пользуются огромным спросом на рынках всего востока.

Мне показалось, что Фандорин-сан говорил все это с несколько странным видом, словно был чем-то озадачен. Однако я могу и ошибаться, поскольку мимика европейцев довольно причудлива и совсем не совпадает с нашей.

Комиссар Гош выслушал дипломата невнимательно. Он сказал, что его как представителя закона интересуют два вопроса: как негр проник на корабль и почему напал на мадам Клебер.

Тут выяснилось, что у некоторых из числа присутствующих в последнее время таинственным образом стали исчезать из кают вещи. Вспомнил и я о своей пропаже, но, разумеется, промолчал. Далее было установлено, что кое-кто даже видел огромную черную тень (мисс Стамп) или заглянувшее в окно черное лицо (миссис Труффо). Теперь ясно, что это были не галлюцинации и не плод женской впечатлительности.

Все набросились на капитана. Оказывается, над каждым из пассажиров все эти дни витала смер-

тельная опасность, а корабельное начальство об этом и не догадывалось. Клифф-сан был багровым от стыда. Приходится признать, что по его престижу нанесен ощутимый удар. Я тактично отвернулся, чтобы он меньше переживал из-за потери лица.

Затем капитан попросил всех очевидцев инцидента перейти в салон «Виндзор» и обратился к нам с речью, исполненной силы и достоинства. Прежде всего он извинился за случившееся. Попросил, чтобы мы никому не рассказывали об этом «прискорбном случае», так как на пароходе может начаться массовый психоз. Пообещал, что матросы немедленно прочешут все трюмы, междудонное пространство, погреба, склады и даже угольные ямы. Дал гарантию, что никаких чернокожих взломщиков на его корабле больше не будет.

Хороший человек капитан. Настоящий морской волк. Говорит неуклюже, короткими фразами, но видно, что душа у него крепкая и за свое дело он болеет. Я слышал, как Труффо-сэнсэй как-то рассказывал комиссару, что капитан Клифф вдовец и души не чает в единственной дочери, которая воспитывается в каком-то пансионе. По-моему, это очень трогательно.

Ну вот, кажется, я понемногу прихожу в себя. И строчки пошли ровнее, рука больше не дрожит. Могу перейти к самому неприятному.

При поверхностном осмотре мадам Клебер я обратил внимание на отсутствие кровоподтеков. Были у меня и еще кое-какие соображения, которыми стоило поделиться с капитаном и комиссаром. Но более всего я хотел успокоить беременную женщину, которая никак не могла придти в себя после потрясения, а наоборот, твердо вознамерилась довести себя до истерики.

Я сказал ей самым ласковым тоном:

— Может быть, этот чернокожий вовсе не хотел вас убить, мадам. Вы вошли так неожиданно, включили электричество, и он просто испугался. Ведь он…

Она не дала мне договорить.

— Он испугался? — прошипела Клебер-сан с неожиданным ожесточением. — Или, может, это вы испугались, мсье азиат? Думаете, я не заметила, как вы просовывали из-за чужих спин вашу желтую мордочку?

Никто и никогда еще так меня не оскорблял. Хуже всего было то, что я не мог сделать вид, будто это вздорные слова истеричной дуры, и отгородиться презрительной улыбкой. Клебер-сан

уколола меня в самое уязвимое место!

Ответить было нечего. Я жестоко страдал, а она смотрела на меня с уничижительной гримасой на злом заплаканном личике. Если бы можно было в этот момент провалиться в пресловутый христианский ад, я непременно нажал бы рычаг люка. Хуже всего было то, что глаза застлало красной пеленой исступления, а этого состояния я страшусь больше всего. Именно в состоянии исступления самурай совершает деяния, губительные для кармы. Потом всю жизнь приходится искупать вину за один-единственный миг утраты контроля над собой. Можно натворить такое, что даже сэппуку будет недостаточно.

Я вышел из салона, испугавшись, что не сдержусь и сделаю что-нибудь ужасное с беременной женщиной. Не знаю, смог ли бы я совладать с собой, если бы подобное мне сказал мужчина.

Запершись у себя в каюте, достал мешок с египетскими тыквами, купленными на порт-саидском базаре. Они маленькие, размером с голову, и очень жесткие. Я закупил полсотни.

Чтобы смыть с глаз алую пелену, принялся отрабатывать прямой удар ребром ладони. Из-за крайнего волнения удар получался плохо: тыквы раскалывались не на две ровные половинки, а на

семь или восемь кусков.

Тяжело.

Часть вторая
Аден — Бомбей

Гинтаро Аоно

4-го месяца, 7-го дня
В Адене

Русский дипломат — человек глубокого, почти японского ума. Фандорин-сан обладает неевропейской способностью видеть явление во всей его полноте, не увязая в мелких деталях и технических подробностях. Европейцы — непревзойденные эксперты во всем, что касается умения, они превосходно знают как. Мы же, азиаты, обладаем мудростью, ибо понимаем, зачем. Для волосатых процесс движения важнее конечной цели, а мы не сводим глаз с мерцающей вдали путеводной звезды, и потому частенько не удосуживаемся как следует оглядеться по сторонам. Вот почему белые сплошь и рядом оказываются победителями в мелких стычках, а желтая раса сохраняет непоколебимое спокойствие, отлично зная, что все это — мелочная суета, не заслуживающая внимания. В главном, единственно существенном, победа все равно будет за нами.

Наш император решился на великий эксперимент: совместить восточную мудрость с западным умом; Мы, японцы, смиренно постигаем

европейскую науку повседневных завоеваний, но в то же время не упускаем из виду конечную цель человеческого существования — смерть и следующую за ней более высокую форму бытия. Рыжеволосые слишком индивидуалистичны, драгоценное «я» застит им глаза, искажает картину окружающего мира и не позволяет взглянуть на проблему с разных углов зрения. Душа европейца прибита к его телу железными гвоздями, ей не дано воспарить.

Если же Фандорин-сан способен на озарение, то этим он обязан полуазиатской сути своей родины. Россия во многом похожа на Японию: тот же Восток, тянущийся к Западу. Только, в отличие от нас, русские забывают о звезде, на которую держит курс корабль, и слишком уж вертят шеей по сторонам. Выпятить свое «я» или растворить его среди могучего «мы» — вот в чем противоположность Европы и Азии. Мне кажется, что у России есть хороший шанс свернуть с первого пути на второй.

Однако я чрезмерно расфилософствовался. Пора перейти к Фандорину-сан и проявленной им ясности ума. Опишу произошедшее по порядку.

Еще затемно «Левиафан» прибыл в Аден. Про этот порт в моем путеводителе сказано:

«Аденский порт, этот Гибралтар Востока, служит для Англии соединительным звеном с Ост-Индией. Здесь пароходы запасаются углем и пополняют запасы пресной воды. Значение Адена неимоверно возросло после открытия Суэцкого канала. Сам город, впрочем, невелик. Здесь имеются обширные портовые склады, верфи, несколько факторий, конторы, гостиницы. Город отличается правильной постройкой. Сухость почвы компенсируется наличием 30 древних резервуаров для стекающей с гор дождевой воды. Население Адена насчитывает 34000 человек, в основном индийцев-мусульман».

Пока приходится довольствоваться этим скупым описанием, поскольку трап не спущен и на берег никого не выпускают. Причина якобы в санитарно-карантинной инспекции, однако мы, вассалы виндзорского княжества, знаем, в чем истинный смысл суматохи: матросы и береговая полиция прочесывают весь гигантский корабль, разыскивая негров.

После завтрака мы остались в салоне, ожидая

результатов облавы. Именно тогда между полицейским комиссаром и русским дипломатом состоялся важный разговор, при котором присутствовали все наши (вот они для меня уже и «наши»).

Сначала говорили о смерти негра, потом беседа, как обычно, переключилась на парижские убийства. Я участия в разговоре на эту тему не принимал, но слушал очень внимательно, хотя на первых порах казалось, что опять будут ловить зеленую обезьяну в зарослях бамбука и черную кошку в темной комнате.

Стамп-сан сказала: «Итак, сплошные загадки. Непонятно, как чернокожий проник на корабль, непонятно, зачем хотел убить мадам Клебер. Совеем как на рю де Гренель. Снова мистика».

И тут Фандорин-сан вдруг говорит: «Никакой мистики здесь нет. С негром, и в самом деле, пока не все ясно, а вот что касается происшествия на улице де Гренель, то картина, по-моему, более или менее понятна».

Все уставились на него с недоумением, а комиссар ехидно улыбнулся: «Правда? Ну-ка, ну-ка, любопытно будет послушать».

Фандорин-сан: «Думаю, дело было так. Вечером в дверь особняка на рю де Гренель пришел

некто…»

Комиссар (с фальшивым восхищением): «Браво! Гениальная догадка!»

Кое-кто засмеялся, но большинство слушали с неослабным вниманием, поскольку дипломат не из тех, кто попусту сотрясает воздух.

Фандорин-сан (невозмутимо продолжая): «…некто, чье появление не вызвало у прислуги ни малейших подозрений. Это был медик, возможно, в белом халате и наверняка с докторским саквояжем. Нежданный гость сказал, что все находящиеся в доме должны немедленно собраться в одном помещении, потому что по распоряжению муниципалитета всем парижанам делается профилактическая прививка».

Комиссар (начиная сердиться): «Что за фантазии? Какая еще прививка? Почему слуги должны были верить первому встречному проходимцу?»

Фандорин (резко): «Как бы вас в скором времени не разжаловали из „следователей по особо важным делам“ в „следователи по не особо важным делам“, мсье Гош. Вы невнимательно изучаете свои собственные материалы, а это непростительно. Взгляните-ка еще раз на статью из „Суар“, где пишут о связи лорда Литтлби с международной авантюристкой Мари Санфон».

Сыщик порылся в своей черной папке, достал нужную заметку, пробежал ее глазами.

Комиссар (пожимая плечами): «Ну и что?»

Фандорин-сан (показывая пальцем): «Да вот же, внизу. Видите — начало следующей заметки: „ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ ИДЕТ НА УБЫЛЬ“? И далее про „энергичные профилактические меры парижских медиков“».

Труффо-сэнсэй: «А ведь в самом деле, господа. Париж всю зиму боролся со вспышками холеры. В Дувре даже установили санитарный контроль для паромов, прибывающих из Кале».

Фандорин-сан: «Вот почему появление медика не вызвало у слуг никаких подозрений. Посетитель наверняка держался очень уверенно и говорил убедительно. Возможно, сказал, что время уже позднее, а надо еще обойти несколько домов или еще что-нибудь в этом роде. Хозяина дома, видимо, слуги тревожить не стали, зная, что у него приступ подагры, а охранников со второго этажа, конечно, позвали. Ведь инъекция — минутное дело».

Я был восхищен прозорливостью дипломата, так легко разгадавшего непростую загадку. Комиссар Гош, и тот призадумался.

«Ну допустим, — недовольно сказал он. — Но

чем вы объясните то странное обстоятельство, что ваш медик, отравив слуг, не пошел на второй этаж по лестнице, а зачем-то вышел на улицу, перелез через ограду в сад и разбил окно в оранжерее?»

Фандорин-сан: «Я думал об этом. Вам не приходило в голову, что преступников могло быть двое: один устранял слуг, а второй тем временем проник в дом через окно?»

Комиссар (торжествующе): «Приходило, господин умник, еще как приходило. Именно к такому умозаключению и пытался подтолкнуть нас убийца. Он просто хотел запутать след — это же очевидно! Из буфетной, отравив слуг, он поднялся наверх, где столкнулся с хозяином дома. Скорее всего, преступник просто расколошматил стекло витрины, ибо полагал, что в доме больше никого нет. Лорд выглянул из спальни на шум и был убит. Лосле этого незапланированного инцидента преступник поспешно скрылся, однако не через дверь, а через окно оранжереи. Зачем? Да чтобы поморочить нам голову и представить дело так, будто их было двое. Вот вы и клюнули на эту удочку. Но папашу Гоша на такую дешевку не купишь».

Слова комиссара были встречены одобритель-

но. Ренье-сан даже сказал: «Черт, комиссар, да вам палец в рот не клади!» (Это такое образное выражение, распространенное в разных европейских языках. Его не следует понимать буквально. Лейтенант имел в виду, что Гош-сан очень умный и искушенный сыщик.)

Фандорин-сан подождал немножко и спросил: «То есть вы всесторонне изучили отпечатки подошв под окном и пришли к заключению, что человек именно прыгнул вниз, а не лез на подоконник?»

На это комиссар ничего не ответил, но посмотрел на русского довольно сердито.

Тут Стамп-сан произнесла реплику, которая придала разговору новый, еще более острый оборот.

«Один преступник, два преступника — я все равно не понимаю главного: зачем вообще все это понадобилось? — сказала она. — Ясно, что не из-за Шивы. Так из-за чего? Не из-за платка же, в самом деле, какой бы он ни был замечательный и легендарный!»

Фандорин-сан произнес очень буднично, как нечто само собой разумеющееся: «Разумеется, мадемуазель, именно из-за платка. Шива вообще был взят для отвода глаз и сразу же, у ближайше-

го моста, выброшен в Сену за ненадобностью».

Комиссар заметил: «Для русских бояр полмиллиона франков, может, и пустяк, но большинство людей считают иначе. Два килограмма чистого золота, ничего себе „за ненадобностью“! Что-то вас совсем занесло, господин дипломат».

Фандорин-сан: «Бросьте, комиссар, что такое полмиллиона франков по сравнению с сокровищем Багдассара?»

«Господа, хватит спорить! — капризно воскликнула ненавистная мадам Клебер. — Меня чуть не убили, а вы заладили снова про то же самое. Пока вы, комиссар, копаетесь в старом преступлении, у вас чуть не произошло новое!»

Эта женщина просто не выносит, когда в центре внимания не она. После вчерашнего я стараюсь поменьше на нее смотреть — уж очень тянет ткнуть средним пальцем в голубую жилку, что пульсирует на ее белой шее. Одного тычка было бы вполне достаточно, чтобы этой гадины не стало. Но это, конечно, из области злых мыслей, которые волевой человек должен от себя гнать. Вот выплеснул злые мысли в дневник, и ненависти немного поубавилось.

Комиссар поставил мадам Клебер на место. «Помолчите-ка, сударыня, — строго сказал он. —

Послушаем, что там еще придумал господин дипломат».

Фандорин-сан: «Вся эта история может иметь смысл лишь в том случае, если похищенный платок чем-то особенно ценен. Это раз. По словам профессора, стоимость самого платка не так уж велика, стало быть, дело не в куске шелка, а в том, с чем он связан. Это два. Как нам известно, платок связан с предсмертной волей раджи Багдассара, последнего владельца брахмапурских сокровищ. Это три. Скажите, профессор, был ли раджа ревностным слугой Пророка?»

Свитчайлд-сэнсэй (подумав): «Не могу сказать точно… Мечетей он не строил. Аллаха в моем присутствии не поминал. Раджа любил одеваться по-европейски, курил кубинские сигары, читал французские романы… Ах да, за обедом он пил коньяк! Значит, не воспринимал религиозные запреты чересчур серьезно».

Фавдорин-сан: «Тогда вот вам четыре: не слишком набожный Багдассар передает сыну в качестве последнего дара не что-нибудь, а Коран, причем зачем-то завернутый в платок. Предполагаю, что именно платок являлся главной частью этого послания. Коран же прилагался для виду… Или, возможно, среди пометок на полях, сделан-

ных рукой Багдассара, содержались инструкции, как найти сокровище с помощью платка».

Свитчайлд-сэнсэй: «Почему же непременно при помощи платка? Раджа мог бы изложить свою тайну там же, в маргиналиях!»

Фандорин-сан: «Мог, но он этого не сделал. Почему? Отсылаю вас к своему аргументу номер один: если бы платок не обладал совершенно исключительной ценностью, из-за него вряд ли убили бы десять человек. Платок — это ключ к 500 миллионам рублей, или, если угодно, к 50 миллионам фунтов, что примерно одно и то же. По-моему, в истории человечества еще не бывало клада таких размеров. Кстати, должен вас предупредить, комиссар, что, если вы не ошибаетесь и убийца, действительно, находится на „Левиафане“, возможны новые жертвы. И чем ближе вы будете подбираться к цели, тем они возможней. Слишком уж велика ставка, и слишком дорогой ценой заплачено за ключ к тайне».

После этих слов воцарилось мертвое молчание. Логика Фандорина-сан казалась неопровержимой, и, я уверен, у многих мороз пробежал по коже. Кроме одного человека.

Первым пришел в себя комиссар. Он сказал с нервным смешком: «Ну и воображение у вас,

мсье Фандорин. Но что касается опасности, тут вы правы. Только вы-то, господа, можете не трястись. Опасность угрожает одному старине Гошу, и он это отлично знает. Такая уж у меня профессия. Но голыми руками меня не возьмешь!» И он обвел грозным взглядом каждого из нас, словно вызывая на единоборство.

Смешной старый толстяк. Из всех присутствующих он справился бы один на один разве что с беременной мадам Клебер. В моем мозгу возникла соблазнительная картина: раскрасневшийся комиссар повалил юную ведьму на пол и душит ее своими волосатыми пальцами-сосисками, а мадам Клебер издыхает, выпучив глаза и высунув свой гнусный язык.

«Darling, I am scared!»[10] — тоненьким голосом пропищала докторша, обращаясь к своему супругу. Он успокаивающе погладил ее по плечу.

Интересный вопрос задал красноволосый и уродливый М.-С. — сан (слишком длинная фамилия, чтобы писать ее полностью): «Профессор, опишите платок поподробней. Ну, птица с дыркой вместо глаза, ну треугольник. Есть ли в платке еще что-нибудь примечательное?»

---

[10] Примечания: 10
Милый, мне страшно! *(англ.)*

Надо сказать, что этот странный господин участвует в общей беседе почти так же редко, как я. А если и скажет что-то, то, подобно автору этих строк, обязательно не к месту. Тем примечательней внезапная уместность его вопроса.

Свитчайлд-сэнсэй: «Насколько я помню, кроме дырки и уникальной формы ничего особенного в платке нет. Он размером с большой веер, но при этом его можно легко спрятать в наперсток. В Брахмапуре такая сверхтонкая ткань не редкость».

«Значит, ключ в глазе птицы и треугольной форме», — с восхитительной уверенностью подытожил Фандорин-сан.

Воистину он был великолепен.

Чем больше я размышляю о его триумфе и вообще всей этой истории, тем сильнее недостойное желание продемонстрировать им всем, что и Гинтаро Аоно кое-чего стоит. Мне тоже есть чем их удивить. К примеру, я мог бы рассказать комиссару Гошу нечто любопытное о вчерашнем инциденте с чернокожим дикарем. Между прочим, мудрый Фандорин-сан признался, что в этом вопросе ему еще не все ясно. Ему неясно, а «дикий японец» вдруг хлоп, и отгадает загадку. Интересно может получиться, а?

Вчера, выбитый из колеи оскорблением, я на время утратил трезвость мысли. Потом, успокоившись, стал сопоставлять, прикидывать и в голове у меня выстроилась целая логическая схема, которую я и намерен подкинуть полицейскому. Пусть уж дальше соображает сам. А скажу я комиссару следующее.

Сначала напомню о грубости, которую мадам Клебер произнесла в мой адрес. Это было крайне оскорбительное замечание, к тому же сделанное публично. И сделано оно было именно в тот момент, когда я хотел сказать о своих наблюдениях. Уж не намеревалась ли мадам Клебер заткнуть мне рот? Разве не подозрительно, господин комиссар?

Идем дальше. Зачем она притворяется слабой, хотя сама здорова, как борец сумо? Вы скажете, ерунда, мелочь. А я вам скажу на это, господин сыщик, что человек, который постоянно прикидывается, непременно что-то скрывает.

Взять хотя бы меня.(Ха-ха. Этого, конечно, я говорить не буду.)

Потом обращу внимание комиссара на то, что у европейских женщин очень тонкая, белая кожа. Почему же мощные пальцы негра не оставили на ней ни малейшего отпечатка? Не странно ли?

И, наконец, когда комиссар решит, что мне нечего предъявить кроме досужих предположений мстительного азиатского ума, я сообщу главное, от чего господин сыщик моментально встрепенется.

«Мсье Гош, — скажу я с вежливой улыбкой, — я не обладаю вашим блестящим умом и не пытаюсь вмешиваться в ход расследования (где уж мне, невежде?), но считаю своим долгом обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Вы сами говорите, что убийца с улицы Гренель находится среди нас. Мсье Фандорин изложил убедительную версию того, как были умерщвлены слуги лорда Литтлби. Прививка от холеры — это превосходная уловка. Значит, убийца умеет обходиться со шприцем. А что если в особняк на рю де Гренель пришел не мужчина-врач, а женщина, медицинская сестра? Она ведь вызвала бы еще меньше опасений, чем мужчина, не правда ли? Вы со мной согласны? Тогда советую вам как-нибудь ненароком взглянуть на руки мадам Клебер, когда она сидит, задумчиво подперев свою змеиную головку, и широкий рукав сползает до самого локтя. На внутреннем сгибе вы увидите едва заметные точечки, как увидел их я. Это следы уколов, господин комиссар. Спро-

сите доктора Труффо, делает ли он мадам Клебер какие-нибудь инъекции, и почтенный медик ответит вам то же, что он сказал сегодня мне: нет, не делает, ибо вообще является принципиальным противником внутривенного введения лекарств. А дальше сложите два и два, о мудрый Гош-сэнсэй, и вам будет над чем поломать свою седую голову». Вот как я скажу комиссару, и он возьмет мадам Клебер в оборот.

Европейский рыцарь решил бы, что я поступаю гнусно, и в этом проявилась бы его ограниченность. Именно поэтому рыцарей в Европе больше нет, а самураи живы. Пусть государь император уравнял сословия и запретил нам носить на поясе два меча, но это означает не отмену самурайского звания, а, наоборот, возведение в самурайское сословие всей японской нации, чтобы мы не чванились друг перед другом своей родословной. Мы все заодно, а против нас — остальной мир. О, благородный европейский рыцарь (наверняка существовавший только в романах)! Воюя с мужчинами, применяй мужское оружие, а воюя с женщинами — женское. Вот самурайский кодекс чести, и в нем нет ничего гнусного, потому что женщины умеют воевать не хуже мужчин. Что противоречит чести мужчины-самурая, так это

применять против женщин мужское оружие, а против мужчин — женское. До этого я не опустился бы никогда.

Я еще колеблюсь, стоит ли предпринимать задуманный маневр, но состояние духа не в пример лучше вчерашнего. Настолько, что без труда сложилось недурное хайку:

Искрой ледяной
Вспыхнула луна
На стальном клинке

Клариса Стамп

Кларисса со скучающим видом обернулась — не смотрит ли кто, и лишь после этого осторожно выглянула из-за угла рубки.

Японец сидел на юте один, сложив ноги калачиком. Голова запрокинута вверх, меж полузакрытых век жутковато проглядывают белки глаз, лицо отрешенное, не по-человечески бесстрастное.

Бр-р-р! Кларисса передернулась. Ну и экземпляр этот мистер Аоно. Здесь, на шлюпочной палубе, расположенной на один ярус выше палубы первого класса, гуляющих не было, лишь стайка девочек прыгала через скакалку, да прятались в тени белоснежного катера две разморенные жарой бонны. Кто кроме детей и полоумного азиата может находиться на таком солнцепеке? Выше ботдека только ходовая рубка, капитанский мостик и, конечно, трубы, мачты, паруса. Белые полотнища раздувались под напором попутного ветра, и «Левиафан», попыхивая дымом, несся прямо к серебристо-ртутной полоске горизонта, а вокруг посверкивала бликами и отливала бутылочным стеклом чуть смятая скатерть Ин-

дийского океана. Отсюда, сверху, было видно, что Земля, действительно, круглая: кайма горизонта была явно ниже «Левиафана», и корабль катился к ней, как под горку.

Но Кларисса обливалась потом вовсе не из любви к морским пейзажам. Хотелось посмотреть, чем это занимается мистер Аоно наверху? Куда с таким завидным постоянством удаляется он после завтрака?

И правильно сделала, что поинтересовалась. Вот он, подлинный лик улыбчивого азиата. Человек с таким застывшим, безжалостным лицом способен на что угодно. Все-таки представители желтой расы не такие, как мы, — и дело вовсе не в разрезе глаз. Внешне очень похожи на людей, но они совсем другой породы. Ведь волки тоже похожи на собак, но естество у них иное. Конечно, у желтокожих есть своя нравственная основа, но она до такой степени чужда христианству, что нормальному человеку постичь ее невозможно. Лучше бы уж они не носили европейского платья и не умели обращаться со столовыми приборами — это создает опасную иллюзию цивилизованности, а на самом деле под прилизанным черным пробором и гладким желтым лбом творится такое, что нам и вообразить трудно.

Японец чуть заметно шевельнулся, захлопал глазами, и Кларисса поспешно спряталась. Разумеется, она ведет себя, как последняя дура, но нужно же что-то делать! Этот кошмар не может продолжаться вечно. Комиссара надо подтолкнуть в правильном направлении, иначе неизвестно, чем все это может закончиться. Несмотря на жару, она зябко повела плечами.

В облике и поведении мистера Аоно была явная тайна. Как и в преступлении на улице Гренель. Даже странно, как это Гош до сих пор не понял, что по всем признакам главным подозреваемым должен быть японец.

Какой он офицер, какой выпускник Сен-Сира, если не разбирается в лошадях? Как-то раз Кларисса, исключительно из человеколюбия, решила привлечь молчаливого азиата к общему разговору и завела беседу на тему, которая должна быть интересна военному человеку — о выездке, о скачках, о достоинствах и недостатках нор-фолкской рысистой. Хорош офицер! На невинный вопрос «Случалось ли вам участвовать в стипл-чейзе?» ответил, что офицерам императорской армии строго-настрого запрещено заниматься политикой. Он попросту не знал, что такое стипл-чейз! Конечно, неизвестно, какие в

Японии офицеры — может быть, они на бамбуковых палках верхом скачут, но чтоб подобное невежество проявил выпускник Сен-Сира? Это совершенно исключено.

Вот на что надо бы навести Гоша. Или подождать, не удастся ли выяснить еще что-нибудь подозрительное?

А чем плох вчерашний случай? Кларисса прогуливалась по коридору мимо каюты мистера Аоно, привлеченная весьма странными звуками. Изнутри доносился сухой треск, словно кто-то с редкостной методичностью крушил мебель. Набравшись смелости, Кларисса постучала.

Дверь распахнулась рывком. В проеме возник японец — совсем голый, в одной набедренной повязке! Смуглое тело блестит от пота, глаза налиты кровью.

Увидев Клариссу, свистяще процедил:

— Тикусе!

Заранее заготовленный вопрос («Нет ли у вас, мсье Аоно, с собой этих чудесных японских гравюр, о которых я столько слышала?») вылетел из головы, и Кларисса обмерла. Сейчас как затащит в каюту, как набросится! А потом порежет на куски и выбросит в море. Очень даже просто. И не будет больше мисс Клариссы Стамп, благовоспитанной

английской леди, не слишком счастливой, но еще так многого ожидавшей от жизни.

Кларисса пролепетала, что ошиблась дверью. Аоно молча смотрел на нее, тяжело дыша. От него пахло кислым.

Пожалуй, поговорить с комиссаром все-таки стоит.

Перед файф-о-клоком она подкараулила сыщика возле дверей «Виндзора» и стала делиться с ним своими соображениями, но мужлан слушал как-то странно — кидал на Клариссу насмешливые, колючие взгляды, словно выслушивал признание в чем-то неблаговидном.

Один раз пробормотал в усы:

— Эк вас всех разобрало-то нашептывать друг на друга. А дослушав, спросил ни к селу ни к городу:

— Папенька с маменькой здравствовать изволят?

— Чьи, господина Аоно? — изумилась Кларисса.

— Нет, мадемуазель, ваши.

— Я с детства сирота, — ответила она, глядя на полицейского с испугом. Господи, это не корабль, а какой-то плавучий бедлам.

— Что и требовалось установить, — удовле-

творенно кивнул Гош и, замурлыкав какую-то неизвестную Клариссе песенку, вошел в салон первым, что было уже откровенным хамством.

Осадок от разговора остался нехороший. Все-таки французы при всей их хваленой галантности не джентльмены. Конечно, они могут напустить туману, вскружить голову, устроить какую-нибудь эффектную выходку, прислать в гостиничный номер сто красных роз (здесь Кларисса болезненно поморщилась), но верить им нельзя. Английский джентльмен, может быть, и пресноват, зато знает, что такое долг и порядочность. А француз вотрется в доверие и непременно предаст.

Впрочем, к комиссару Гошу эти обобщения прямого касательства не имели. К тому же за обедом его диковинное поведение объяснилось, причем весьма тревожным образом.

За десертом сыщик, до сей минуты хранивший непривычное, нервировавшее всех молчание, вдруг в упор посмотрел на Клариссу и сказал:

— Вот кстати (и вовсе это было некстати), вы, мадемуазель Стамп, давеча спрашивали про Мари Санфон. Ну, ту дамочку, которую якобы видели с лордом Литтлби незадолго до его смерти.

Кларисса вздрогнула от неожиданности, а

остальные притихли и с любопытством воззрились на комиссара, уже зная особенную интонацию, с которой тот начинал свои неторопливые «историйки».

— Я обещал, что расскажу вам про эту особу попозже. Вот время и настало, — продолжил Гош, по-прежнему глядя только на Клариссу, и взгляд этот нравился ей все меньше и меньше. — Историйка будет длинная, но скучать не придется, поскольку речь пойдет о женщине незаурядной. А куда нам торопиться? Сидим славно, сыры кушаем, оранжад пьем. Впрочем, если у кого дела, идите себе с Богом, папаша Гош не обидится.

Никто не тронулся с места.

— Так рассказать про Мари Санфон? — с фальшивым добродушием спросил комиссар.

— Да-да! Непременно! — зашумели все. Одна только Кларисса молчала, зная, что разговор затеян неспроста и посвящается исключительно ей. Да Гош этого и не скрывал.

Он аппетитно причмокнул и достал трубку, не спрашивая позволения у дам.

— Начну по порядку. Жила-была в бельгийском городе Брюгге маленькая девочка, звали ее Мари. Родители девочки были добропорядочными горожанами, ходили в церковь и души не чаяли

в своей златокудрой малютке. Когда Мари шел шестой год, родился у нее маленький братик, будущий наследник пивоваренного заводика «Санфон и Санфон». Счастливая семья зажила еще счастливее, а потом вдруг произошло несчастье. Младенец, которому едва исполнился месяц, выпал из окна и расшибся насмерть. Взрослых дома не было — только дети и их нянька. Но нянька на полчаса отлучилась на свидание к своему дружку-пожарному, и как раз во время ее недолгого отсутствия в дом ворвался незнакомец в черном плаще и черной шляпе. Маленькая Мари успела спрятаться под кровать, а ее крошку-брата черный человек выхватил из колыбельки и выбросил в окно. Сам же немедленно скрылся.

— Какие ужасы вы рассказываете! — жалобно воскликнула мадам Клебер, хватаясь за живот.

— Это еще цветочки, — махнул трубкой Гош. — Ягодки впереди. О страшном «черном дяде» папе и маме рассказала чудом спасшаяся Мари. В поисках злодея перевернули вверх дном всю округу и сгоряча даже арестовали местного раввина, тем более что бедняга всегда ходил в черном. Но Санфону-старшему не давала покоя одна странная деталь: зачем преступник придвинул к окну табуретку?

— О господи! — ахнула Кларисса, хватаясь за сердце. — Неужели…?

— Вы невероятно проницательны, мадемуазель Стамп, — усмехнулся комиссар. — Да, малютка Мари сама выкинула из окна своего братишку.

— How terrible! — сочла нужным ужаснуться миссис Труффо. — But why?[11]

— Девочке не понравилось, что все носятся с малышом, а про нее совсем забыли. Она думала, что, избавившись от братика, снова станет у мамы и папы самой любимой, — невозмутимо пояснил Гош. — Но это был первый и последний раз, когда Мари Санфон оставила улику и была разоблачена. Милое дитя еще не научилось заметать следы.

— И что же сделали с малолетней преступницей? — спросил лейтенант Ренье, явно потрясенный услышанным. — Ведь не под суд же ее было отдавать?

— Нет, под суд ее не отдали. — Комиссар лукаво улыбнулся Клариссе. — Однако мать, не выдержав удара, помутилась рассудком и была помещена в сумасшедший дом. А мсье Санфон не мог видеть свою дочурку, виновницу обру-

---

[11] Примечания: 11
Какой ужас! Но зачем? *(англ.)*

шившихся на семью несчастий, и отдал ее на воспитание в обитель серых сестер-винсентианок. Там девочка и воспитывалась. Была первой во всем — и в учебе, и в богоугодных делах. А больше всего, говорят, любила читать книжки. Послушнице было семнадцать лет, когда в обители приключился пренеприятный скандал. — Гош заглянул в папку и кивнул. — Вот у меня тут записано. 17 июля 1866 года. У серых сестер гостил сам архиепископ Брюссельский, и надо же было случиться, чтобы у почтенного прелата из спальни исчез древний архиепископский перстень с огромным аметистом, по преданию принадлежавшим самому Людовику Святому. А накануне монсеньер как раз вызвал к себе в покои для беседы двух лучших послушниц, нашу Мари и одну арлезианку. Подозрение, разумеется, пало на девушек. Настоятельница устроила обыск и нашла под матрасом у арлезианки бархатный футляр от перстня. Воровка впала в оцепенение, на вопросы не отвечала и была препровождена в карцер. Когда час спустя прибыла полиция, допросить преступницу не удалось — она удавилась пояском своего облачения.

— Это все подстроила мерзкая Мари Санфон, я догадался! — взорвался Милфорд-Стоукс. —

Скверная история, скверная!

— Этого доподлинно никто не знает, только перстень так и не нашелся, — развел руками комиссар. — А два дня спустя Мари пришла к настоятельнице в слезах, сказала, что на нее все косо смотрят, и попросила отпустить ее из обители. Мать-настоятельница, и сама странным образом охладевшая к своей былой любимице, удерживать ее не стала.

— Надо было ее, голубушку, у ворот обыскать, — с сожалением произнес мистер Труффо. — Глядишь, аметист и отыскался бы где-нибудь под юбчонкой.

Когда он перевел свои слова супруге, та пихнула его острым локтем в бок, видимо, сочтя замечание неприличным.

— То ли не обыскивали, то ли обыскивали, но не нашли — не знаю. А только уехала Мари из обители не куда-нибудь, а в город Антверпен, который, как известно, считается мировой столицей драгоценных камней. Там вчерашняя монашка внезапно разбогатела и с тех пор жила исключительно на широкую ногу. Иногда, бывало, оставалась на бобах, но ненадолго — острый ум, блестящие актерские способности и отсутствие каких бы то ни было моральных устоев (тут

комиссар назидательно повысил голос и даже сделал паузу) помогали ей добывать средства для шикарного существования. Полиция Бельгии, Франции, Англии, Соединенных Штатов, Бразилии, Италии и еще десятка стран многократно задерживала Мари Санфон по подозрению в самых разных преступлениях, но обвинение ей так ни разу и не предъявили: то прицепиться было не к чему, то улик не хватало. Вот, если угодно, я расскажу вам пару эпизодов из ее послужного списка. Вам не скучно, мадемуазель Стамп?

Кларисса не ответила, сочла ниже своего достоинства. Но на душе было тревожно.

— 1870 год, — объявил Гош, снова заглянув в папку. — Маленький, но богатенький городок Феттбург в немецкой Швейцарии. Шоколадная и ветчинная промышленность. На четыре тысячи жителей восемь с половиной тысяч свиней. Край жирных идиотов — пардон, мадам Клебер, я не хотел обидеть вашу родину, — поздновато спохватился полицейский.

— Ничего, — небрежно дернула плечом мадам Клебер. — Я из французской Швейцарии. А в той части, где Феттбург, и вправду, живут одни остолопы. Я, кажется, слышала эту историю, она смешная. Но ничего, рассказывайте.

— Кому, может, и смешная. — Гош укоризненно вздохнул и вдруг подмигнул Клариссе, что уже переходило все пределы. — Однажды честные бюргеры городка пришли в неописуемое волнение. Один крестьянин по фамилии Мебиус, слывший в Феттбурге бездельником и тупицей, похвастался, что накануне продал свою землю, узкую полосу каменистой пустоши, одной важной даме, которая назвалась графиней де Санфон. За 30 акров бесплодной земли, где даже чертополох не рос, дура-графиня отвалила 3000 франков. Но в городском муниципалитете имелись люди поумнее Мебиуса, и им эта история показалась подозрительной. Зачем графине 30 акров камней и песка? Что-то здесь нечисто. На всякий случай отрядили в Цюрих самого шустрого из горожан, и тот выяснил, что графиня де Санфон — особа известная. Живет широко и весело, а что самое интересное — частенько появляется в обществе господина Гольдзильбера, директора Государственной железнодорожной компании. Поговаривали, что у господина директора с графиней интрижка. Тут-то бюргеры и сообразили, что к чему. А надо сказать, что городишко Феттбург давно мечтал обзавестись собственной железнодорожной веткой, чтоб дешевле было шоколад

и окорока вывозить. Пустошь, приобретенная веселой графиней, как раз тянулась от ближайшей железнодорожной станции до леса, где начинались общинные земли. Отцам города все стало ясно: графиня узнала от своего любовника о готовящемся строительстве, купила ключевой участок и собирается здорово нагреть руки. И в бюргерских головах возник ошеломительно дерзкий план. К графине отрядили депутацию, которая стала уговаривать ее сиятельство уступить землю славному городу Феттбургу. Красотка сначала артачилась, утверждала, что ни о какой железнодорожной ветке ведать не ведает, но когда бургомистр тонко намекнул, что дело пахнет сговором ее сиятельства с его превосходительством господином директором, а это дело подсудное, слабая женщина всхлипнула и согласилась. Пустошь разбили на тридцать одноакровых участков и продали горожанам на аукционе. Феттбургцы чуть не передрались между собой, цена за отдельные участки доходила до 15 тысяч. Всего же графине досталось… — Комиссар провел пальцем по строчке. — Без малого 280 тысяч франков.

Мадам Клебер прыснула и показала Гошу жестом: молчу-молчу, продолжайте.

— Шли недели, месяцы, а строительство все не начиналось. Горожане послали запрос в правительство — им ответили, что в ближайшие пятнадцать лет вести к Феттбургу ветку не планируется… Они в полицию: так, мол, и так, грабеж среди бела дня. Полиция выслушала пострадавших сочувственно, но помочь ничем не смогла: ведь госпожа Санфон сама говорила, что о железной дороге ничего не знает, и продавать землю не хотела. Оформлено все по закону, не подкопаешься. Ну, а то, что она назвалась графиней, это, конечно, некрасиво, но, увы, уголовно ненаказуемо.

— Ловко! — засмеялся Ренье. — Действительно, не подкопаешься.

— Это еще что. — Комиссар листал бумажки дальше. — Есть история и вовсе фантастическая. Место действия — американский Дикий Запад, год 1873-ий. В Калифорнию, на золотые прииски, приехала всемирно известная некромантка и Великая Драконесса Мальтийской Ложи мисс Клеопатра Франкенштейн, по паспорту же Мэри Сэнфон. Она объявила старателям, что в эти дикие места ее привел голос Заратустры, повелевшего своей верной служительнице поставить в городке Голден-Наггет великий эксперимент. Именно

на этой широте и долготе энергия космоса сконцентрирована таким уникальным образом, что в звездную ночь, при помощи некоторых каббалистических формул возможно воскресить того, кто уже пересек Великую Черту между Царством Живых и Царством Мертвых. И сделает Клеопатра это чудо нынче же ночью, в присутствии публики и совершенно бесплатно, потому что она не какая-нибудь циркачка, а медиум Высших Сфер. И что вы думаете? — Гош подержал эффектную паузу — на глазах у пятисот бородатых зрителей Драконесса поколдовала над курганом Красного Койота, легендарного индейского вождя, умершего сто лет назад, и вдруг земля зашевелилась, можно сказать, разверзлась, и из-под кочки вылез индейский воин в перьях, с томагавком, с раскрашенной физиономией. Зрители задрожали, а Клеопатра, вся во власти мистического транса, возопила: «Я чувствую в себе силу Космоса! Где тут у вас городское кладбище? Сейчас я оживлю всех, кто там лежит!».

Тут в статье написано, — пояснил полицейский, — что кладбище Голден-Наггета было весьма обширным, потому что на приисках каждый день кого-нибудь непременно отправляли на тот свет. Могил, кажется, было даже больше,

чем живых обитателей городка. Когда старатели представили, что начнется, если все забияки, пьяницы и висельники вдруг полезут из могил, среди зрителей началась паника. Положение спас мировой судья. Он вышел вперед и очень вежливо спросил у Драконессы, не согласится ли она прекратить сей великий эксперимент, если жители городка преподнесут ей полную сумку золотого песка в качестве скромного пожертвования на нужды оккультной науки.

— Ну и как, согласилась? — расхохотался лейтенант.

— Да. За две сумки.

— А что индейский вождь? — спросил Фандорин, улыбаясь. Славная у него улыбка, только уж больно мальчишеская, подумала Кларисса. Нет, дорогая мисс, выкиньте из головы. Как говорят в Суффолке, хорош пирожок, да не про твой роток.

— Индейского вождя Клеопатра Франкенштейн забрала с собой, — с серьезным видом ответил Гош. — Для научных исследований. Говорят, его потом прирезали по пьянке в денверском борделе.

— Д-действительно интересная особа эта Мари Санфон, — задумчиво произнес Фандорин. — Расскажите-ка про нее еще. От всех этих ловких

мошенничеств до хладнокровного массового убийства изрядная д-дистанция.

— Oh, please, it's more then enough, — запротестовала миссис Труффо и обратилась к мужу. — My darling, it must beawfully tiresome for you to translate all this nonsense.[12]

— А вас, мадам, никто на заставляет тут сидеть, — обиделся комиссар на «нонсенс».

Миссис Труффо возмущенно похлопала глазами, однако уйти и не подумала.

— Мсье казак прав, — признал Гош. — Подыщука я примерчик позлее.

Мадам Клебер прыснула, взглянув на Фандорина, да и Кларисса при всей своей нервозности не могла сдержать улыбки — до того мало был похож дипломат на дикого сына степей.

— А вот про негритенка послушайте. Тут и летальный исход присутствует. Дело недавнее, позапрошлого года. — Сыщик проглядел несколько скрепленных вместе листков, видимо, освежая историю в памяти. Ухмыльнулся. — В некотором роде шедевр. В моей папочке много чего есть, дамы и господа. — Он любовно похлопал короткопалой плебейской лапой по черному

---

[12] Примечания: 12

Прошу вас, этого более чем достаточно. Милый, тебе, наверное, ужасно скучно переводить все эти глупости. *(англ.)*

коленкору. — Папаша Гош собирался в дорогу сновательно, ни одной бумажечки, которая могла бы пригодиться, не забыл. Конфуз, о котором я вам сейчас поведаю, до газет не дошел, у меня тут полицейская сводка. Значит, так. В одном немецком княжестве, (в каком именно, не скажу, потому что материя деликатная) ждали прибавления в августейшем семействе. Роды были трудными. Принимал их лейб-медик, почтенный доктор Фогель. Наконец спальня огласилась писком. Когда великая герцогиня, от страданий на несколько минут лишившаяся чувств, открыла глаза и слабым голосом попросила: «Ах, герр профессор, покажите мне моего малютку», доктор Фогель с крайне смущенным видом подал ее высочеству очаровательного крикуна светло-кофейного цвета. Великая герцогиня снова лишилась чувств, а доктор выглянул за дверь и опасливо поманил пальцем великого герцога, что было вопиющим нарушением придворного этикета.

Видно было, что комиссару доставляет особое удовольствие рассказывать эту историю чопорным виндзорцам. Вряд ли в полицейской сводке содержались такие подробности — Гош явно фантазировал. Он подсюсюкивал, говоря за герцогиню, а слова нарочно подбирал возвышенные

— видно, так ему казалось смешнее. Кларисса аристократкой себя не считала, но все-таки морщилась, почитая за дурной тон глумление над высочайшими особами. Насупил брови и сэр Реджинальд, баронет и отпрыск древнего рода. Но комиссару такая реакция, кажется, только прибавляла вдохновения.

— Его высочество на лейб-медика не обиделся, потому что момент был волнующий, и, обуреваемый отцовскими и супружескими чувствами, бросился в спальню… Последовавшую за этим сцену вы можете вообразить себе сами: и по-солдатски ругающегося венценосца, и великую герцогиню, то рыдающую, то оправдывающуюся, то лишающуюся чувств, и орущего во всю глотку негритенка, и замершего в благоговейном ужасе лейб-медика. В конце концов его высочество взял себя в руки и решил следствие в отношении ее высочества отложить на потом. Пока же требовалось замести следы. Но как? Потихоньку спустить младенца в уборную? — Гош шутовски приложил ладонь к губам. — Прошу прощения, сударыни, сорвалось. Избавиться от младенца было нельзя — его рождения ждало все княжество. Да и грех как-никак. Советников собирать — не дай бог проболтаются. Что делать? И тут доктор Фогель,

почтительнейше откашлявшись, предлагает спасение. Говорит, что у него есть одна знакомая, фрейлейн фон Санфон, которая способна творить чудеса и может не то что новорожденного белого младенца, но даже и птицу феникс с неба достать. Держать язык за зубами фрейлейн умеет, денег за свою услугу, будучи девицей благородной, конечно, не возьмет, но очень любит старинные драгоценности… В общем, через пару часов в атласной колыбельке уже покоился славный малыш, белее молочного поросенка и даже с белобрысыми волосенками, а бедного негритенка вынесли из дворца в неизвестном направлении. Впрочем, ее высочеству сказали, что невинное дитя будет увезено в южные широты и передано там на воспитание хорошим людям. Итак, все устроилось наилучшим образом. Благодарный герцог передал доктору для фрейлейн фон Санфон чудесную алмазную табакерку с вензелем, а также благодарственную записку и устное пожелание раз и навсегда покинуть пределы княжества. Что деликатная девица немедленно и исполнила. — Гош, не сдержавшись, фыркнул. — Наутро, после скандала, длившегося всю ночь, великий герцог наконец решил рассмотреть получше своего наследника. Брезгливо вынул

паренька из колыбельки, повертел и так и сяк — и вдруг увидел на розовой, пардон, заднице родимое пятно в виде сердечка. Точно такое же имелось на филейных частях у его высочества, а также у покойного фатера его высочества, у гроссфатера и так далее до седьмого колена. В полном недоумении герцог послал за лейб-медиком, однако выяснилось, что доктор Фогель накануне ночью отбыл в неизвестном направлении, оставив жену и восьмерых детей. — Гош зашелся хриплым смехом, закашлялся, замахал руками. Кто-то неуверенно прыснул, мадам Клебер целомудренно прикрыла губы ладошкой.

— Наскоро организованное расследование установило, что лейб-медик в последнее время вел себя странно и якобы даже появлялся в игорных домах соседнего Бадена, причем в обществе некоей веселой молодой особы, по описанию очень похожей на фрейлейн фон Санфон. — Сыщик посерьезнел. — Доктора обнаружили два дня спустя в страсбургской гостинице. Мертвым. Принял смертельную дозу лауданума, оставил записку: «Во всем виноват я один». Явное самоубийство. Кто истинный виновник, было ясно, но поди докажи. Что до табакерки — высочайший подарок, и записочка имеется. А судебный процесс

обошелся бы их высочествам себе дороже. Конечно, самое загадочное — как удалось подменить новорожденого принца на негритенка и откуда в краю голубоглазых блондинчиков вообще взялся шоколадный младенец. Правда, по некоторым сведениям, незадолго до описанной истории у Мари Санфон состояла на службе горничная-сенегалка…

— Скажите, к-комиссар, — сказал Фандорин, когда стих хохот (смеялись четверо: лейтенант Ренье, доктор Труффо, профессор Свитчайлд и мадам Клебер). — А что, Мари Санфон так хороша собой? Способна вскружить голову любому мужчине?

— Да ничего особенного в ней нет. Всюду написано, что внешности она самой заурядной, особые приметы отсутствуют. — Гош нагло окинул Клариссу цепким взглядом. — Цвет волос, манеру поведения, акцент, стиль одежды меняет с легкостью. Но, видно, есть в этой женщине что-то особенное. Я по роду службы всякого навидался. Самые что ни на есть роковые разбивательницы сердец редко бывают красавицами. На фотографии увидишь — взгляд не задержится, а встретишь — так искорками по коже и защекочет. Мужчина ведь не на прямой нос и длинные

ресницы клюет, он особый запах чует.

— Фи, комиссар, — одернула пошляка Кларисса. — Вы в обществе дам.

— Я в обществе подозреваемых, — очень спокойно парировал Гош. — И вы — одна из них. Почем я знаю, нет ли здесь, за столом, мадемуазель Санфон?

Он так и впился глазами в Кларисино лицо. Это все больше и больше напоминало дурной сон. Стало тяжело дышать.

— Если я п-правильно сосчитал, этой особе сейчас должно быть 29 лет?

Спокойный, даже вяловатый голос Фандорина помог Клариссе взять себя в руки. Она встрепенулась и — не до женского тщеславия — воскликнула:

— Нечего на меня так смотреть, господин сыщик! Вы мне делаете явно незаслуженный комплимент. Я старше вашей авантюристки… почти на десять лет! Да и остальные дамы вряд ли подходят на роль мадемуазель Санфон. Госпожа Клебер слишком молода, а госпожа Труффо, как вам известно, не говорит по-французски!

— Для такой ловкачки, как Мари Санфон, скинуть-накинуть десяток лет — сущий пустяк, — медленно ответил Гош, все так же пристально

глядя на Клариссу. — Особенно если куш так велик, а провал пахнет гильотиной. Так вы и вправду не бывали в Париже, мадемуазель Стамп? Где-нибудь в районе рю де Гренель?

Кларисса смертельно побледнела.

— Ну, тут уже вынужден вмешаться я как представитель пароходства «Джаспер-Арто партнершип», — раздраженно прервал полицейского Ренье. — Дамы и господа, заверяю вас, что на наш рейс проходимцам с международной репутацией доступ был закрыт. Компания гарантирует, что на «Левиафане» нет ни шулеров, ни кокоток, ни тем более известных полиции авантюристок. Сами понимаете — первое плавание, особая ответственность. Скандалы нам ни к чему. Мы с капитаном Клиффом лично проверяли и перепроверяли списки пассажиров, в случае необходимости наводили справки. В том числе и у французской полиции, господин комиссар. И я, и капитан готовы поручиться за каждого из присутствующих. Мы не мешаем вам, мсье Гош, выполнять ваш профессиональный долг, однако вы попусту тратите время. И деньги французских налогоплательщиков.

— Ну-ну, — проворчал Гош; — Поживем — увидим.

После чего миссис Труффо, ко всеобщему облегчению, завела разговор о погоде.

Реджинальд Милфорд-Стоукс

10 апреля 1878 г.
22 часа 31 минута
В Аравийском море
17°06 28' сев. ш. 59°48 14' вост. д.

Моя дорогая и горячо любимая Эмили!

Этот адский ковчег находится во власти сил Зла. Я ощущаю это всей своей измученной душой. Хотя неизвестно, может ли быть душа у такого преступника, как я. Написал и задумался. Я помню, что совершил преступление, страшное преступление, которому нет и не может быть прощения, но, странное дело, совершенно запамятовал, в чем оно, собственно, состоит. И очень не хочется вспоминать.

Ночью, во сне, я помню его очень хорошо — иначе чем объяснить то ужасное состояние, в котором я просыпаюсь каждое утро? Скорей бы уж кончилась наша разлука. У меня такое чувство, что еще немного, и я сойду с ума. Вот было бы некстати.

Дни тянутся мучительно медленно. Я сижу в каюте, смотрю на минутную стрелку хронометра. Она не двигается. На палубе за окном

кто-то сказал: «Сегодня десятое апреля», а я не мог взять в толк, что за апрель такой и почему непременно десятое. Отпираю сундучок и вижу, что вчерашнее мое письмо Вам датировано 9 апреля, а позавчерашнее 8-м. Значит, все правильно. Апрель. Десятое.

Вот уже несколько дней я не спускаю глаз с профессора Свитчайлда (если он действительно профессор). Этот человек у нас в «Виндзоре» очень популярен. Он завзятый краснобай и кичится своими познаниями в истории и востоковедении. Что ни день — новые сказки о сокровищах, одна неправдоподобней другой. А у самого неприятные поросячьи глазки. Бегающие. И по временам в них сверкают безумные искорки. Слышали бы Вы, каким сладострастным голосом этот человек рассказывает о драгоценных камнях. Он определенно помешан на всех этих бриллиантах и изумрудах.

Сегодня во время завтрака доктор Труффо вдруг встал, громко хлопнул в ладоши и торжественным голосом объявил, что у миссис Труффо нынче день рождения. Все заахали, заохали, принялись поздравлять именинницу, а доктор публично вручил своей незавидной супруге подарок — на редкость безвкусные топазовые серьги.

Какая вульгарность — устраивать спектакль из вручения подарка собственной жене! Однако миссис Труффо, кажется, так не считала. Она необычайно оживилась и выглядела совершенно счастливой, а ее постная физиономия приобрела цвет протертой моркови. Лейтенант сказал: «О, мадам, если б мы знали заранее об этом радостном событии, то непременно приготовили бы вам какой-нибудь сюрприз. Вините свою скромность». Безмозглая именинница зарделась еще пуще и робко пролепетала: «Вы и правда хотели бы сделать мне приятное?» Ответом ей было общее лениво-добродушное мычание. «Тогда, — говорит она, — давайте сыграем в мою любимую игру лото. У нас в семье по воскресеньям и в церковные праздники обязательно доставали карточки и мешок с фишками. О, это так увлекательно! Господа, вы доставите мне огромное удовольствие!» Я впервые слышал, чтобы миссис Труффо разразилась столь пространной речью. В первый миг мне показалось, что она над нами издевается — но нет, докторша говорила вполне серьезно. Деваться нам было некуда. Улизнул только Ренье, которому якобы пора было заступать на вахту. Невежа комиссар тоже предпринял попытку сослаться на какие-то неотложные дела, но все

взглянули на него с таким осуждением, что он засопел и остался.

Мистер Труффо сходил за принадлежностями для этой идиотской игры, и началось мучение. Все уныло разложили карточки, с тоской поглядывая на освещенную солнцем палубу. Окна салона были нараспашку, по комнате гулял свежий ветерок, а мы сидели и изображали сцену в детской. «Для интереса», как выразилась окрыленная именинница, создали призовой фонд, куда каждый внес по гинее. Все шансы на победу были у самой ведущей, поскольку она единственная зорко следила за тем, какие выходят номера. Комиссар, кажется, тоже непрочь был сорвать банк, но он плохо понимал детские прибаутки, которыми сыпала миссис Труффо — ради нее на сей раз говорили по-английски.

Жалкие топазовые серьги, которым красная цена десять фунтов, побудили Свитчайлда оседлать его любимого конька. «Превосходный подарок, сэр! — обратился он к доктору. Тот засветился от удовольствия, но следующей фразой Свитчайлд все испортил. — Конечно, топазы нынче дешевы, но кто знает, не подскочит ли на них цена лет этак через сто. Драгоценные камни так непредсказуемы! Они истинное чудо природы,

не то что эти скучные металлы, золото и серебро. Металл бездушен и бесформен, его можно переплавить, а каждый камень — неповторимая индивидуальность. Но они даются в руки не всякому. Лишь тому, кто не останавливается ни перед чем и готов идти за их магическим сиянием до самого края земли, а если понадобится, то и далее». Эти высокопарные сентенции сопровождались писком миссис Труффо, выкликавшей номера фишек. Допустим, Свитчайлд говорит: «Я поведаю вам легенду о великом и могучем завоевателе Махмуде Газневи, который был зачарован блеском алмазов и в тисках этих волшебных кристаллов прошел с огнем и мечом пол-Индии». Миссис Труффо: «Одиннадцать, господа. Барабанные палочки!» И так все время.

Впрочем, легенду о Махмуде Газневи я перескажу. Она поможет Вам лучше понять характер рассказчика. Постараюсь передать и своеобразный стиль его речи.

«В лето от рождества Христова (не помню какое), а по мусульманскому летоисчислению (тем более не помню) могучий Газневи узнал, что на полуострове Гуззарат (кажется, так) есть Сумнатское святилище, где хранится огромный идол, которому поклоняются сотни тысяч

людей. Идол оберегает пределы той земли от чужеземных нашествий, и всякий, кто преступает границу Гуззарата с мечом в руке, обречен погибнуть. Принадлежит святилище могущественной браминской общине, самой богатой во всей Индии. И еще владеют сумнатские брамины несметным количеством драгоценнных камней. Бесстрашный полководец не испугался власти идола, собрал свое войско и отправился в поход. Он срубил пятьдесят тысяч голов, разрушил пятьдесят крепостей и ворвался в Сумнатский храм. Воины Махмуда осквернили святилище, перевернули его вверх дном, но не нашли клада. Тогда Газневи сам подошел к идолу и с размаху ударил его по медной башке своей боевой палицей. Брамины пали ниц перед победителем и предложили ему миллион серебряных монет, только бы он не касался их бога. Махмуд засмеялся и ударил еще раз. Идол треснул. Брамины завыли пуще прежнего и предложили грозному царю десять миллионов золотых монет. Но вновь поднялась тяжелая палица, ударила в третий раз, истукан раскололся пополам, и на пол храма сияющим потоком хлынули алмазы и самоцветы, спрятанные внутри. И стоимость этого сокровища не поддавалась исчислению».

Тут мистер Фандорин с несколько смущенным видом объявил, что у него комплект. Все кроме миссис Труффо ужасно обрадовались и хотели разбежаться, но она так упрашивала сыграть еще одну партию, что пришлось остаться. Снова пошло:

«Thirty nine — pig and swine! Twenty seven — I'm in heaven!»[13] *и прочая подобная ерунда.*

Однако теперь слово взял мистер Фандорин и в свойственной ему мягкой, чуть насмешливой манере тоже рассказал сказку, арабскую, которую он вычитал в некоей старой книге. Привожу Вам эту притчу как запомнил.

Однажды три магрибских купца отправились вглубь Большой Пустыни, ибо стало им известно, что далеко-далеко среди песков, куда не забредают караваны, есть Великое Сокровище, равного которому не видывали смертные.

Купцы шли сорок дней, страдая от зноя и усталости, и осталось у них всего по одному верблюду — остальные пали. И вдруг видят впереди большую гору.

Приблизились и не верят своим глазам: вся гора сплошь состоит из серебряных слитков.

---

[13] Примечания: 13
Рифмованные прибаутки при игре в лото. *(англ.)*

Купцы возблагодарили Аллаха, и один из них, набив мешки серебром, двинулся в обратный путь, остальные же сказали: «Мы пойдем дальше». И шли они еще сорок дней, и от солнца лица их стали черными, а глаза красными. И показалась впереди еще одна гора — золотая. Второй купец воскликнул: «Не зря вынесли мы столько страданий! Хвала Всевышнему!» Он набил мешки золотыми слитками и спросил своего товарища: «Что же ты стоишь?» Третий ответил: «Много ли золота увезешь на одном верблюде?» Второй говорит:

«Достаточно, чтобы стать самым богатым человеком в нашем городе». «Мне этого мало, сказал третий. — Я пойду дальше и найду гору из алмазов. А когда вернусь домой, я буду самый богатый человек на всей земле». И пошел он дальше, и путь его продолжался еще сорок дней. Его верблюд лег и больше не встал, но купец не остановился, потому что был упрям и верил в алмазную гору, а всякий знает, что одна пригоршня алмазов дороже, чем гора серебра или холм золота. И увидел третий купец впереди диковинную картину: стоит посреди пустыни, согнувшись в три погибели, человек, держит на плечах алмазный трон, а на троне восседает чудище с черной мордой и горящими глазами. «Как я рад тебе, о

почтенный путешественник! — прохрипел согнутый. — Познакомься, это демон алчности Мардуф, и теперь держать его на плечах будешь ты — пока не придет сменить тебя такой же корыстолюбец, как мы с тобой».

На этом месте рассказ прервался, потому что у мистера Фандорина снова образовался комплект, и второй банк тоже имениннице не достался.

Через пять секунд за столом осталась одна миссис Труффо — всех остальных как ветром сдуло.

Я все думаю про сказку мистера Фандорина. Она не так проста, как кажется.

Свитчайлд и есть третий купец. Когда я дослушал сказку, меня так и осенило! Да-да, он опасный безумец. В его душе бушует неукротимая страсть уж мне ли не знать, что это такое. Недаром я с самого Адена скольжу за ним незримой тенью.

Я уже писал Вам, драгоценная Эмили, что провел время стоянки в порту с большой пользой. Вы, верно, подумали, что я имел в виду приобретение нового навигационного прибора взамен того, что был похищен. Да, у меня теперь другой секстант, и я опять регулярно проверяю курс корабля, но

тут совсем другое. Просто боялся доверить свою тайну бумаге. Не ровен час кто-нибудь прочтет — ведь я со всех сторон окружен врагами. Но ум мой изворотлив, и я придумал славную уловку: с сегодняшнего дня пишу молоком.

Чужой человек посмотрит — вроде бы чистый лист бумаги, ничего интересного, а моя догадливая Эмили нагреет листки на абажуре, строчки-то и проступят!

Каково придумано, а?

Так вот, об Адене. Еще на пароходе, пока нас не пускали на берег, я обратил внимание на то, что Свитчайлд нервничает, и не просто нервничает, а как бы даже приплясывает на месте от волнения. Началось это вскоре после того, как Фандорин заявил, будто украденный платок лорда Литтлби — ключ к мифическим сокровищам Изумрудного Раджи. Профессор ужасно возбудился, бормотал что-то под нос и все повторял: «Ах, скорей бы на берег».

Спрашивается, зачем?

Это я и решил выяснить.

Надвинув на самые глаза черную широкополую шляпу, я двинулся следом за Свитчайлдом. Поначалу все шло просто замечательно — он ни разу не оглянулся, и я беспрепятственно следовал

за ним до самой площади, что расположена за домиком таможни. Но здесь меня ждал неприятный сюрприз:

Свитчайлд кликнул туземного извозчика и укатил в неизвестном направлении.

Коляска ехала довольно медленно, но не мог же я за ней бежать — это было бы мне не к лицу. Конечно, на площади были и другие повозки, я легко мог бы сесть в любую из них, но Вам, Эмили, известно мое непреодолимое отвращение к открытым экипажам. Они — изобретение дьявола. Ездят в них одни безрассудные сорвиголовы. Среди них находятся и такие — я не раз видел это собственными глазами, — кто даже усаживает с собой жен и своих невинных детей. Долго ли до беды? Особенно опасны двуколки, столь популярные у нас в Британии. Кто-то мне рассказывал (сейчас не припомню кто), как один молодой человек, из очень приличной семьи и с положением в обществе, опрометчиво повез кататься в такой вот двуколке свою юную жену, которая к тому же была на восьмом месяце беременности. Разумеется, кончилось плохо: бездельник не справился с лошадьми, они понесли, и коляска перевернулась. Молодому человеку ничего, а у жены начались преждевременные роды. Не удалось спасти ни ее,

ни ребенка. А все от чего? От недомыслия. Шли бы себе пешком. Или, скажем, катались бы на лодке. На худой конец, на поезде можно прокатиться, в отдельном купе. В Венеции вот на гондолах катаются. Мы с Вами там были, помните? Помните, как вода лизала ступеньки гостиницы?

Трудно стало сосредоточиться, все время отвлекаюсь. Итак, Свитчайлд уехал на извозчике, а я остался возле таможни. Думаете, я растерялся?

Ничуть не бывало. Мне сразу пришла в голову одна штука, так что я почти сразу же успокоился. Дожидаясь Свитчайлда, я зашел в лавку для моряков и купил новый секстант, еще лучше прежнего, и отличный мореходный справочник с астрономическими формулами. Теперь я могу расчислять местоположение парохода гораздо быстрее и точнее, так что голыми руками меня не возьмешь.

Ждал шесть часов тридцать восемь минут. Сидел на скамье, смотрел на море. Думал о Вас.

Когда вернулся Свитчайлд, я сделал вид, что дремлю. Он прошмыгнул мимо, уверенный, что я его не видел.

Едва он скрылся за углом таможни, я ринулся к его извозчику. За шесть пенсов этот бенгалец рас-

сказал мне, куда ездил наш дорогой профессор.

Признайте, милая Эмили, что я проявил в этой истории немалую ловкость.

Полученные сведения еще более укрепили меня в первоначальных подозрениях. Свитчайлд приказал везти его из порта прямиком на телеграф.

Пробыл там с полчаса, а потом возвращался к зданию почтамта четыре раза.

Извозчик сказал: «Сагиб сильно-сильно переживай. Бегай взад-вперед. То говори — вези базар, то стек по спина — вези назад, почта давай-давай». В общем, ясно, что Свитчайлд сначала отправил кому-то депешу, а потом с нетерпением ждал ответа. По словам бенгальца, в последний раз он вышел из почтамта «сама не своя, бумажка махай» и велел везти его обратно на корабль. Стало быть, ответ получен.

Не знаю, что там, но совершенно очевидно, что у профессора, или кто он там на самом деле, есть сообщники.

Это было третьего дня. С тех пор Свитчайлда словно подменили. Как я уже писал, он все время говорит только о драгоценных камнях, а иногда вдруг сядет где-нибудь на палубе и все рисует — то на манжете, а то и на носовом платке.

Вечером в гранд-салоне состоялся бал. Я уже

описывал Вам этот величественный зал, словно перенесенный из Версаля или Букингемского дворца. Всюду позолота, стены сплошь в зеркалах, хрустальные электрические люстры мелодично позвякивают в такт легкой качке. Оркестр (кстати говоря, вполне приличный) играл в основном венские вальсы, а я, как Вам известно, нахожу этот танец неприличным, поэтому стоял в углу и поглядывал на Свитчайлда. Тот веселился вовсю, приглашал то одну даму, то другую, скакал козлом, безбожно наступал им на ноги, но ничуть по этому поводу не расстраивался. Я немного отвлекся, вспоминая, как, бывало, танцевали и мы, как грациозно лежала на моем плече Ваша затянутая в белую перчатку рука.

Внезапно я увидел, как Свитчайлд споткнулся, чуть не уронил свою партнершу и, даже не извинившись, быстрым шагом, почти бегом бросился к столам с закусками. Его дама растерянно застыла посреди зала, да и мне столь неукротимый приступ голода показался странным.

Однако Свитчайлд даже не взглянул на блюда с пирожными, сырами и фруктами. Он выхватил из серебряной салфетницы бумажную салфетку и, скрючившись, принялся что-то яростно на ней калякать. Совсем распоясался, не считает

нужным конспирироваться даже среди толпы! Сгорая от любопытства я двинулся небрежной походкой в его сторону. Но Свитчайлд уже распрямился и сложил салфетку вчетверо — видимо, собирался спрятать ее в карман. Увы, я не успел заглянуть ему через плечо. В сердцах я топнул ногой и хотел было повернуть обратно, но увидел, что к столу приближается мистер Фандорин с двумя бокалами шампанского. Один он протянул Свитчайлду, второй оставил себе. Я услышал, как русский сказал: «Ах, милый профессор, все-таки вы ужасно рассеяны! Вы только что сунули в карман грязную салфетку». Свитчайлд смутился, вынул салфетку, скомкал ее и кинул под стол. Я немедленно присоединился к ним и нарочно завел разговор о моде, зная, что индолог вскоре заскучает и уйдет. Так и вышло.

Едва он, извинившись, оставил нас вдвоем, как мистер Фандорин заговорщицким тоном прошептал: «Ну, сэр Реджинальд, кто из нас полезет под стол?» И я понял, что поведение профессора подозрительно не только мне, но и дипломату. Между нами в секунду установилось полное взаимопонимание. «Да, это не вполне удобно», — согласился я. Оглядевшись по сторонам, мистер Фандорин предложил: «Давайте по-честному: один изоб-

ретет приличный предлог, а второй полезет». Я кивнул и задумался, но ничего подходящего в голову не приходило. «Эврика», — шепнул мой сообщник и быстрым, почти незаметным движением расстегнул одну из моих золотых запонок. Она упала на пол, и дипломат носком туфли загнал ее под стол. «Сэр Реджинальд, — произнес он громко, чтобы слышали близстоящие. — По-моему, вы уронили запонку».

Уговор есть уговор. Я опустился на корточки и заглянул под стол.

Салфетка лежала совеем близко, зато проклятая запонка укатилась к самой стене, а стол был довольно широк. Представьте эту картину: Ваш муж лезет на четвереньках под столом, причем повернут к залу не самым импозантным образом. На обратном пути произошел конфуз. Высунувшись из-под стола, я увидел прямо перед собой двух молодых дам, оживленно беседовавших с мистером Фандориным. Увидев мою рыжую голову на уровне своих колен, дамы испуганно вскрикнули, а мой коварный сообщник невозмутимо произнес:

«Позвольте представить вам баронета Милфорд-Стоукса». Дамы холодно взглянули на меня сверху вниз и ни слова не говоря удалились. Я

вскочил, весь кипя яростью, и вскричал: «Сэр, вы нарочно остановили их, чтобы надо мной посмеяться!» Фандорин с невинным видом ответил: «Я и в самом деле остановил их намеренно, но вовсе не для того, чтобы над вами посмеяться, сэр. Просто мне пришло в голову, что своими широкими юбками они заслонят от зала ваш рискованный рейд. Однако где же ваш трофей?» Я развернул салфетку трясущимися от нетерпения руками, и мы увидели нечто странное. Воспроизвожу по памяти…

Что за геометрические фигуры? Что означает зигзаг? В каком смысле «palace»[14]*? И почему три восклицательных знака?*

Я украдкой посмотрел на Фандорина. Он потянул себя двумя пальцами за мочку и пробормотал что-то невнятное. Полагаю, по-русски.

«Что вы об этом думаете?» — спросил я. «Подождем, — с загадочным видом ответил

---

[14] Примечания: 14
Дворец *(англ.)*

дипломат. — Он близок к цели».

Кто близок? Свитчайлд? К какой цели? И хорошо ли, что он к ней близок?

Но я не успел задать все эти вопросы, потому что в зале все зашумели, зааплодировали и мсье Дрие, пассажирский помощник капитана, оглушительно крикнул в рупор: «Итак, мсье и медом, гран-при нашей лотереи достается каюте номер восемнадцать!». До сей минуты я был так увлечен манипуляциями с загадочной салфеткой, что совсем не обращал внимания на происходящее в салоне. А там, оказывается, уже перестали танцевать и устроили тираж благотворительной лотереи «Спасем падших женщин» (я писал Вам в письме от 3 апреля об этой дурацкой затее). Мое отношение к благотворительности и падшим женщинам Вам хорошо известно, так что от комментариев воздержусь.

Торжественное объявление подействовало на моего собеседника странным образом — он страдальчески поморщился и вжал голову в плечи. В первый миг я удивился, но потом вспомнил, что мистер Фандорин занимает как раз 18-ю каюту. Представьте себе, счастливый жребий выпал ему!

«Это становится невыносимым, — пробор-

мотал избранник фортуны, заикаясь сильнее обычного. — Я, пожалуй, пойду прогуляюсь», — и попятился было к дверям, но миссис Клебер звонко крикнула: «Это мсье Фандорин из нашего салона! Вон он, господа! В белом смокинге, с красной гвоздикой! Мсье Фандорин, куда же вы? Вы выиграли гран-при!» Все обернулись к дипломату и захлопали пуще прежнего, а четверо стюардов уже вносили в зал главный приз: редкостной уродливости напольные часы, изображающие Биг-Бен. Это было поистине устрашающее сооружение из резного дуба, высотой в полтора человеческих роста и весом никак не меньше четырех стоунов. Мне показалось, что в глазах мистера Фандорина мелькнуло нечто, похожее на ужас. Не могу его за это осуждать.

Дальнейший разговор стал невозможен, и я вернулся к себе, чтобы написать это письмо.

Я чувствую, что назревают грозные события, петля вокруг меня затягивается. Но не надейтесь, господа гонители, голыми руками меня не возьмешь!

Однако уже поздно, пора идти замерять координаты.

До свидания, милая, нежная, бесконечно обожаемая Эмили,

Горячо любящий Вас
Реджинальд Милфорд-Стоукс

Рената Клебер

Рената подстерегла Барбоса (так она окрестила дедушку Гоша после того, как выяснилось, что он за птица) возле каюты. Судя по мятой физиономии и растрепанным сединам комиссар только что восстал ото сна, видно, завалился в кровать сразу после обеда и продрых до вечера.

Ловко ухватив сыщика за рукав. Рената приподнялась на цыпочки и выпалила:

— А что я вам сейчас расскажу!

Барбос испытующе взглянул на нее, скрестил на груди руки и нехорошим голосом сказал:

— С большим интересом послушаю. Давно собираюсь с вами потолковать, мадам.

От такого тона Рената несколько насторожилась, но решила — ерунда, просто у Барбоса несварение желудка или, может, видел во сне дохлую крысу.

— Я за вас сделала всю работу, — похвасталась Рената и оглянулась по сторонам — не подслушивает ли кто. — Пойдемте-ка к вам в каюту, там нам никто не помешает.

Обиталище Барбоса содержалась в идеальном порядке: посреди стола красовалась знакомая

черная папка, рядом ровная стопка бумаги и аккуратно очиненные карандаши. Рената с любопытством повертела головой туда-сюда, заметила и щетку для обуви с банкой ваксы, и сохнущие на бечевке воротнички. Скуповат усач, сам и штиблеты чистит, и постирывает — это чтобы прислуге чаевых не платить.

— Ну, выкладывайте, что там у вас, — раздраженно буркнул Барбос, недовольный Ренатиной любознательностью.

— Я знаю, кто преступник, — гордо сообщила она. Это известие не произвело на сыщика ожидаемого эффекта. Он вздохнул и спросил:

— Кто же?

— Вы что, слепой? Это ж видно невооруженным взглядом! — Рената всплеснула руками и уселась в кресло. — Все газеты писали, что убийство совершил псих. Ни один нормальный человек учудить такого не мог, правильно? А теперь прикиньте, кто у нас сидит за столом. Конечно, букетик подобрался — бутон к бутону, сплошь одни зануды и уроды, но псих только один.

— На баронета намекаете? — спросил Барбос.

— Сообразили наконец, — жалостливо покачала головой Рената. — Ведь это яснее ясного. Вы хоть видели, какими глазами он на меня смотрит?

Это же зверь, монстр! Я боюсь одна по коридорам ходить. Вчера встретила его на лестнице, а вокруг ни души. Так внутри все и екнуло! — Она схватилась рукой за живот. — Я за ним уже давно наблюдаю. По ночам у него в окне свет горит, а шторы плотно задернуты. Вчера была ма-аленькая такая щелочка. Я заглянула с палубы — он стоит посреди каюты, руками размахивает, строит жуткие рожи, кому-то пальцем грозит. Кошмар! Потом, ночью уже, разыгралась у меня мигрень, вышла подышать свежим воздухом. Вдруг смотрю — стоит на баке наш псих, голову к небу задрал и смотрит на луну через какую-то железяку. Тут меня и осенило! — Рената подалась вперед и перешла на шепот. — Луна-то полная, круглая. Вот он и ошалел. Он маньяк, у которого в полнолуние кровожадность просыпается. Я читала про таких! Что вы на меня, как на дуру, смотрите? Вы в календарь заглядывали? — Рената с торжествующим видом достала из ридикюля календарик. — Вот, полюбуйтесь, я проверила. 15 марта, когда на улице Гренель убили десять человек, как раз было полнолуние. Видите, написано черным по белому: pleine lune.[15]

---

[15] Примечания: 15
Полнолуние. *(фр.)*

Барбос посмотрел, но довольно лениво.

— Да что вы таращитесь, словно филин! — рассердилась Рената. — Вы хоть понимаете, что сегодня опять полнолуние! Пока будете тут рассиживаться, у него снова ум за разум зайдет, и он еще кого-нибудь укокошит. Я даже знаю кого — меня. Он меня ненавидит, — ее голос истерически дрогнул. — Меня все хотят убить на этом мерзком пароходе! То африканец набросился, то азиат этот пялится и желваками шевелит, а теперь еще сбрендивший баронет!

Барбос смотрел на нее тяжелым, немигающим взглядом, и Рената помахала у него перед носом рукой:

— Ау! Мсье Гош! Вы часом не уснули?

Дед крепко взял ее за запястье, отвел руку и сурово сказал:

— Ну вот что, голуба. Хватит дурака валять. С рыжим баронетом я разберусь, а вы мне лучше про шприц расскажите. Да не крутить, правду говорить! — рявкнул он так, что Рената вжала голову в плечи.

За ужином она сидела, уставившись в тарелку. К сотэ из угрей почти не притронулась — а всегда ела с отменным аппетитом. Глаза были красные, опухшие. Губы время от времени чуть

подрагивали.

Зато Барбос был добродушен и даже благостен. На Ренату поглядывал часто и не без суровости, но взгляд был не враждебный, скорее отеческий. Не так уж грозен комиссар Гош, каким хочет казаться.

— Солидная вещь, — сказал он, с завистью глядя на часы Биг-Бен, стоявшие в углу салона. — Есть же счастливые люди.

Монументальный приз не влез к Фандорину в каюту и временно поселился в «Виндзоре». Дубовая башня оглушительно тикала, позвякивала, похрюкивала и каждый час закатывала такой набат, что с непривычки все хватались за сердце. А за завтраком, когда Биг-Бен с десятиминутным опозданием известил о том, что уже девять, докторша чуть не проглотила чайную ложечку. К тому же в основании башня была явно узковата и при сильной волне начинала угрожающе раскачиваться. Вот и сейчас, когда ветер посвежел и белые занавески на распахнутых окнах капитулянтски затрепыхались под ветром, Биг-Бен расскрипелся не на шутку.

Русский, кажется, принял искреннее восхищение комиссара за иронию и стал оправдываться:

— Я им г-говорил, чтобы часы тоже отдали

падшим женщинам, но господин Дрие был неумолим. Клянусь Христом, Аллахом и Буддой, к-когда прибудем в Калькутту, я забуду это страшилище на пароходе. Никто не посмеет навязать мне этот кошмар!

Он тревожно покосился на лейтенанта Ренье — тот дипломатично промолчал. Тогда в поисках сочувствия дипломат взглянул на Ренату, но она ответила суровым взглядом исподлобья. Во-первых, настроение было скверное, а во-вторых, Фандорин с некоторых пор был у нее не в чести.

Тут была своя история.

Началось с того, что Рената заметила, как квелая миссис Труффо оживает прямо на глазах, если оказывается поблизости от душки дипломата. Да и сам мсье Фандорин, судя по всему, относился к той распространенной породе записных красавцев, кто в каждой дурнушке умеет усмотреть что-нибудь пикантное, ни одной не пренебрегает. К этой разновидности мужчин Рената в принципе относилась с уважением и даже была к ним неравнодушна. Ужасно любопытно было бы узнать, какую изюминку откопал голубоглазый брюнет в унылой докторше. А то, что он испытывает к ней определенный интерес, сомнений не вызывало.

Несколько дней назад Рената стала свидетельницей забавной сценки, разыгранной с участием двух актеров: миссис Труффо (амплуа — женщина-вамп) и мсье Фандорин (амплуа — коварный соблазнитель). Аудитория состояла из одной молодой дамы (на редкость привлекательной, хоть и в интересном положении), притаившейся за высокой спинкой шезлонга и подглядывавшей в ручное зеркальце. Место действия — корма. Время — романтический закат.

Пьеса исполнялась на английском языке.

Докторша подкатывалась к дипломату по всей слоновьей науке британского обольщения (оба действующих лица стояли у перил, вполоборота к уже упомянутому шезлонгу). Начала миссис Труффо, как положено, с погоды:

— Здесь, в южных широтах, солнце светит так ярко! — проблеяла она с пылом.

— О да, — ответил Фандорин. — В России в это время г-года еще не стаял снег, а здесь температура достигает тридцати пяти градусов Цельсия, и это в тени, а на солнцепеке еще жарче.

Теперь, после удачного завершения прелюдии, миссис Козья Морда почувствовала себя вправе перейти к более интимному предмету:

— Просто не знаю, как мне быть! — с прили-

чествующей теме застенчивостью поведала она. — У меня такая белая кожа! Это несносное солнце испортит мой цвет лица, да еще, чего доброго, одарит веснушками.

— Вопрос с веснушками меня т-тоже очень беспокоит, — с глубокой серьезностью ответил русский. — Но я проявил предусмотрительность, захватил с собой лосьон из экстракта турецкой ромашки. Видите — загар ровный, а веснушек совсем нет.

И подставил, змей-искуситель, добропорядочной женщине свое смазливое личико.

Голос миссис Труффо предательски дрогнул:

— Действительно, ни одной веснушки… Только брови и ресницы немножко выгорели. У вас дивный эпителий, мистер Фэндорин, просто дивный!

Сейчас он поцелует, предсказала Рената, видя, что эпителий дипломата отделен от раскрасневшейся физиономии докторши какими-нибудь пятью сантиметрами.

Предсказала — и ошиблась.

Фандорин отодвинулся и сказал:

— Эпителий? — Вы разбираетесь в физиологии?

— Немного, — скромно ответила, миссис Труф-

фо. — Ведь до замужества я имела некоторое отношение к медицине.

— В самом деле? Как интересно! Вы непременно д-должны мне об этом рассказать!

К сожалению, досмотреть спектакль до конца не удалось — к Ренате подсела знакомая дама, и от наблюдения пришлось отказаться.

Однако неуклюжая атака дуры-докторши раззадорила ренатино тщеславие.

Не испробовать ли и ей свои чары на этом аппетитном русском медвежонке?

Разумеется, исключительно out of sporting interest,[16] ну и чтоб не утрачивать навыков, без которых не может обходиться ни одна уважающая себя женщина.

Любовные восторги Ренате были ни к чему. По правде говоря, в нынешнем состоянии мужчины у нее ничего кроме тошноты не вызывали.

Чтобы скоротать время (Рената называла это «чтоб плылось побыстрее»), она разработала простой план. Легкие морские маневры под кодовым названием «Медвежья охота». Впрочем, мужчины больше похожи на семейство псовых. Как известно, существа они примитивные и

---

[16] Примечания: 16
Из спортивного интереса *(англ.)*

подразделяются на три основных типа: шакалы, овчарки и кобели. К каждому типу имеется свой подход.

Шакал питается падалью — то есть предпочитает легкую добычу. Мужчины этого типа клюют на доступность.

Посему при первом же разговоре наедине Рената начала жаловаться Фандорину на мсье Клебера, скучного банкира, который думает только о цифрах, а до молодой жены ему, зануде, и дела нет. Тут и тупица сообразил бы: женщина томится от безделья и тоски. Можно сказать, голый крючок заглатывает, безо всякого червяка.

Не вышло. Пришлось долго отбиваться от дотошных вопросов о банке, в котором служит муж.

Ладно, тогда Рената поставила капкан на овчарку. Эта категория мужчин обожает женщин слабых и беззащитных. Таких мужчин хлебом не корми только дай спасти тебя и защитить. Хороший подвид, очень полезный и удобный в обращении. Здесь главное не переборщить с болезненностью — хворых женщин мужчины боятся.

Пару раз Рената сомлела от жары — грациозно припадая к железному плечу рыцаря и защит-

ника. Разок не сумела открыть дверь в каюте — ключ застрял. Вечером, на балу, попросила Фандорина защитить ее от подвыпившего (и совершенно безобидного) драгунского майора.

Русский плечо подставлял, дверь открывал, драгуну давал должный отпор, но признаков влюбленности, паршивец, никак не проявлял.

Неужто кобель, удивилась Рената. С виду не скажешь.

Этот, третий тип мужчин самый незамысловатый и начисто лишен воображения. Действует на них только нечто грубо-чувственное, вроде ненароком показанной лодыжки. С другой стороны, многие из великих людей и даже культурных светочей относятся именно к этой категории, так что попробовать стоило.

С кобелями совсем элементарно. Рената попросила дипломата зайти к ней ровно в полдень — она покажет ему свои акварели (каковых не существовало в природе). Без одной минуты двенадцать охотница уже стояла перед зеркалом, одетая только в лиф и панталоны.

На стук в дверь крикнула:

— Да входите же скорей, я вас заждалась!

Вошел Фандорин, замер в дверях. Рената, не оборачиваясь, повертела перед ним попкой, по-

авантажнее выставила голую спину. Еще мудрые красавицы восемнадцатого столетия открыли, что на мужчин больше всего действует не вырез до пупа, а открытая сзади шея и обнаженная спина. Очевидно, вид беззащитного позвоночника пробуждает в человеческих самцах хищнический инстинкт.

Кажется, на дипломата подействовало — он стоял, смотрел, не отворачивался. Довольная эффектом, Рената капризно сказала:

— Ну что же вы, Дженни. Подойдите, помогите надеть платье. Ко мне сейчас придет один очень важный гость.

Как поступил бы в такой ситуации нормальный мужчина?

Ну, тот что понаглее, молча подошел бы и поцеловал в нежные завитки на шее.

Мужчина так себе, серединка на половинку, подал бы платье и застенчиво захихикал.

Тут Рената и сочла бы, что охота успешно завершена. Изобразила бы смущение, выставила нахала за дверь и утратила бы к нему всякий интерес.

Однако Фандорин повел себя нестандартно.

— Это не Дженни, — сказал он противно спокойным голосом. — Это я, Эраст Фандорин. Я

п-подожду за дверью, пока вы оденетесь.

В общем, не то представитель какой-то редкой соблазностойкой породы, не то тайный извращенец. Во втором случае англичаночки зря стараются. Хотя характерных примет извращенчества острый глаз Ренаты не обнаруживал. Разве что странное пристрастие уединяться с Барбосом.

Однако глупости все это. Были и более серьезные причины для расстройства.

В тот самый миг, когда Рената, наконец, решилась ковырнуть вилкой подостывшее сотэ, двери с грохотом распахнулись и в столовую ворвался очкастый профессор. Он и всегда-то был не без придури — то пиджак криво застегнут, то шнурки развязаны, — а нынче вообще был похож на пугало:

Бороденка растрепана, галстук съехал на бок, глаза выпучены, из-под полы свисает подтяжка. Видно, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Рената моментально забыла о неприятностях и с любопытством уставилась на ученое чучело.

Свитчайлд по-балетному развел руками и крикнул:

— Эврика, господа! Тайна Изумрудного Раджи разгадана!

— Oh no, простонала миссис Труффо. — Not again![17]

— Да ведь теперь все встает на свои места! — сбивчиво принялся объяснять профессор. — Ведь я же бывал во дворце, как мне только раньше не пришло в голову! Я все думал-думал, ходил вокруг да около — не складывается! Еще в Адене получил телеграмму от своего знакомого из французского министерства внутренних дел — он подтвердил мои предположения, а я все равно не мог взять в толк, при чем тут глаз и, главное, кто бы это мог быть. То есть, в общем, уже понятно кто, но как? Каким образом? И сейчас вдруг осенило! — Он подбежал к окну. Раздуваемая ветром занавеска окутала его белым саваном — профессор нетерпеливо отстранил ее рукой. — Я завязывал галстук, стоя в своей каюте у окна. Смотрю — волны. Гребень за гребнем, до горизонта. И вдруг меня ка-ак стукнет! И все сложилось — и про платок, и про сына! Чисто канцелярская работа. Порыться в списках Эколь Маритим, и отыщется!

— Ничего не понимаю, — проворчал Барбос. — Бред. Маритим какой-то…

— Ой нет, тут что-то очень-очень интересное! —

---

[17] Примечания: 17
О нет! Только не начинайте снова! *(англ.)*

воскликнула Рената. Я обожаю разгадывать тайны. Только, профессор, миленький, так не пойдет. Сядьте за стол, выпейте вина, отдышитесь и расскажите все по порядку спокойно, толково. И главное — с самого начала, а не с конца. Ведь вы такой прекрасный рассказчик. Но сначала пусть кто-нибудь принесет мне шаль, как бы меня не продуло этим сквозняком.

— Давайте я закрою окна с наветренной стороны, и сквозняк сразу прекратится, — предложил Свитчайлд. — Вы правы, мадам, лучше я расскажу все по порядку.

— Нет, закрывать не надо, будет душно. Ну же, господа, — голос Ренаты капризно завибрировал. — Кто принесет из каюты мою шаль? Вот ключ. Мсье баронет!

Рыжий псих, конечно, и с места не тронулся. Зато вскочил Ренье.

— Профессор, умоляю, без меня не начинайте! — попросил он. — Я сейчас вернусь.

— And I'll go get my knitting,[18] — вздохнула докторша.

Она вернулась первой и ловко зашуршала спицами. Мужу махнула рукой:

---

[18] Примечания: 18
А я схожу за моим вязанием. (англ.)

Мол, можно не переводить.

А Свитчайлд готовился к триумфу. Он, кажется, решил воспользоваться советом Ренаты и готовился изложить свои открытия с максимальной эффектностью.

За столом воцарилась полнейшая тишина, все смотрели на оратора, следя за каждым его жестом.

Свитчайлд пригубил красного вина, прошелся по салону взад и вперед.

Потом картинно замер и вполоборота к слушателям начал:

— Я уже рассказывал вам о том незабываемом дне, когда раджа Багдассар пригласил меня в свой брахмапурский дворец. Это было четверть века назад, но я все помню отчетливо, до малейших деталей. Первое, что меня поразило, — вид дворца. Зная, что Багдассар — один из богатейших людей в мире, я ожидал увидеть восточную роскошь и размах. Ничуть не бывало!

Дворцовые постройки были довольно скромны, без каких-либо орнаментальных изысков. И я подумал, что страсть к драгоценным камням, передающаяся в этом роде по наследству, от отца к сыну, вытеснила все иные тщеславные устремления. К чему тратить деньги на

мраморные стены, если можно приобрести еще один сапфир или алмаз? Брахмапурский дворец, приземистый и неказистый, по сути дела, был все тем же глиняным ларцом, внутри которого хранился волшебный сгусток неописуемого сияния. Никакой мрамор и алебастр все равно не могли бы соперничать с ослепительным светом камней. Профессор еще отпил вина, изображая задумчивость.

Появился запыхавшийся Ренье, почтительно накинул Ренате на плечи шаль и остался стоять рядом.

— Какой мрамор и алебастр? — шепотом спросил он.

— Это про брахмапурский дворец, не мешайте слушать, — нетерпеливо дернула подбородком Рената.

— Внутреннее убранство дворца тоже было весьма простым, — продолжал свой рассказ Свитчайлд. — На протяжении веков залы и комнаты неоднократно меняли обличье, и с исторической точки зрения интересным мне показался только верхний ярус дворца, представляющий собой четыре зала, каждый из которых обращен к одной из сторон света. Когда-то залы были открытыми галереями, но в прошлом столетии их застек-

лили. Тогда же стены были украшены весьма любопытными фресками, изображающими горы, что со всех сторон окружают долину. Пейзаж воспроизведен с поразительной реалистичностью — кажется, что горы отражены в зеркале. С философской точки зрения такая зеркальность должна символизировать двоичность всего сущего и…

Где-то совсем близко тревожно зазвенел судовой колокол, донеслись крики, отчаянно завизжала женщина.

— Господи, пожарная тревога! — вскричал лейтенант, бросаясь к двери. — Этого еще не хватало!

Все гурьбой кинулись следом.

— What's happening? — тщетно вопрошала перепуганная миссис Труффо. Are we boarded by pirates?[19]

Рената секунду посидела с разинутым ртом, потом истошно взвизгнула.

Цепко схватила за фалду комиссара и не дала ему выбежать за остальными.

— Мсье Гош, не бросайте меня! — взмолилась она. — Я знаю, что такое пожар на корабле, я

---

[19] Примечания: 19
Что случилось? На нас напали пираты? *(англ.)*

читала! Сейчас все бросятся к шлюпкам, начнут давить друг друга, а я слабая беременная женщина, меня непременно ототрут! Обещайте, что позаботитесь обо мне!

— Какие еще шлюпки? — встревоженно пробурчал дед. — Что за чушь вы несете! Мне говорили, что на «Левиафане» идеальная противопожарная защита, даже свой брандмейстер есть. Да не тряситесь вы, все будет хорошо. — Он попробовал высвободиться, но Рената держала фалду мертвой хваткой. Ее зубы выбивали дробь.

— Пусти-ка меня, девочка, — ласково сказал Барбос. — Я никуда не уйду. Только выгляну в окошко на палубу.

Нет, пальцы Ренаты не разжались.

Однако комиссар оказался прав. Через какие-нибудь две-три минуты в коридоре раздались неторопливые шаги, гул голосов, и один за другим стали возвращаться виндзорцы.

Они еще не отошли от испуга, и оттого много смеялись и говорили громче обычного.

Первыми вошли Кларисса Стамп, чета Труффо и раскрасневшийся Ренье.

— Совершеннейшая ерунда, — объявил лейтенант. — Кто-то бросил незагашенную сигару в урну, а там старая газета. Огонь перекинулся

на портьеру, но матросы были начеку и погасили пламя в одну минуту… Однако я вижу, вы всесторонне приготовились к кораблекрушению, — засмеялся он, повнимательней взглянув на Клариссу.

Та держала в руках портмоне и бутылку с оранжадом.

— Ну, оранжад, чтобы не умереть от жажды среди волн, — догадался Ренье. — А вот портмоне зачем? В шлюпке оно вряд ли бы вам понадобилось.

Рената истерично хихикнула, а мисс Старая Дева смущенно поставила бутылку на стол.

Доктор и докторша тоже были во всеоружии: мистер Труффо успел прихватить саквояж с инструментами, а его супруга прижимала к груди одеяло.

— Здесь Индийский океан, сударыня, вряд ли вы бы замерзли, — с серьезным видом сказал Ренье, но коза непонимающе покачала головой.

Появился японец с трогательным цветастым узелочком в руке.

Интересно, что там у него — дорожный набор для харакири?

Псих вошел взъерошенный, в руке сундучок. В таких обычно хранят письменные принадлеж-

ности.

— Кому же вы собирались писать, мсье Милфорд-Стоукс? А, понимаю! Когда мисс Стамп допила бы оранжад, мы сунули бы в пустую бутылку письмо и отправили его в плавание по волнам, — предположил не в меру (видно, от облегчения) расшутившийся лейтенант.

Теперь все были в сборе кроме профессора и дипломата.

— Мсье Свитчайлд, наверно, упаковывает свои научные труды, а мсье русский ставит самовар, чтоб попить чайку напоследок, — сказала Рената, заразившись веселостью лейтенанта.

Вошел русский, легок на помине. Встал у дверей. Красивое личико мрачнее тучи.

— Что, мсье Фандорин, решили захватить в шлюпку свой приз? — задорно поинтересовалась Рената.

Все так и покатились со смеху, но русский шутки (между прочим, очень остроумной) не оценил.

— Комиссар Гош, — негромко сказал он. — Если вас не затруднит, выйдите, пожалуйста, в коридор. И побыстрее.

Странно, но произнося эти слова, дипломат ни разу не заикнулся.

Может, излечился благодаря нервному потрясению? Такое бывает.

Рената хотела пошутить и по этому поводу, но прикусила язычок пожалуй, это было бы уже чересчур.

— Что за срочность? — недовольно спросил Барбос. — Еще один шептун. После, молодой человек, после. Сначала я хочу дослушать профессора. Где его черти носят?

Русский выжидательно смотрел на комиссара. Поняв, что дед заупрямился и выходить в коридор не намерен, Фандорин пожал плечами и коротко сказал:

— Профессор не придет.

Гош насупился:

— Это еще почему?

— Как не придет? — вскинулась Рената. — Да он остановился на самом интересном месте! Это просто нечестно!

— Мистера Свитчайлда только что убили, — сухо сообщил дипломат.

— Что-что?! — взревел Барбос. — Убили?! Как убили?!

— Полагаю, хирургическим скальпелем, — с удивительным хладнокровием ответил русский. — Горло перерезано исключительно

аккуратно.

Комиссар Гош

— Когда же нас все-таки выпустят на берег? — жалобно спросила мадам Клебер. — Все уже гуляют по Бомбею, а мы сидим, сидим…

Шторы на окнах были задвинуты, так как вскарабкавшееся в самый зенит солнце нагрело палубу и расплавило воздух. Жарко в «Виндзоре», душно, но все терпеливо сидят, ждут развязки.

Гош достал из кармашка часы — наградные, с профилем Наполеона III и туманно ответил:

— Скоро, господа. Скоро я вас выпущу. Но не всех.

Он-то знал, чего ждет: инспектор Джексон и его люди ведут обыск.

Орудие убийства наверняка лежит на дне океана, но могли остаться улики.

Должны были остаться. Конечно, и косвенных вроде бы достаточно, но с прямыми оно всегда солидней. Пора бы уж Джексону появиться…

«Левиафан» приплыл в Бомбей на рассвете. Со вчерашнего вечера все виндзорцы сидели по своим каютам под домашним арестом. По прибытии в порт Гош потолковал с представителями властей, сообщил о своих выводах и попросил

поддержки. Тогда-то и прислали Джексона с нарядом констеблей.

Давай, Джексон, пошевеливайся, мысленно поторопил медлительного инспектора Гош. После бессонной ночи голова была что твой чугунок, да и печень расшалилась. Но настроение у комиссара было неплохое — размоталась ниточка, размоталась, родная, вон уже и кончик видать.

В половине девятого, уладив дела с местной полицией и успев побывать на телеграфе, Гош велел собрать арестантов в «Виндзоре» — так для обыска было сподручней. Даже беременную Ренату не пожалел, хотя во время убийства она была рядом и прирезать профессора никак не могла. Вот уже четвертый час стерег комиссар своих узников. Расположился в стратегическом пункте, оккупировал глубокое кресло напротив клиента, а за дверью, невидимые из салона, еще стояли двое полицейских при оружии.

Разговор в салоне не клеился, узники потели и нервничали. Время от времени заглядывал Ренье, сочувственно кивал Ренате и снова убегал по делам. Дважды наведывался капитан, но ничего не сказал, только обжег комиссара свирепым взглядом. Будто это папаша Гош всю кашу заварил!

Выбитым зубом зиял осиротевший стул про-

фессора Свитчайлда. Сам индолог лежал сейчас на берегу, в мертвенной прохладе бомбейского городского морга. Представив полумрак и глыбы льда, Гош почти позавидовал покойнику. Лежит себе, все тревоги позади, размокший воротничок в шею не врезается…

Комиссар посмотрел на доктора Труффо, которому, кажется, тоже приходилось не сладко: по смуглому лицу врача струйками стекал пот, а в ухо страдальцу, не переставая, шипела что-то его английская фурия.

— Что вы на меня смотрите, мсье! — взорвался Труффо, поймав взгляд полицейского. — Что вы все на меня уставились? Это в конце концов возмутительно! По какому праву? Я пятнадцать лет верой и правдой… — Он чуть не всхлипнул. — Ну и что с того, что скальпелем? Мало ли кто мог это сделать!

— Так в самом деле скальпелем? — боязливо спросила мадемуазель Стамп.

Впервые за все время в салоне заговорили о случившемся.

— Да, разрез такой чистоты дает только очень хороший скальпель, сердито ответил Труффо. — Я осмотрел тело. Очевидно, кто-то обхватил Свитчайлда сзади, ладонью прикрыл рот, а другой

рукой полоснул по горлу. В коридоре стена забрызгана кровью — чуть выше человеческого роста. Это оттого, что ему запрокинули голову…

— Для этого ведь не нужна особенная сила? — спросил русский (тоже криминалист выискался). — Д-достаточно внезапности?

Доктор уныло пожал плечами:

— Не знаю, мсье. Не пробовал.

Ага, вот оно! Дверь приоткрылась, и в проеме появилась костлявая физиономия инспектора. Он поманил Гоша пальцем, но тот уже и сам, кряхтя, выбирался из кресла.

В коридоре комиссара поджидал приятный сюрприз. Ах, как славно все выходило! Обстоятельно, эффектно, красиво. Хоть прямо сейчас в суд присяжных — такие улики никакой адвокат не развалит. Ай да старина Гюстав, любому молодому сто очков вперед даст. Да и Джексон молодчага, постарался.

В салон вернулись вчетвером: капитан, Ренье, Джексон и последним Гош. До того хорошо он себя чувствовал в этот миг, что даже песенку замурлыкал. И печень отпустила.

— Ну вот и все, дамы и господа, — весело объявил Гош и вышел в самый центр салона. Спрятал руки за спину, слегка покачался на каблуках.

Все-таки приятно ощущать себя персоной значительной, до некоторой степени даже вершителем судеб. Путь был долгим и трудным, но он преодолен. Осталось самое приятное.

— Пришлось папаше Гошу поломать седую голову, но, сколько ни запутывай след, старая ищейка лисью нору унюхает. Убийством профессора Свитчайлда преступник себя окончательно выдал, это был шаг отчаяния. Но я думаю, что убийца еще расскажет мне на допросе и про индийский платок, и про многое другое. Кстати уж хочу поблагодарить мсье русского дипломата, который, сам того не ведая, некоторыми своими замечаниями и вопросами помог мне выйти на правильный путь.

В эту минуту торжества Гош мог себе позволить великодушие. Он снисходительно кивнул Фандорину. Тот молча наклонил голову. Все-таки противные они, аристократы, со своими цирлихами-манирлихами — на тонну гонора, а человеческого слова от них не услышишь.

— Дальше я с вами не поплыву. Как говорится, спасибо за компанию, но хорошенького понемножку. Сойдет на берег и убийца, которого я прямо здесь, на пароходе, передам в руки инспектора Джексона.

Сидевшие настороженно посмотрели на тощего мрачного господина, державшего обе руки в карманах.

— Я рад, что этот кошмар позади, — сказал капитан Клифф. — Знаю, вам пришлось вынести немало неприятностей, но теперь все уладилось. Если вам будет угодно, главный стюард перераспределит вас по другим салонам. Надеюсь, дальнейшее плавание на нашем «Левиафане» поможет вам забыть об этой истории.

— Вряд ли, — ответила за всех мадам Клебер. — Нам тут столько крови перепортили! Да не томите вы, мсье комиссар, говорите скорей, кто убийца.

Капитан хотел еще что-то сказать, но Гош предостерегающе поднял руку — его выступление должно быть сольным, он это заслужил.

— Признаюсь, поначалу все вы были у меня на подозрении. Отсев шел долго и мучительно. Теперь я могу сообщить вам главное: возле трупа лорда Литтлби мы нашли золотую эмблему «Левиафана» — вот эту. — Он постучал пальцем по значку на своем лацкане. — Эта маленькая штучка принадлежит убийце. Как вам известно, золотой значок мог быть только у старших офицеров корабля и пассажиров первого класса. Офицеры сразу выпали из круга подозреваемых,

потому что у всех эмблема оказалась на месте и никто не обращался в пароходство с просьбой выдать новую взамен утерянной. Зато из пассажиров четверо оказались безэмблемными: мадемуазель Стамп, мадам Клебер, мсье Милфорд-Стоукс и мсье Аоно. Эта четверка была у меня под особым присмотром. Доктор Труффо попал сюда, потому что он доктор, миссис Труффо — потому что муж и жена одна сатана, а господин русский дипломат из-за снобистского нежелания походить на дворника.

Комиссар закурил трубку, прошелся по салону.

— Каюсь, грешен. В самом начале подозревал господина баронета, но вовремя получил справку о его… обстоятельствах и выбрал другую мишень. Вас, сударыня. — Гош обернулся к мадемуазель Стамп.

— Я заметила, — с достоинством ответила та. — Только никак не могла взять в толк, чем это я так уж подозрительна.

— Ну как же? — удивился Гош. — Во-первых, по всему видно, что разбогатели вы совсем недавно. Это само по себе уже подозрительно. Во-вторых, вы солгали, будто никогда не бывали в Париже. А между тем на веере у вас золотыми буковками написано «Отель „Амбассадор“». Правда, веер вы

с собой носить перестали, но у Гоша глаз острый. Я сразу приметил эту вещицу. В дорогих отелях постояльцам преподносят на память такие вот штучки. «Амбассадор» как раз на улице Гренель и находится, в пяти минутах ходьбы от места преступления. Гостиница шикарная, большая, в ней много кто останавливается, зачем же мадемуазель Стамп скрытничает, спросил я себя. Что-то здесь не так. Еще эта Мари Санфон у меня в башке засела…

Комиссар обезоруживающе улыбнулся Клариссе Стамп. — Что ж, попетлял, походил кругами, но в конце концов вышел на настоящий след, так что не велите казнить, мадемуазель.

В эту секунду Гош увидел, что рыжий баронет сидит белей простыни: челюсть трясется, зеленые глазищи горят, как у василиска.

— Что это еще за… мои «обстоятельства»? — медленно заговорил он, яростно давясь словами. — Вы на что намекаете, господин ищейка?

— Ну-ну, — примирительно поднял руку Гош. — Вы, главное, успокойтесь. Вам волноваться нельзя. Обстоятельства и обстоятельства, кому какое дедо? Я ведь к тому сказал, что вы у меня в фигурантах перестали числиться. Где, кстати, ваша эмблемка-то?

— Я выбросил, — резко ответил баронет, все еще меча глазами молнии. — Она мерзкая! Похожа на золотую пиявку! Да и…

— Да и не пристало баронету Милфорд-Стоуксу носить такую же бляшку, как всякие там нувориши, да? — проницательно заметил комиссар. — Еще один сноб.

Мадемуазель Стамп, кажется, тоже обиделась:

— Комиссар, вы очень красочно описали, чем именно подозрительна моя персона. Благодарю, — язвительно качнула она острым подбородком. — Вы все-таки сменили гнев на милость. Но почему?

— Еще в Адене я послал в префектуру ряд телеграфных запросов. Ответов дождаться не успел, потому что требовалось время навести справки, но в Бомбее меня уже ждали депеши. Одна из них касалась вас, мадемуазель. Теперь я знаю, что с четырнадцати лет, после смерти родителей, вы жили у троюродной тетки в деревне. Она была богата, но скупа, держала вас, свою компаньонку, в черном теле, чуть ли не на хлебе и воде.

Англичанка покраснела и, кажется, уж сама была не рада, что задала свой вопрос. Ничего, голубушка, подумал Гош, сейчас ты у меня еще не так запунцовеешь.

— Пару месяцев назад старушка умерла, и выяснилось, что все свое состояние она завещала вам. Неудивительно, что после стольких лет, проведенных взаперти, вас потянуло посмотреть мир, совершить кругосветное путешествие. Поди, раньше-то ничего кроме книжек не видели?

— А почему она скрывала, что ездила в Париж? — невежливо спросила мадам Клебер. — Из-за того, что ее гостиница была на той же улице, где переубивали кучу народу? Боялась, что на нее падет подозрение, да?

— Нет, — усмехнулся Гош. — Дело не в этом. Внезапно разбогатев, мадемуазель Стамп поступила так же, как любая другая женщина на ее месте — первым делом отправилась посмотреть на Париж, столицу мира. Полюбоваться парижскими красотами, одеться по последней моде, ну и… за романтическими приключениями.

Англичанка нервно стиснула пальцы, взгляд у нее сделался умоляющим, но Гоша уже было не остановить — будет знать, миледи хренова, как задирать нос перед комиссаром парижской полиции.

— И госпожа Стамп сполна хлебнула романтики. В отеле «Амбассадор» она познакомилась с невероятно красивым и обходительным кавале-

ром, который в полицейской картотеке значится под кличкой Вампир. Личность известная, специализируется на немолодых богатых иностранках. Страсть вспыхнула моментально и, как это всегда бывает у Вампира, закончилась без предупреждения. Однажды утром, а если быть точным, 13 марта, вы, мадам, проснулись в одиночестве и не узнали гостиничного номера — он был пуст. Ваш сердечный друг утащил все кроме мебели. Мне прислали список похищенных у вас вещей. — Гош заглянул в папку. — Под номером 38 там значится «золотая брошка в виде кита». Когда я прочитал все это, мне стало понятно, почему госпожа Стамп не любит вспоминать про Париж.

Несчастную дуру было жалко — она закрыла лицо руками. Плечи вздрагивали.

— Мадам Клебер я всерьез не подозревал, — перешел Гош к следующему пункту повестки. — Хотя отсутствие эмблемы она внятно объяснить так и не смогла.

— А посему вы проигнорировари мое сообсение? — вдруг спросил японец. — Я ведь сказар вам несьто осень вазьное.

— Проигнорировал? — Комиссар резко обернулся к говорившему. — Вовсе нет. Я поговорил с госпожой Клебер, и она дала мне исчерпыва-

ющие объяснения. Она так тяжело переносила первую стадию беременности, что врач прописал ей… определенные болеутоляющие средства. Впоследствии болезненные явления миновали, но бедняжка уже пристрастилась к препарату, использовала его и от нервов, и от бессонницы. Доза росла, образовалась пагубная привычка. Я по-отечески поговорил с мадам Клебер, и она при мне выкинула эту гадость в море. — Гош с напускной строгостью взглянул на Ренату, по-детски выпятившую нижнюю губку. — Смотрите, голуба, вы дали папаше Гошу честное слово.

Рената потупила взор и кивнула.

— Ах, какая трогательная деликатность по отношению к мадам Клебер! взорвалась Кларисса. — Что же вы меня-то не пощадили, мсье детектив? Выставили на позор перед всем обществом!

Но не до нее сейчас было Гошу — он все смотрел на японца, и взгляд у комиссара был тяжелый, цепкий. Умница Джексон понял без слов: пора. Его рука вынырнула из кармана, и не пустая — траурным блеском посверкивала вороненая сталь револьвера. Дуло было направлено прямехонько в лоб азиату.

— Вы, японцы, кажется, считаете нас рыжими

обезьянами? — недобро спросил Гош. — Я слыхал, именно так у вас называют европейцев? Мы волосатые варвары, да? А вы хитрые, тонкие, высококультурные, белые люди вам в подметки не годятся! — Комиссар насмешливо надул щеки и пустил в сторону пышный клуб дыма. — Прикончить десяток обезьян — это ж пустяк, за грех у вас не считается.

Аоно весь подобрался, лицо его словно окаменело.

— Вы обвиняете меня в том, сьто я убир рорда Риттрби и его вассаров… то есть сруг? — ровным, неживым голосом спросил азиат. — Посему вы меня обвиняете?

— По всему, дорогуша, по всей криминальной науке, — веско произнес комиссар и отвернулся от японца, потому что речь, которую Гош намеревался произнести, предназначалась не этому желтопузому ублюдку, а Истории. Дайте срок, еще в учебниках по криминологии напечатают.

— Сначала, господа, я изложу косвенные обстоятельства, доказывающие, что этот человек мог совершить преступления, в которых я его обвиняю. (Эх, не здесь бы сейчас выступать, перед десятком слушателей, а во Дворце юстиции, перед полным залом!) А затем я предъявлю вам улики,

со всей неопровержимостью доказывающие, что мсье Аоно нетолько мог, но и действительно совершил убийство одиннадцати человек — десятерых 15 марта на улице Гренель и одного вчера, 14 апреля, на борту парохода «Левиафан».

Тем временем вокруг Аоно образовалось пустое пространство, лишь русский так и остался сидеть рядом с арестованным, да инспектор чуть позади стоял с револьвером наизготовку.

— Надеюсь, ни у кого не вызывает сомнения, что смерть профессора Свитчайлда напрямую связана с преступлением на улице Гренель. Как установило следствие, целью этого злодейского акта было похищение не золотого Шивы, а шелкового платка… — Гош строго насупился: да-да, именно следствие, и нечего кривить рожу, господин дипломат. — …Который дает ключ к спрятанным сокровищам бывшего брахмапурского раджи Багдассара. Нам пока неизвестно, каким образом обвиняемый узнал секрет платка. Все мы знаем, что на Востоке много тайн и пути их нам, европейцам, неведомы. Однако покойный профессор, истинный знаток Востока, сумел докопаться до разгадки. Он уже был готов поделиться с нами своим открытием, и тут началась пожарная тревога. Преступнику,

наверно, показалось, что сама судьба посылает ему такой великолепный случай, чтобы заткнуть Свитчайлду рот. И снова все будет шито-крыто, как на рю де Гренель. Но убийца не учел одного существенного обстоятельства. На сей раз рядом был комиссар Гош, а с ним такие фокусы не проходят. Рискованная была затея, но не без шансов на успех. Преступник знал, что ученый первым делом кинется к себе в каюту спасать свои бумажки… то есть я хочу сказать, свои рукописи. Там-то, за углом коридора, убийца и сделал свое черное дело. Итак, косвенное обстоятельство номер один. — Комиссар поднял палец. — Мсье Аоно выбежал из салона, а стало быть, мог совершить это убийство.

— Не я один, — сказал японец. — Из сарона выбезяри есе сесть черовек: мсье Ренье, мсье и мадам Труффо, мсье Фандорин, мсье Мирфорд-Стоукс и мадемуазерь Стамп.

— Верно, — согласился Гош. — Но я хотел всего лишь продемонстрировать присяжным, в смысле присутствующим, связь двух этих преступлений, а также возможность совершения вами вчерашнего убийства. Теперь же вернемся к «Преступлению века». В то время господин Аоно находился в Париже. Этот факт не вызывает

сомнений и подтвержден в полученной мною депеше.

— В Паризе вместе со мной находирись есе портора мириона черовек, — вставил японец.

— И все же это косвенное обстоятельство номер два, — с напускным простодушием сыграл в поддавки комиссар.

— Слишком уж косвенное, — тут же вставил русский.

— Не спорю. — Гош подсыпал в трубку табачку и сделал следующий ход.

— Однако смертельную инъекцию слугам лорда Литтлби сделал медик. Медиков в Париже не полтора миллиона, а гораздо меньше, не правда ли?

Это утверждение никто оспаривать не стал. Капитан Клифф спросил:

— Правда, но что с того?

— А то, мсье капитан, — блеснул острым взглядом Гош, — что наш дружок Аоно никакой не офицер, как он нам тут представился, а дипломированный хирург и недавно закончил медицинский факультет Сорбонны! Об этом-то и сообщается в той же депеше.

Эффектная пауза. Приглушенный гул голосов в зале Дворца юстиции, газетные рисовальщики

шуршат карандашами в блокнотах: «Комиссар Гош предъявляет козырного туза». Погодите, голубчики, это еще не туз, туз впереди.

— И тут, господа, мы переходим от косвенных обстоятельств к уликам.

Пусть мсье Аоно объяснит, зачем ему, врачу, представителю уважаемой и престижной профессии, понадобилось прикидываться офицером? Зачем эта ложь?

По восковому виску японца скатилась капелька пота. Аоно молчал.

Ненадолго же хватило у него пороху.

— Ответ один: чтобы отвести от себя подозрение. Убийца-то был медик! — удовлетворенно резюмировал комиссар. — А вот вам и улика номер два. Приходилось ли вам слышать, господа, о японской борьбе?

— Не только слышать, но и видеть, — сказал капитан. — Как-то раз в Макао я видел, как японский штурман бил трех американских матросов. Сам щупленький, казалось бы, плевком перешибешь, а как пошел скакать, руками-ногами махать — троих здоровенных китобоев плашмя уложил. Одному как стукнет ребром ладони по руке, и локоть в другую сторону вывернул. Кость перебил, представляете? Вот это был удар!

Гош удовлетворенно кивнул:

— Я тоже слышал, что японцы владеют секретом смертельного рукопашного боя безо всякого оружия. Им ничего не стоит убить человека тычком пальца. Все мы не раз видели, как мсье Аоно занимается своей гимнастикой. У него в каюте под кроватью обнаружены куски разбитой тыквы, причем удивительно крепкой. А в мешке еще несколько целых. Очевидно, обвиняемый отрабатывал на них точность и силу удара. Я не представляю, какой мощью нужно обладать, чтобы расколотить крепкую тыкву голой рукой, да еще на несколько кусков…

Комиссар многозначительно обвел присутствующих взглядом и запустил улику номер два:

— Напоминаю вам, господа, что череп несчастного лорда Литтлби был разбит на несколько фрагментов необычайно сильным ударом тяжелого тупого предмета. А теперь взгляните на мозолистые ребра ладоней обвиняемого.

Японец рывком убрал со стола свои небольшие жилистые руки.

— Не спускайте с него глаз, Джексон. Этот человек очень опасен, — предупредил Гош. — Чуть что — стреляйте в ногу или в плечо. А я спрошу господина Аоно, куда он дел золотую эмблему?

Молчите? Так я сам отвечу на этот вопрос: эмблему сорвал с вашей груди лорд Литтлби, в тот самый момент, когда вы нанесли ему смертельный удар ребром ладони по голове!

Аоно приоткрыл было рот, словно хотел что-то сказать, но закусил губу крепкими, кривоватыми зубами и смежил веки. Лицо его сделалось странно отрешенным.

— Картина преступления на рю де Гренель складывается такая, — стал подводить итоги Гош. — Вечером 15 марта Гинтаро Аоно явился в особняк лорда Литтлби, имея заранее спланированное намерение умертвить всех обитателей дома и завладеть треугольным платком из коллекции хозяина. В это время у него уже был билет на «Левиафан», отходивший из Саутгемптона в Индию четырьмя днями позже. Очевидно, обвиняемый собирался заняться в Индии поисками брахмапурского сокровища. Мы не знаем, как ему удалось убедить несчастных слуг подвергнуться «противохолерной прививке». Скорее всего, обвиняемый предъявил им какую-нибудь поддельную бумагу из мэрии. Выглядело бы это вполне правдоподобно, потому что, как явствует из полученной мной депеши, студенты-медики выпускного курса Сорбонны действительно

нередко используются для проведения массовых профилактических мероприятий. Среди учащихся и ординаторов университета немало азиатов, так что желтая кожа вечернего визитера вряд ли насторожила обреченных слуг. Чудовищнее всего нечеловеческая жестокость, с какой были умерщвлены двое невинных детей. Я, господа, имею немалый опыт общения с подонками общества. Сгоряча наш бандюга может и младенца в камин бросить, но чтобы вот так, с холодным расчетом, недрогнувшей рукой… Согласитесь, господа, это как-то не по-французски и вообще не по-европейски.

— Это уж точно! — гневно воскликнул Ренье, и доктор Труффо от души его поддержал.

— Дальше было просто, — продолжил Гош. — Убедившись, что отравленные уколами слуги погрузились в сон, от которого им не суждено было пробудиться, убийца преспокойно поднялся на второй этаж, в зал, где хранилась коллекция, и принялся там хозяйничать. Ведь он был уверен, что хозяина нет дома. Однако невезучий лорд Литтлби из-за приступа подагры в Спа не поехал и находился у себя. Услышав звон стекла, он вышел в зал, где и был убит самым что ни на есть варварским образом. Незапланированное убийство

лишило преступника его дьявольского хладнокровия. Вероятнее всего, он собирался захватить с собой побольше всяких экспонатов, чтобы не привлекать внимания к пресловутому платку, однако теперь ему пришлось поторапливаться. Мы не знаем — возможно, перед смертью лорд закричал, и убийца испугался, что крики услышат с улицы. Так или иначе, он схватил ненужного ему золотого Шиву и поспешно ретировался, даже не заметив, что в руке убитого остался значок «Левиафана». Чтобы сбить с толку следствие, Аоно на обратном пути вылез через окно оранжереи… Нет, не в том дело! Гош хлопнул себя рукой по лбу. — Как я раньше не сообразил! Не мог он возвращаться тем же путем, если были крики! Откуда он знал — может, у дверей особняка уже собрались прохожие? Вот почему Аоно выбил стекло в оранжерее, спрыгнул в сад и потом перелез через ограду. Но он зря осторожничал — на рю де Гренель в этот поздний час было пусто. Криков, если они и были, никто не услыхал…

Впечатлительная мадам Клебер всхлипнула. Миссис Труффо дослушала перевод и прочувствованно высморкалась.

Доказательно, наглядно, неоспоримо, подумал Гош. Улики и следственные предположения от-

лично дополняют друг друга. И это, ребятки, еще не все, что припас для вас старина Гюстав.

— Самое время перейти к убийству профессора Свитчайлда. Как справедливо заметил обвиняемый, кроме него теоретически это могли сделать еще шестеро человек. Спокойно, спокойно, дамы и господа! — успокаивающе поднял ладонь комиссар. — Я сейчас докажу, что вы профессора не убивали, а убил его не кто иной как наш узкоглазый приятель.

Чертов японец совсем окаменел. Уснул он, что ли? Или молится своему японскому богу? Тут, парень, молись не молись, лежать тебе на старой шлюхе Гильотине.

Внезапно комиссару пришла в голову крайне неприятная мысль. А что если японца зацапают англичане за убийство Свитчайлда? Он ведь британский подданный! Тогда судить преступника будут в английском суде, и вместо французской гильотины он попадет на британскую виселицу. Только не это!

Кому нужен суд за границей? «Преступление века» должно разбираться во Дворце юстиции и больше нигде! Мало ли что Свитчайлд убит на английском корабле! В Париже десять трупов, а тут всего один, да и корабль не чисто британская соб-

ственность, ведь консорциум-то двухсторонний!

Гош так разволновался, что сбился с мысли. Нет уж, дудки, сказал он себе, я вам своего клиента не отдам. Сейчас закончу этот балаган и прямиком к французскому консулу. Сам привезу убийцу во Францию. И сразу представил:

Причал в Гавре, весь забитый народом, полицейские чины, журналисты…

Однако надо было доводить дело до конца.

— Пусть инспектор Джексон расскажет о результатах произведенного им обыска в каюте обвиняемого.

Гош жестом предложил Джексону высказаться. Тот деловито и сухо задолдонил было по-английски, но комиссар это дело прекратил:

— Следствие ведет французская полиция, — строго сказал он, — и официальный язык дознания тоже французский. Кроме того, мсье, здесь не все понимают по-вашему. А главное, я не уверен, что английским владеет обвиняемый. Согласитесь, что он имеет право знать о результатах ваших поисков.

Этот протест имел принципиальное значение: с самого начала поставить англичан на место. Пусть знают, что в этом деле их номер первый от конца.

Быть переводчиком вызвался Ренье. Он встал рядом с инспектором и переводил фразу за фразой, но расцвечивал короткие, рубленые предложения англичанина драматизмом интонации и выразительными жестами.

— Согласно полученной инструкции, был произведен обыск в каюте номер 24. Имя пассажира — Гинтаро Аоно. Действовали в соответствии с «Правилами проведения обыска в замкнутом помещении». Прямоугольная комната площадью 200 квадратных футов. Разбили на 20 горизонтальных квадратов и 44 вертикальных. — Лейтенант переспросил и пояснил. — Оказывается, стены тоже положено делить на квадраты — их простукивают в поисках тайников. Хотя какие в пароходной каюте могут быть тайники, непонятно… Поиск велся последовательно: сначала по вертикали, потом по горизонтали. В стенах тайников обнаружено не было. — Тут Ренье выразительно развел руками — мол, кто бы мог подумать. — При осмотре горизонтальной плоскости к делу приобщены следующие предметы. Первое: записи иероглифическим текстом. Они будут переведены и изучены. Второе: длинный восточного вида кинжал с чрезвычайно острым лезвием. Третье: мешок с одиннадцатью еги-

петскими тыквами. Четвертое: под кроватью осколки разбитой тыквы. И, наконец, пятое: саквояж с хирургическими инструментами. Гнездо для большого скальпеля пустует.

Слушатели ахнули. Японец открыл глаза, коротко взглянул на комиссара, но опять ничего не сказал.

Сейчас расколется, подумал Гош и ошибся. Не поднимаясь со стула, азиат резко обернулся к стоявшему у него за спиной инспектору и рубящим движением ударил снизу вверх по руке, державшей револьвер. Пока оружие описывало живописную дугу в воздухе, шустрый японец уже оказался возле двери. Рывком распахнул ее — и уперся грудью в два «кольта»: в коридоре стояли полицейские. В следующий миг револьвер инспектора, завершив траекторию, грохнулся о середину стола и оглушительно пальнул. Звон, визг, дым.

Гош быстро оценил ситуацию: арестант пятится назад, к стулу; миссис Труффо в обмороке; других жертв не наблюдается; в часах Биг-Бен чуть пониже циферблата дырка, стрелки не движутся. Часы звонят. Дамы визжат. Но в целом ситуация под контролем.

Когда японец был водворен на место и для

верности закован в наручники, когда докторшу вернули к жизни и все снова расселись, комиссар улыбнулся и сказал, немножко рисуясь хладнокровием.

— Только что, господа присяжные, вы присутствовали при сцене чистосердечного признания, правда, сделанного в не совсем обычной манере.

Он снова оговорился насчет присяжных, но поправляться не стал.

Репетиция так репетиция.

— Это была последняя из улик, такая прямая, что прямее уж не бывает, — подытожил довольный Гош. — А вам, Джексон, выговор. Я ведь предупреждал, что этот парень опасен.

Инспектор стоял багровый, как вареный рак. Пусть знает свое место.

В общем, все складывалось отлично.

Японец сидел под тремя наставленными дулами, прижав к груди скованные руки. Глаза он снова закрыл.

— Все, господин инспектор. Можете его забирать. Пусть пока посидит в вашей каталажке. А потом, когда формальности будут завершены, я заберу его с собой во Францию. Прощайте, дамы и господа. Старина Гош сходит на берег, а вам всем счастливого пути.

— Боюсь, комиссар, что вы п-поплывете с нами дальше, — будничным тоном произнес русский.

В первый момент Гошу показалось, что он ослышался.

— А?

— Господин Аоно ни в чем не виноват, так что следствие п-придется продолжить.

Вид у Гоша, должно быть, был преглупый: глаза выпучены, к щекам прилила кровь.

Не дожидаясь взрыва, русский с поистине неподражаемым апломбом сказал:

— Господин капитан, на к-корабле верховная власть — это вы. Комиссар только что разыграл перед нами имитацию судебного разбирательства, причем взял на себя роль прокурора и исполнил ее чрезвычайно убедительно. Однако в цивилизованном суде после обвинителя слово предоставляют з-защитнику. Если позволите, я хотел бы взять эту миссию на себя.

— Чего там время терять? — удивился капитан. — По-моему, все и так ясно. Господин полицейский все очень хорошо объяснил.

— Ссадить на берег пассажира — д-дело нешуточное. В конечном итоге вся ответственность ляжет на капитана. Подумайте, какой урон вы нанесете репутации п-пароходства, если вы-

яснится, что произошла ошибка. А я уверяю вас, — Фандорин чуть повысил голос, — что комиссар ошибается.

— Чушь! — воскликнул Гош. — Но впрочем я не возражаю. Это даже любопытно. Говорите, мсье, я с удовольствием послушаю.

В самом деле, репетиция так репетиция. Этот мальчишка неглуп и, возможно, обнаружит в логике обвинения какие-нибудь прорехи, которые нужно будет залатать. Если на процессе прокурор сядет в лужу, комиссар Гош сумеет придти ему на помощь.

Фандорин закинул ногу на ногу, сцепил пальцы на колене.

— Вы произнесли яркую и д-доказательную речь. На первый взгляд аргументация кажется исчерпывающей. Ваша логическая цепочка выглядит почти безупречно, хотя так называемые «косвенные обстоятельства», разумеется, никуда не г-годятся. Да, господин Аоно был в Париже 15 марта. Да, господина Аоно не было в салоне во время убийства п-профессора. Сами по себе два эти факта еще ничего не значат, так что давайте рассматривать их не будем.

— Ну давайте, — насмешливо согласился Гош. — Перейдем сразу к уликам.

— Извольте. Более или менее веских улик я насчитал пять. Мсье Аоно врач, но почему-то скрывал данное обстоятельство. Это раз. Мьсе Аоно может одним ударом расколоть достаточно твердый предмет — тыкву, а возможно, и голову. Это два. У господина Аоно нет эмблемы «Левиафана». Это три. В саквояже обвиняемого нет скальпеля, которым, возможно, был убит профессор Свитчайлд. Это четыре. И, наконец, пять: только что, на наших глазах, обвиняемый предпринял попытку бегства, чем себя окончательно изобличил. Кажется, я ничего не забыл?

— Есть еще и шесть, — вставил комиссар. — Он не может дать объяснений ни по одному из этих пунктов.

— Хорошо, пусть шесть, — легко согласился русский. Гош усмехнулся:

— По-моему, более чем достаточно для того, чтобы любой суд присяжных отправил голубчика на гильотину.

Инспектор Джексон внезапно качнул головой и буркнул:

— To the gallows.

— Нет, на виселицу, — перевел Ренье. Ах, англичанин, черная душа! Вот пригрел змею на груди!

— Но позвольте, — закипятился Гош. — След-

ствие вела французская сторона. Так что парень пойдет на гильотину!

— А решающую улику, отсутствие скальпеля, обнаружила британская. Он отправится на виселицу, — перевел лейтенант.

— Главное преступление совершено в Париже! На гильотину!

— Но лорд Литтлби — британский подданный. Профессор Свитчайлд тоже. На виселицу.

Казалось, японец не слышит этой дискуссии, грозившей перерасти в международный конфликт. Глаза его были по-прежнему закрыты, лицо ровным счетом ничего не выражало. Все-таки эти желтые не такие, как мы, подумал Гош. А еще возись с ним: прокурор, адвокат, присяжные, судьи в мантиях. То есть, конечно, все правильно, демократия есть демократия, но по-простому это называется «метать бисер перед свиньями».

После паузы Фандорин спросил:

— Вы закончили прения? Я могу п-продолжить?

— Валяйте, — угрюмо сказал Гош, думая о предстоящих баталиях с британцами.

— Пожалуй, разбитые тыквы д-давайте тоже обсуждать не будем. Это еще ничего не доказывает.

Вся эта комедия комиссару начинала надо-

едать.

— Ладно. Не будем мелочиться.

— П-превосходно. Остается пять пунктов: скрывал, что врач; нет эмблемы; нет скальпеля; пытался сбежать; не дает объяснений.

— И каждого пункта достаточно, чтобы парня отправили… на эшафот.

— Все дело в том, комиссар, что вы мыслите по-европейски, а у г-господина Аоно логика иная, японская, и п-проникнуть в нее вы не удосужились. Я же имел честь не раз беседовать с этим человеком и представляю себе его душевное устройство лучше, чем вы. Мсье Аоно не просто японец, он — самурай, причем из д-древнего и влиятельного рода. В данном случае это важно. На протяжении пятисот лет мужчины рода Аоно были только воинами, все прочие профессии почитались недостойными членов т-такой родовитой фамилии. Обвиняемый — третий сын в семье. Когда Япония решила сделать шаг навстречу Европе, многие знатные семьи стали п-посылать сыновей учиться за границу. Так же поступил и отец господина Аоно. Своего старшего сына он послал учиться в Англию на морского офицера. Дело в том, что княжество Сацума, где обитает род Аоно, поставляет к-кадры в воен-

но-морской флот Японии, и именно морская служба считается в Сацуме самой престижной. Своего второго сына Лоно-старший отправил в Германию, в военную академию. После франко-германской войны 1870 года японцы решили взять за образец г-германскую модель устройства армии, и все военные советники у них немцы. Эти сведения о семье Аоно мне сообщил сам обвиняемый.

— Ну и на кой черт нам знать все эти аристократические подробности? — раздраженно спросил Гош.

— Я обратил внимание, что о своих предках и о старших б-братьях обвиняемый рассказывает с гордостью, о себе же предпочитает не распространяться. Я д-давно заметил, что для выпускника Сен-Сира мсье Аоно удивительно несведущ в военных делах. Да и с какой стати его стали бы посылать во французскую военную академию, если он сам говорил, что японская армия строится по г-германскому образцу? Мое предположение сводится к следующему. Следуя веяниям эпохи, своему третьему сыну Аоно-старший решил дать сугубо мирную профессию — сделать его врачом. Насколько я знаю из книг, в Японии не п-принято оспаривать решение главы семейства, и обвиня-

емый покорно поехал учиться на медицинский факультет. Однако чувствовал себя при этом глубоко несчастным и даже опозоренным. Он, отпрыск воинственного рода Аоно, вынужден возиться с бинтами и к-клистирными трубками! Вот почему он назвался нам военным. Ему просто было стыдно признаться в своей нерыцарской профессии. С европейской точки зрения это, возможно, нелепо, но постарайтесь взглянуть на дело его г-глазами. Как чувствовал бы себя ваш соотечественник д'Артаньян, если б мечтал о мушкетерском плаще, а вместо этого попал в лекари?

Гош увидел, что в японце произошла перемена. Он открыл глаза и смотрел на Фандорина с явным волнением, а на щеках выступили багровые пятна. Краснеет что ли? Бред!

— Ах, какие нежности, — фыркнул Гош. — Но не буду придираться. Расскажите-ка мне лучше, месье защитник, про эмблему. Куда ее дел ваш застенчивый подзащитный? Постыдился надеть?

— Вы абсолютно правы, — невозмутимо кивнул самозваный адвокат. Именно п-постыдился. Вы видите, что написано на этом значке?

Гош взглянул на лацкан.

— Ничего тут такого не написано. Только три

начальные буквы пароходства «Джаспер-Арто партнершип».

— Именно. — Фандорин начертил в воздухе три большие буквы. — J-A-P. Получается «джап». Это презрительная кличка, которой иностранцы называют японцев. Вот вы, комиссар, согласились бы носить на груди значок с надписью «лягушатник»?

Капитан, Клифф запрокинул голову и зычно расхохотался. Улыбнулись даже кисломордый Джексон и чопорная мисс Стамп. Зато у японца багровые пятна расползлись еще шире.

Сердце Гоша сжалось от недоброго предчувствия. Голос подернуло несолидной сипотцой:

— А сам он не мог все это объяснить?

— Это невозможно. Видите ли, насколько я мог понять из п-прочитанных книг, главное отличие европейцев от японцев состоит в нравственной основе социального поведения.

— Что-то больно мудрено, — заметил капитан. Дипломат обернулся к нему:

— Вовсе нет. Христианская культура построена на чувстве вины. Грешить плохо, потому что потом б-будешь терзаться раскаянием. Чтобы избежать ощущения вины, нормальный европеец старается вести себя нравственно. Точно так же и

японец стремится не нарушать этических норм, но по другой причине. В их обществе роль морального сдерживателя играет стыд. Хуже всего для японца оказаться в стыдном п-положении, подвергнуться осуждению или, того хуже, осмеянию общества. Поэтому японец очень боится совершить какое-нибудь непотребство. Уверяю вас: в качестве общественного цивилизатора стыд эффективнее, чем совесть. С точки зрения мсье Аоно было совершенно невообразимо говорить о «стыдном» вслух, да еще с чужаками. Быть врачом, а не военным стыдно. Признаваться в том, что солгал, еще стыдней. Допустить, что он, японский самурай, может придавать хоть какое-то значение обидным кличкам, — это и подавно исключается.

— Спасибо за лекцию, — иронически поклонился Гош. — А сбежать из-под стражи ваш подзащитный пытался тоже от стыда?

— That's the point,[20] — одобрил Джексон, из врага вновь превращаясь в союзника. — The yellow bastard almost broke my wrist![21]

— Вы опять угадали, к-комиссар. Бежать с па-

---

[20] Примечания: 20
В том-то и штука. *(англ.)*

[21] Примечания: 21
Желтый ублюдок чуть не сломал мне запястье. *(англ.)*

рохода невозможно, да и некуда. Считая свое положение безвыходным и предвидя впереди лишь новые унижения, мой подзащитный (если уж вам угодно так его называть) наверняка хотел з-запереться у себя в каюте и покончить с собой по самурайскому обряду. Не правда ли, мсье Аоно? — впервые обратился Фандорин напрямую к японцу.

Тот не ответил, однако опустил голову.

— Вас ждало бы разочарование, — мягко сказал ему дипломат. — Вы, должно быть, прослушали: ваш ритуальный к-кинжал был изъят полицией во время обыска.

— А-а, вы про это, как его, хиракира, харикари, — ухмыльнулся в усы Гош. — Ерунда, не верю, чтобы человек мог сам себе вспороть брюхо. Сказки. Если уж приспичило на тот свет, лучше расколотить башку об стенку. Но я и здесь не стану с вами препираться. У меня есть улика, против которой не попрешь — отсутствие среди его инструментов скальпеля. Что вы на это скажете? Что настоящий преступник заранее стащил у вашего подзащитного скальпель, собираясь совершить убийство и свалить ответственность на Аоно? Не вытанцовывается! Откуда убийце было знать, что профессор вздумает делиться с

нами своим открытием именно за обедом? Да Свитчайлд и сам только-только сообразил, в чем фокус с платком. Помните, каким встрепанным он вбежал в салон?

— Ну, отсутствие скальпеля мне объяснить п-проще простого. Причем это уже не из области предположений, а п-прямой факт. Вы помните, как после Порт-Саида из кают вдруг загадочным образом стали исчезать вещи? Потом это т-таинственное поветрие прекратилось так же внезапно, как началось. И знаете когда? После смерти нашего чернокожего б-безбилетника. Я долго размышлял, почему и каким образом он оказался на «Левиафане», и вот моя версия. Этот негр, вероятнее всего, был вывезен из глубин Африки арабскими работорговцами, причем в Порт-Саид его привезли водным путем. Почему я так д-думаю? Потому что сбежав от своих хозяев, негр забрался не куда-нибудь, а на корабль. Видимо, он верил, что раз к-корабль увез его из дома, значит, может и доставить обратно.

— Какое это имеет отношение к нашему делу? — не выдержал Гош. — Ваш негр погиб еще 5 апреля, а Свитчайлда убили вчера! Да и вообще ну вас к черту с вашими сказками! Джексон, уводите арестованного!

Он решительно двинулся к выходу, но дипломат вдруг крепко взял комиссара за локоть и с отвратительной вежливостью сказал:

— Дорогой мсье Гош, я хотел бы д-довести свою аргументацию до конца. Потерпите еще чуть-чуть, осталось недолго.

Гош хотел высвободиться, но пальцы у молокососа оказались стальными.

Дернувшись раз, другой, сыщик решил не выставляться в смешном виде и обернулся к Фандорину.

— Хорошо, еще пять минут, — процедил Гош, с ненавистью глядя в безмятежные голубые глаза наглеца.

— Б-благодарю. Чтобы разрушить вашу последнюю улику, пяти минут вполне хватит… Я знал, что у беглеца на пароходе где-то должно быть логово. В отличие от вас, капитан, я начал не с трюмов и угольных ям, а с верхней п-палубы. Ведь «черного человека» видели только пассажиры первого класса. Резонно было предположить, что он прячется где-то здесь. И в самом деле, в третьей от носа шлюпке по правому б-борту я нашел то, что искал: Объедки и узелок с вещами. Там было несколько цветных тряпок, нитка бисера и всякие блестящие п-предметы — зеркальце, секстант,

пенсне и, среди прочего, большой скальпель.

— Почему я должен вам верить? — взревел Гош. Дело прямо на глазах рассыпалось в труху.

— Потому что я лицо незаинтересованное и г-готов подтвердить свои показания под присягой. Вы позволите продолжать? — Русский улыбнулся своей тошнотворной улыбочкой. — Спасибо. Очевидно, бедный негр отличался хозяйственностью и собирался вернуться домой не с пустыми руками.

— Стоп-стоп! — нахмурился Ренье. — Однако почему, мсье Фандорин, вы не сообщили о своей находке нам с капитаном? Какое вы имели право ее утаить?

— Я ее не утаивал. Узелок я оставил на т-том же месте. А когда наведался к шлюпке через несколько часов, уже п-после окончания поисков, узелка там не обнаружил. Я был уверен, что его нашли ваши матросы. Теперь же получается, что вас опередил убийца профессора. Все трофеи негра, включая и скальпель господина Аоно, достались ему. Вероятно, п-преступник предвидел возможность… крайних мер и на всякий случай, носил скальпель при себе — чтобы увести следствие по ложному пути. Скажите, мсье Аоно, у вас выкрали скальпель?

Японец помедлил и неохотно кивнул.

— А не говорили вы об этом, потому что у офицера императорской армии с-скальпеля быть никак не могло, верно?

— Секстант был мой! — объявил рыжий баронет. — Я думал, что… Впрочем, неважно. А его, оказывается, украл тот дикарь. Господа, если кому-нибудь проломят голову моим секстантом, учтите — я тут не при чем.

Это был полный крах. Гош растерянно покосился на Джексона.

— Очень жаль, комиссар, но ви должен продолжать свое плавание, сказал инспектор по-французски и сочувственно скривил тонкие губы. — My apologies, Mr. Aono. If you just stretch your hands… Thank you.[22]

Жалобно звякнули наручники.

В наступившей тишине звонко раздался испуганный голос Ренаты Клебер:

— Позвольте, господа, но кто же тогда убийца?

---

[22] Примечания: 22

Примите мои извинения, мистер Аоно. Протяните, пожалуста, руки. Спасибо.*(англ.)*

Часть третья
Бомбей — Полкский пролив

Гинтаро Аоно

4-го месяца 18-го дня В виду южной оконечности Индийского полуострова

Третий день как покинули Бомбей, а я все это время не раскрывал свой дневник. Такое происходит со мной впервые, ведь я взял себе за твердое правило писать каждый день. Но перерыв я устроил намеренно. Нужно было разобраться в нахлынувших на меня чувствах и мыслях.

Лучше всего суть произошедшего во мне переворота передает хайку, родившееся в тот момент, когда полицейский инспектор снял с меня железные кандалы.

Одинок полет
Светлячка в ночи.
Но в небе — звезды.

Я сразу понял: это очень хорошее стихотворение, лучшее из всех, которые я когда-либо написал, но смысл его неочевиден и требует разъяснений. Три дня я размышлял, прислушивался к себе и, кажется, наконец разобрался.

Со мной произошло то великое чудо, о котором

мечтает всякий человек — я испытал сатори или, как называли это блаженное состояние древние греки, катарсис. Сколько раз говорил мне Наставник, что сатори приходит, если уж приходит, само, без понуканий и предупреждений! Человек может быть праведником и мудрецом, просиживать в позе дзадзэн по многу часов в день, прочесть горы священных текстов, но так и умрет непросветленным, а какому-нибудь бездельнику, глупо и бессмысленно бредущему по жизни, оно вдруг явится во всем своем величественном сиянии и разом переменит все его никчемное существование! Я и есть тот самый бездельник. Мне повезло. В 27 лет я родился заново.

Озарение и очищение пришло ко мне не в момент духовной и физической концентрации, а в ту минуту, когда я был раздавлен, жалок и ничтожен, когда от меня осталась одна оболочка, как от лопнувшего воздушного шарика. Но лязгнуло глупое железо, инструмент моего преображения, и я вдруг с невыразимой остротой ощутил, что я — это не я, а… Нет, не так. Что я это не только я, но и бесчисленное множество других жизней. Что я — не какой-то там Гинтаро Аоно, третий сын старшего советника его светлости князя Симадзу, а малая, но от того не менее драгоценная частица

Единого. Я есть во всем сущем, и все сущее есть во мне. Сколько раз я слышал эти слова, а понял, нет, прочувствовал их только 15 числа 4 месяца 11 года Мэйдзи, в городе Бомбее, на борту огромного европейского парохода. Поистине причудлива воля Всевышнего.

В чем же смысл интуитивно возникшего во мне трехстишья? Человек одинокий светлячок в бескрайнем мраке ночи. Свет его так слаб, что освещает лишь крошечный кусочек пространства, а вокруг лишь холод, тьма и страх. Но если отвести испуганный взгляд от находящейся внизу темной земли и посмотреть ввысь (всего-то и надо — повернуть голову!), то увидишь, что небо покрыто звездами. Они сияют ровным, ярким и вечным светом. Ты во тьме не один. Звезды — твои друзья, они помогут и не бросят в беде. А чуть позже ты понимаешь другое, не менее важное: светлячок — тоже звезда, такая же, как все остальные. Те, что в небе, тоже видят твой свет, и он помогает им вынести холод и мрак Вселенной.

Наверное, жизнь моя не изменится. Я буду такой же, как прежде, — и суетный, и вздорный, и подверженный страстям. Но в глубине моей души теперь всегда будет жить достоверное

знание. Оно спасет и поддержит меня в трудную минуту. Я больше не мелкая лужа, которую может расплескать по земле сильный порыв ветра. Я — океан, и буря, прокатившись всесокрушающим цунами по моей поверхности, не затронет сокровенных моих глубин.

Когда я, наконец, все это понял и мой дух преисполнился радостью, я вспомнил о том, что величайшая из добродетелей — благодарность. Первая из звезд, чье сияние я разглядел в кромешной тьме, — это Фандорин-сан. Именно благодаря ему мне стало ясно, что я, Гинтаро Аоно, не безразличен Миру, что Великое Извне не бросит меня в беде.

Но как объяснить человеку другой культуры, что он навеки мой ондзин?

Такого слова в европейских языках нет. Сегодня я, набравшись смелости, заговорил с ним об этом, но, кажется, ничего путного из беседы не вышло.

Я поджидал Фандорина-сан на шлюпочной палубе, зная, что он придет туда со своими гирями ровно в восемь.

Когда он появился, затянутый в свое полосатое трико (надо будет сказать ему, что для физических упражнений лучше подходит не обтягивающая, а просторная одежда), я подошел и

низко поклонился. «Что это с вами, мсье Аоно? — удивленно спросил он. — Почему вы согнулись и не разгибаетесь?» Разговаривать в такой позе было невозможно, и потому я выпрямился, хотя, в подобной ситуации, конечно, следовало бы задержать поклон подольше. «Это я выражаю вам свою бесконечную благодарность», — сказал я, очень волнуясь.

«Да бросьте вы», — небрежно махнул он рукой. Этот жест мне очень понравился — тем самым Фандорин-сан хотел преуменьшить размер оказанного мне благодеяния и избавить своего должника от чрезмерного чувства благодарности. На его месте так же поступил бы любой японец благородного воспитания. Но эффект был обратным — мой дух преисполнился еще большей благодарности. Я сказал, что отныне в неоплатном долгу перед ним. «Ну уж и неоплатном, — пожал плечами он. — Просто хотелось осадить этого самодовольного индюка». (Индюк — это такая уродливая американская птица со смешной походкой, преисполненной сознания собственной важности; в переносном смысле — чванливый и глупый человек). Я вновь оценил деликатность собеседника, но мне обязательно нужно было втолковать ему, как многим я ему

обязан. «Спасибо за то, что спасли мою никчемную жизнь, — снова поклонился я. — Втройне спасибо за то, что спасли мою честь. И бесконечное количество спасибо за то, что открыли мой третий глаз, которым я вижу то, чего не видел прежде». Фандорин-сан посмотрел (как мне показалось, с некоторым опасением) на мой лоб, словно ожидал, что там сейчас раскроется и подмигнет ему еще один глаз.

Я сказал, что он — мой ондзин, что моя жизнь теперь принадлежит ему, чем, по-моему, напугал его еще больше. «О, как я мечтаю о том, что вы окажетесь в смертельной опасности, а я спасу вас — как вы спасли меня!» воскликнул я. Он перекрестился и сказал: «Не хотелось бы. Если вас не затруднит, мечтайте, пожалуйста, о чем-нибудь другом».

Разговор никак не получался. В отчаянии я вскричал: «Знайте, что я сделаю для вас все, что угодно!» И уточнил свою клятву, чтобы впоследствии не возникло недоразумений: «Если это будет не во вред его величеству, моей стране и чести моей семьи».

Мои слова вызвали у Фандорина-сан странную реакцию. Он засмеялся!

Нет, я, наверное, никогда не пойму красново-

лосых. «Ну хорошо, — сказал он, пожимая мне руку. — Если вы так настаиваете, то извольте. Из Калькутты мы, верно, поплывем в Японию вместе. Можете вернуть мне долг уроками японского языка».

Увы, этот человек не принимает меня всерьез. Я хотел бы с ним подружиться, но гораздо больше, чем я, Фандорина-сан интересует главный штурман Фокс, человек ограниченный и неумный. Мой благодетель проводит немало времени в компании этого болтуна, внимательно выслушивает его похвальбу о морских приключениях и любовных похождениях, даже ходит с Фоксом на вахту! Честно говоря, меня это задевает. Сегодня я был свидетелем того, как Фокс расписывал свой роман с «японской аристократкой» из Нагасаки. И про маленькую грудь рассказал, и про алые губы, и про все остальные особенности этой «миниатюрной куколки». Должно быть, какая-нибудь дешевая шлюха из матросского квартала. Девушка из приличной семьи с варваром и словом не перемолвится! Обиднее всего то, что Фандорин-сан слушал этот бред с явным интересом. Я уже хотел вмешаться, но тут подошел капитан Ренье и отослал Фокса по какому-то делу.

Ах да! Я же не написал про важное событие,

произошедшее в жизни корабля! Все-таки светлячку слепит глаза его маленькое сияние, мешает видеть окружающее в истинной пропорции.

А между тем накануне отплытия из Бомбея произошла настоящая трагедия, рядом с которой мои переживания кажутся незначительными.

В половине девятого утра, когда пароход уже поднимал якорь и готовился отдать швартовые, капитану Клиффу доставили с берега телеграмму.

Я стоял на палубе и смотрел на Бомбей, город, сыгравший в моей судьбе такую важную роль. Хотел, чтобы этот пейзаж навсегда запечатлелся в моем сердце.

Вот почему я оказался свидетелем случившегося.

Капитан прочел депешу, и лицо его вдруг разительным образом переменилось. Никогда еще я не видел ничего подобного! Словно актер театра Но скинул маску Грозного Воителя и нацепил маску Безумной Скорби.

Обветренное, грубое лицо морского волка задрожало.

Капитан издал не то стон, не то рыдание и заметался по палубе. «Oh God! — хрипло крикнул

он. — My poor girl!»[23] И бросился с мостика вниз — как выяснилось потом, к себе в каюту.

Приготовления к отплытию прекратились. Завтрак начался как обычно, но лейтенант Ренье задерживался. Все только и говорили, что о странном поведении капитана, гадали — что же такое могло быть в телеграмме. Первый помощник заглянул в салон, когда трапеза подходила к концу. Вид у Ренье-сан был расстроенный. Оказывается, единственная дочь Клиффа-сан (я уже писал, что капитан души в ней не чает) сильно обгорела во время пожара, случившегося в ее пансионе. Врачи опасаются за ее жизнь. Лейтенант сказал, что мистер Клифф не в себе. Он решил немедленно покинуть «Левиафан» и первым же пакетботом возвращаться в Англию. Твердит, что должен быть рядом со своей доченькой. Лейтенант все повторял: «Что же теперь будет? Какой злосчастный рейс!» Мы утешали его как могли.

Признаться, я отнесся к решению капитана с осуждением. Его горе мне понятно, но человек, которому доверено дело, не имеет права руководствоваться личными чувствами. Особенно если он — капитан и ведет корабль. Что же будет с

---

[23] Примечания: 23
О Боже! Моя бедная девочка! *(англ.)*

обществом, если император или президент или премьер-министр поставят личное выше долга? Будет хаос, а смысл и долг власти — бороться с хаосом и поддерживать гармонию.

Я снова вышел на палубу, чтобы видеть, как мистер Клифф покидает вверенный ему корабль. И Всевышний преподал мне новый урок, урок сострадания.

Капитан, ссутулясь, полушел-полубежал по трапу. В руке он нес дорожную сумку, матрос тащил следом один-единственный чемодан. На причале капитан остановился, обернулся лицом к «Левиафану», и я увидел, что его широкое лицо блестит от слез. В следующую секунду он покачнулся и рухнул ничком.

Я бросился к упавшему. Судя по прерывистому дыханию и судорожным подергиваниям конечностей, это тяжелейший геморрагический инсульт.

Подоспевший доктор Труффо подтвердил мой диагноз.

Да, это часто бывает, что мозг человека не выдерживает разлада между голосом сердца и зовом долга. Я виноват перед капитаном Клиффом.

Больного увезли в госпиталь, а «Левиафан» надолго застрял у причала.

Посеревший от потрясения Ренье-сан уехал на телеграф вести переговоры с лондонским пароходством. Вернулся он только в сумерки. Новости были такие:

Клифф-сан в сознание не приходит; временно командовать судном будет Ренье-сан, а в Калькутте на борт поднимется новый капитан.

Отплыли из Бомбея с десятичасовым опозданием.

Все эти дни я словно не хожу, а летаю. Меня радует и сияние солнца, и ландшафты индийского побережья, и размеренная, праздная жизнь большого корабля. Даже салон «Виндзор», куда прежде я шел с сердечной тоской, как на муку, теперь стал мне почти родным. Соседи по столу относятся ко мне совсем по-другому — без отчужденной брезгливости и подозрительности. Все очень милы и любезны, и я тоже отношусь к ним иначе, чем раньше. Даже Клебер-сан, которую я готов был удавить собственными руками (бедняжка!), уже не кажется мне противной. Просто молодая женщина, готовящаяся в первый раз стать матерью и всецело захваченная наивным эгоизмом этого нового для нее состояния. Узнав, что я врач, она беспрестанно задает мне медицинские вопросы и жалуется на мелкие недомогания.

Раньше ее жертвой был только доктор Труффо, теперь отдуваемся мы оба. И самое удивительное, что это совсем мне не в тягость. Напротив, мой статус сейчас гораздо выше, чем во времена, когда меня считали офицером. Поразительно!

В «Виндзоре» я на привилегированном положении. Дело не только в том, что я медик и, как выразилась миссис Труффо, innocent martyr[24] полицейского произвола. Главное — я наверняка не убийца. Это доказано и официально подтверждено. Тем самым я угодил в высшую касту — вместе с комиссаром полиции и новоиспеченным капитаном (который, впрочем, у нас бывать почти перестал — очень занят, и стюард носит ему еду прямо на мостик). Мы трое вне подозрений, и на нас никто не бросает пугливых взоров исподтишка.

Мне жаль всю эту виндзорскую компанию, искренне жаль. Своим недавно обретенным духовным зрением я ясно вижу то, чего не видят они все, даже проницательный Фандорин-сан.

Среди моих соседей убийцы нет. Ни один из них не подходит на роль злодея. Я присматриваюсь к этим людям и вижу: у них есть недостатки и

---

[24] Примечания: 24
Невинная жертва. *(англ.)*

слабости, но человека с черным сердцем, кто мог бы хладнокровно загубить одиннадцать невинных душ и в том числе двух детей, здесь нет. Я бы уловил его зловонное дыхание. Не знаю, от чьей руки пал Свитчайлд-сэнсэй, но уверен, что это сделал кто-то другой. Комиссар немного ошибся в своих предположениях: преступник находится на пароходе, но не в «Виндзоре».

Возможно, он подслушивал под дверью, когда профессор стал рассказывать нам о своем открытии.

Если бы Гош-сан не был так упрям и взглянул на виндзорцев непредвзято, он понял бы, что попусту тратит время.

Я перебираю всех наших.

Фандорин-сан. Его невиновность очевидна. Иначе разве стал бы он отводить от меня подозрение, когда моя вина ни у кого не вызывала сомнений?

Супруги Труффо. Доктор — немного комичный, но очень добрый человек.

Он и цикады не обидит. Его жена — воплощение английской пристойности. Она никого не могла бы убить просто потому, что это неприлично.

М.-С. — сан. Он странный человек, все время бормочет что-то под нос и бывает резок, но у него

в глазах застыло глубокое и искреннее страдание. С такими глазами хладнокровных убийств не совершают.

Клебер-сан. Ну, здесь яснее ясного. Во-первых, у человеческого рода как-то не заведено, чтобы женщина, готовящаяся произвести на свет новую жизнь, с такой легкостью топтала бы чужие жизни. Беременность — такое таинство, которое учит бережно относиться к человеческому существованию. А во-вторых, во время убийства ученого Клебер-сан была рядом с полицейским.

Наконец, Стамп-сан. У нее нет алиби, но представить, что она сзади подкрадывается к знакомому, зажимает ему рот своей узкой, слабой ладонью, а другой рукой заносит мой злосчастный скальпель… Полный бред. Исключено.

Протрите глаза, комиссар-сан. Вы в тупике.

Что-то дышать тяжело. Не надвигается ли буря?

Комиссар Гош

Проклятая бессонница совсем распоясалась. Пятую ночь житья нет, и чем дальше, тем хуже. А забудешься перед рассветом — такое приснится, что не приведи Аллах. Проснешься весь разбитый, и в одуревшую от ночных видений голову лезет всякая дичь. Может, и правда на пенсию пора? Плюнуть бы на все, да нельзя. Нет на свете ничего хуже убогой, нищенской старости. Кто-то нацелился хапнуть сокровище в полтора миллиарда франков, а тебе, старина, доживать на жалкие сто двадцать пять в месяц.

С вечера небо запестрело зарницами, ветер завыл в мачтах, и «Левиафан» грузно закачался на черных, напористых валах. Гош долго лежал в кровати и смотрел в потолок. Потолок был то темный, то неестественно белый — это когда полыхала молния. По палубе хлестал дождь, на столе, позвякивая ложечкой, ездил взад-вперед забытый стакан с микстурой для больной печенки.

В морской шторм Гош угодил впервые в жизни, но страшно не было.

Разве такую махину потопишь? Ну покачает,

ну погромыхает, да и отпустит.

Беда только — раскаты грома уснуть не дают. Только начнешь проваливаться, так нет — трам-тарарам!

Но, видно, все-таки уснул, потому что рывком сел на кровати, не понимая, что происходит. Сердце стучало сухо, зычно, на всю каюту.

Нет, это не сердце, это в дверь.

— Комиссар! (Тух-тух-тух) Комиссар! (Тух-тух-тух-тух) Откройте! Скорее!

Чей это голос? Никак Фандорина.

— Кто это? Что вам нужно? — крикнул Гош, прижимая ладонь к левой стороне груди. — Вы что, спятили?

— Открывайте, черт бы вас побрал!

Ого! Ишь как дипломат заговорил.

Видно, стряслось что-то нешуточное.

— Сейчас!

Гош стыдливо сдернул с головы колпак с кисточкой (старушка Бланш вязала), накинул халат, влез в шлепанцы.

Выглянул в приоткрытую дверь — и вправду Фандорин. В сюртуке, при галстуке, в руке трость с костяным набалдашником. Глаза так и горят.

— Что? — настороженно спросил Гош, уже зная, что услышит от ночного посетителя какую-ни-

будь пакость.

Дипломат заговорил в несвойственной ему манере — отрывисто, быстро и без заикания:

— Одевайтесь. Возьмите оружие. Нужно арестовать капитана Ренье. Срочно. Он ведет пароход на скалы.

Гош помотал головой — приснится же такая дребедень.

— Вы что, мсье русский, гашишу накурились?

— Я здесь не один, — ответил Фандорин. Комиссар высунулся в коридор и увидел, что рядом топчутся еще двое. Один — полоумный баронет. А второй кто? Главный штурман, вот кто. Как бишь его… Фокс.

— Соображайте быстрей, — сыпал рублеными фразами дипломат. — Времени мало. Я читал в каюте. Стук. Сэр Реджинальд. В час ночи замерил местонахождение. Секстантом. Не тот курс. Должны обходить остров Манар слева. Обходим справа. Разбудил штурмана. Фокс, говорите.

Штурман шагнул вперед. Вид у него был здорово напуганный.

— Там мели, мсье, — заговорил он на ломаном французском. — И скалы. «Левиафан» очень тяжелый. Шестнадцать тысяч тонн, мсье! Если на мель, ломаться пополам, как французский хлеб.

Как багет, вы понимаете? Еще полчаса плыть этот курс, и все, обратно повернуть уже невозможно!

Хорошенькая новость. Еще и в морском деле старина Гюстав должен разбираться! Какой-то остров Манар на его голову!

— А почему вы сами не скажете капитану, что он… ну это, плывет не тем курсом?

Штурман оглянулся на русского.

— Мсье Фандорин говорит нельзя.

— Ренье явно пошел ва-банк, — снова стал забивать гвозди дипломат. — Он способен на что угодно. Прикажет — штурмана посадят под арест. За пререкания. Может даже применить оружие. Он капитан. Его слово на корабле закон. Кроме нас троих никто не знает, что происходит. Нужен представитель власти. Это вы, комиссар. Идемте наверх!

— Погодите, погодите! — Гош схватился за лоб. — Вы мне совсем заморочили голову. Ренье что, сошел с ума?

— Нет. Но он намерен погубить корабль. И всех, кто находится на борту.

— Зачем? Чего ради?

Нет, наяву такое происходить не могло. Сон, кошмарный сон.

Фандорин, видно, понял, что так просто Гоша

с места не стронешь и заговорил пространнее, яснее.

— У меня есть только одно предположение. Чудовищное. Ренье хочет погубить пароход и плывущих на нем людей, чтобы замести следы преступления, спрятать концы в воду. В буквальном смысле в воду. Трудно поверить, что кто-то с такой легкостью готов оборвать тысячу жизней? А вы вспомните рю де Гренель, вспомните Свитчайдда, и вам станет ясно, что в охоте за брахмапурским сокровищем человеческие жизни стоят недорого.

Гош сглотнул.

— В охоте за сокровищем?

— Да. — Фандорин старался сдерживаться. — Ренье — сын раджи Багдассара. Я догадывался, но уверен не был. Теперь же сомнений не остается.

— То есть как сын? Чушь! Раджа был индус, а Ренье — чистокровный француз.

— Вы заметили, что он не ест ни говядины, ни свинины? Знаете почему? Привычка с детства. В Индии корова считается священным животным, а свинину не едят мусульмане. Раджа был индийцем, но приверженцем ислама.

— Мало ли, — пожал плечами Гош. — Ренье говорил, у него диета.

— А смуглое лицо?

— Загорел в южных морях. Последние два года Ренье плавал на линиях Лондон — Нью-Йорк и Лондон — Стокгольм. Спросите у мсье Фокса.

— Нет, Гош, Ренье наполовину индиец. Жена раджи Багдассара была француженкой, сын во время сипайского мятежа воспитывался в Европе. Скорее всего, во Франции, на родине матери. Вам случалось бывать у Ренье в каюте?

— Да, он приглашал меня, как и других.

— Видели фотографию на столе? «Семь футов под килем. Франсуаза Б.»?

— Ну, видел. Это его мать.

— Если мать, то почему «Б.», почему не «Р.»? Ведь у сына и матери фамилия должна быть одинаковая.

— Может, она снова вышла замуж.

— Возможно. Я не успел это проверить. Но что если «Франсуаза Б.» означает «Франсуаза Багдассар»? На европейский манер, ведь фамилий у индийских раджей не бывает.

— Откуда тогда взялась фамилия Ренье?

— Не знаю. Предположим, при натурализации он взял девичью фамилию матери.

— Домыслы, — отрезал Гош. — Ни одного твердого факта. Сплошные «что если» да «пред-

положим».

— Согласен. Но разве не подозрительно поведение Ренье во время убийства Свитчайлда? Помните, как лейтенант вызвался сбегать за шалью для мадам Клебер? И еще попросил профессора без него не начинать. Я полагаю, что за несколько минут отсутствия Ренье успел поджечь урну и заскочить к себе в каюту за скальпелем.

— А с чего вы взяли, что скальпель был именно у него?

— Я говорил вам, что узелок негра исчез из шлюпки после обыска. Кто руководил обыском? Ренье!

Гош скептически покачал головой. Пароход качнуло так, что он больно стукнулся плечом о дверной косяк. Настроение от этого лучше не стало.

— Помните, с чего начал тогда Свитчайдд? — продолжил Фандорин, выдернул из кармана часы, и темп его речи ускорился. — Он сказал: «У меня все сложилось — и с платком, и с сыном. Порыться в списках Эколь Маритим, и отыщется». То есть он не только разгадал тайну платка, но и узнал что-то важное про сына раджи. Например, что тот учился в марсельской Эколь Маритим, Мореходной школе. Которую, кстати, заканчивал

и наш Ренье. Индолог говорил про телеграмму, посланную знакомому во французское министерство внутренних дел. Возможно, Свитчайлд хотел выяснить судьбу мальчика. И, видимо, кое-что выяснил, однако вряд ли догадался, что Ренье и есть наследник Багдассара, иначе профессор вел бы себя осторожней.

— А что он разнюхал про платок? — с жадным интересом спросил Гош.

— Мне кажется, я могу ответить на этот вопрос. Но не сейчас, после. Время уходит!

— Значит, по-вашему, Ренье сам организовал небольшой пожарчик и, воспользовавшись паникой, заткнул профессору рот? — задумчиво произнес Гош.

— Да, черт подери, да! Шевелите же мозгами! Улик мало, я знаю, но еще двадцать минут, и «Левиафан» войдет в пролив!

Однако комиссар все еще колебался.

— Арест капитана в открытом море — это бунт. Почему вы приняли на веру сообщение этого господина? — он мотнул подбородком в сторону психованного баронета. — Ведь он вечно несет всякую чушь.

Рыжий англичанин презрительно усмехнулся и посмотрел на Гоша, словно тот был какой-нибудь

мокрицей или блохой. Ответом не удостоил.

— Потому что Ренье давно у меня на подозрении, — скороговоркой произнес русский. — И потому что история с капитаном Клиффом показалась мне странной. Зачем лейтенанту понадобилось так долго вести телеграфные переговоры с пароходством? Получается, что в Лондоне ничего не знали о несчастье, произошедшем с дочерью Клиффа? Кто же тогда прислал телеграмму в Бомбей? Дирекция пансиона? Вряд ли она так подробно осведомлена о маршруте «Левиафана». А не послал ли депешу сам Ренье? В моем путеводителе написано, что в Бомбее не меньше дюжины телеграфных пунктов. Отправить телеграмму с одного на другой в пределах города — это же так просто.

— И за каким лешим ему понадобилось посылать такую телеграмму?

— Чтобы завладеть кораблем. Он знал, что после подобного известия Клифф не сможет продолжать плавание. Спросите лучше, зачем Ренье пошел на такой риск? Не из глупого же честолюбия — чтоб недельку покомандовать пароходом, а там будь что будет? Версия одна: чтобы отправить «Левиафан» на дно, вместе с пассажирами и командой. Следствие подобралось к нему

слишком близко, круг сжимается. Он не может не понимать, что полиция так и будет сидеть на хвосте у всех подозреваемых. А тут катастрофа на море, все погибли, шито-крыто. Можно спокойно отправляться за ларцом с камнями.

— Но он погибнет вместе с нами!

— Нет, не погибнет. Мы только что проверили — капитанский катер готов к спуску на воду. Это маленькое, но крепкое суденышко, которому и шторм нипочем. Там припасены и вода, и корзина с провизией, и, что особенно трогает, даже саквояж с вещами. Скорее всего, Ренье собирается покинуть корабль сразу после входа в узкий пролив, откуда «Левиафану» уже не выбраться. Пароход не сможет развернуться, и даже при остановленной машине течение все равно отнесет его на скалы. Кто-то, может, и спасется, благо берег недалеко, а все пропавшие будут сочтены погибшими.

— Нельзя быть такой тупица, мсье полицейский! — вмешался штурман. Мы и так потеряли много времени. Меня будил господин Фандорин. Говорил, корабль идет не туда. Я хотел спать, посылал господин Фандорин к черту. Он предлагал пари: сто фунтов против одного, что капитан ошибся курс. Я думал, русский сошел с ума, все

знают, что русские очень эксцентричные, я зарабатываю легкие деньги. Поднялся на мостик. Все в порядке. Капитан на вахте, рулевой у штурвала. Ради ста фунтов я все же незаметно проверял курс и весь потел! Но капитану ничего не говорил. Мистер Фандорин предупредил, что нельзя ничего говорить. И я не сказал. Желал спокойная вахта и уходил. С тех пор, — штурман посмотрел на часы, — прошло двадцать пять минут.

И добавил по-английски что-то явно нелестное для французов вообще и французских полицейских в особенности. Гош понял только слово frog.[25]

Еще секунду поколебавшись, сыщик, наконец, принял решение. И сразу преобразился, движения стали быстрыми, стремительными. Папаша Гош не любит брать с места в карьер, но уж если разогнался — подгонять не придется.

Наскоро натягивая пиджак и брюки, он сказал штурману:

— Фокс, приведите на верхнюю палубу двух матросов. С карабинами. Помощник капитана пусть тоже придет. Нет, не надо — некогда все заново объяснять.

---

[25] Примечания: 25
Лягушатник *(англ.)*

Сунул в карман свой верный «лефоше», а дипломату протянул четырехствольный «мариэтт».

— Умеете обращаться?

— У меня свой, «герсталь-агент», — ответил Фандорин и показал компактный, красивый револьвер, каких Гошу раньше видеть не приходилось. И еще вот это. — Молниеносным движением он вытащил из трости узкий и гибкий клинок.

— Тогда вперед.

Баронету Гош решил оружия не давать — мало ли что псих выкинет.

Втроем они быстро шагали по длинному пустому коридору. Дверь одной из кают приоткрылась, выглянула Рената Клебер — поверх коричневого платья накинута шаль.

— Господа, что вы топочете, как стадо слонов? — сердито воскликнула она. — Я и так из-за этой грозы уснуть не могу!

— Закроите дверь и никуда не выходите, — строго сказал ей Гош и, не останавливаясь, подтолкнул Ренату внутрь каюты. Не до церемоний.

Комиссару показалось, что и дверь каюты № 24, где проживала мадемуазель Стамп, чуть дрогнула и приоткрылась, но к месту ли было придавать значение пустякам в столь ответственный мо-

мент?

На палубе в лицо ударили дождь и ветер. Пришлось кричать — иначе друг друга было не расслышать.

Вот и трап, ведущий к рулевой рубке и мостику. У нижней ступеньки уже дожидался Фокс. С ним два вахтенных матроса.

— Я же сказал, с карабинами! — крикнул Гош.

— Они в арсенал! — заорал ему на ухо штурман. — Ключ от арсенала у капитана!

Неважно, поднимаемся наверх, — показал жестом Фандорин. Лицо его блестело от капель.

Гош посмотрел вокруг и передернулся: ночь посверкивала стальными нитями дождя, белела пенными гребнями, щерилась молниями. Жуть какая!

Полезли вверх по чугунной лесенке, грохоча каблуками и жмурясь от хлестких струй дождя. Гош поднимался первым. Сейчас он был самым главным человеком на всем огромном «Левиафане», доверчиво несшем свою двухсотметровую тушу навстречу гибели. На последней ступеньке сыщик поскользнулся и едва успел ухватиться за поручень. Выпрямился, перевел дух.

Все, выше только поплевывающие искрами трубы да едва различимые во тьме мачты.

Возле кованной стальными клепками двери Гош предостерегающе поднял палец: тихо! Пожалуй, предосторожность была излишней — море так расшумелось, что из рубки все равно ничего бы не услышали.

— Тут вход в капитанский мостик и рулевая рубка! — крикнул Фокс. Без приглашений капитана входить нельзя!

Гош выдернул из кармана револьвер, взвел курок. Фандорин сделал то же самое.

— Вы помалкивайте! — на всякий случай предупредил сыщик чересчур инициативного дипломата. — Я сам! Ох, зря я вас послушал! — И решительно толкнул дверь.

Вот тебе раз — дверь не подалась. — Заперся, — констатировал Фандорин. — Подайте голос, Фокс.

Штурман громко постучал и крикнул:

— Captain, it's me, Jeremy Fox! Please open! We have an emergency![26]

Из-за двери глухо донесся голос Ренье:

— What happened, Jeremy?[27]

---

[26] Примечания: 26

Капитан, это я, Джереми Фокс! Пожалуйста, откройте! Чрезвычайное происшествие! *(англ.)*

[27] Примечания: 27

Что случилось, Джереми? *(англ.)*

Дверь осталась закрытой.

Штурман растерянно оглянулся на Фандорина. Тот показал на комиссара, потом приставил палец к своему виску и изобразил, что спускает курок. Гош не понял, что означает эта пантомима, но Фокс кивнул и заорал во всю глотку:

— The French cop shot himself.[28]

Дверь немедленно распахнулась, и Гош с удовольствием предъявил капитану свою мокрую, но вполне живую физиономию. А заодно черную дырку в дуле «лефоше».

Ренье вскрикнул и отшатнулся, словно от удара. Вот это улика так улика: человек с чистой совестью так от полиции не шарахается, и Гош уже безо всяких колебаний схватил моряка за ворот брезентовой куртки.

— Рад, что известие о моей смерти произвело на вас такое впечатление, господин раджа, — промурлыкал комиссар и гаркнул свое знаменитое на весь Париж. — Руки выше ушей! Вы арестованы!

От этих слов, бывало, падали в обморок самые отпетые парижские головорезы.

У штурвала полуобернувшись застыл рулевой.

---

[28] Примечания: 28
Французский полицейский застрелился. *(англ.)*

Он тоже вскинул руки, и колесо слегка поехало вправо.

— Держи штурвал, идиот! — прикрикнул на него Гош.

— Эй, ты! — ткнул он пальцем в одного из вахтенных. — Срочно первого помощника сюда, пусть принимает корабль. А пока распоряжайтесь вы, Фокс. И живей, чтоб вам! Командуйте машинному отделению — «стоп-машина» или, не знаю, «полный назад», но только не стойте, как истукан!

— Нужно смотреть, — сказал штурман, склоняясь над картой. — Может быть, еще не поздно просто взять лево.

С Ренье все было ясно. Голубчик даже не пытался изображать негодование, просто стоял, опустив голову. Пальцы поднятых рук мелко подрагивали.

— Ну, пойдем поговорим, — задушевно сказал ему Гош. — Ай, как славно мы поговорим.

Рената Клебер

К завтраку Рената вышла позже всех и потому узнала о событиях минувшей ночи самой последней. Все наперебой кинулись рассказывать ей невообразимые, кошмарные вести.

Оказывается, капитан Ренье уже не капитан. Оказывается, Ренье никакой не Ренье. Оказывается, он сын того самого раджи. Оказывается, это он всех убивал. Оказывается, ночью пароход чуть не погиб.

— Мы спали мирным сном в своих каютах, — с расширенными от ужаса глазами шептала Кларисса Стамп, — а этот человек тем временем вел корабль прямо на скалы. Представляете, что было бы дальше? Душераздирающий скрежет, толчок, треск разодранной обшивки! От удара падаешь с кровати на пол и в первый миг ничего не можешь понять. Потом крики, топот ног. Пол все больше и больше кренится на сторону. И самое страшное: пароход все время двигался, а теперь остановился! Все выбегают на палубу раздетые…

— Not me![29] — решительно вставила мадам

---

[29] Примечания: 29
Только не я! *(англ.)*

Труффо.

— …Матросы пытаются спустить на воду лодки, — все тем же мистически приглушенным голосом продолжала впечатлительная Кларисса, не обратив внимания на реплику докторши. — Но толпы пассажиров мечутся по палубе и мешают. От каждой новой волны корабль все больше заваливается на бок. Нам уже трудно удерживаться на ногах, приходится за что-нибудь держаться. Ночь черна, море ревет, в небе гроза… Одну шлюпку, наконец, спустили на воду, но обезумевшие от страха люди так набились в нее, что она перевернулась. Маленькие дети…

— П-пожалуй, довольно, — мягко, но решительно прервал живописательницу Фандорин.

— Вам бы, мадам, морские романы писать, — неодобрительно заметил доктор.

Рената же так и застыла, схватившись рукой за сердце. Она и без того была бледной, невыспавшейся, а от всех этих известий совсем позеленела.

— Ой, — сказала она и повторила. — Ой.

Потом строго попеняла Клариссе:

— Зачем вы рассказываете мне всякие гадости? Разве вы не знаете, что в моем положении нельзя такое слушать?

Барбоса за столом не было. Непохоже на него — завтрак пропускать.

— А где мсье Гош? — спросила Рената.

— Все есе допрасивает арестованного, — сообщил японец. В последние дни он перестал держаться букой и больше не смотрел на Ренату зверенышем.

— Неужели мсье Ренье признался во всех этих невообразимых вещах? — ахнула она. — Он на себя наговаривает! Должно быть, просто помутился в рассудке. Знаете, я давно уже замечала, что он немного не в себе. Это он сам сказал, что он сын раджи? Хорошо, что не сын Наполеона Бонапарта. Бедняга просто свихнулся, это же ясно!

— Не без того, сударыня, не без того, — раздался сзади усталый голос комиссара Гоша.

Рената не слышала, как он вошел. Оно и немудрено — шторм кончился, но море еще было неспокойно, пароход покачивался на сердитых волнах, и все время что-то поскрипывало, позвякивало, потрескивало. Пробитый пулей Биг-Бен маятником не качал, зато покачивался сам — рано или поздно этот дубовый урод обязательно грохнется, мимоходом подумала Рената и сосредоточилась на Барбосе.

— Ну что там, рассказывайте! — потребовала

она. Полицейский неторопливо прошел к своему месту, сел. Поманил стюарда, чтобы налил кофе.

— Уф, совсем вымотался, — пожаловался комиссар.

— Что пассажиры? В курсе?

— Весь пароход гудит, но подробности пока мало кому известны, ответил доктор. — Мне все рассказал мистер Фокс, а я счел своим долгом информировать присутствующих.

Барбос посмотрел на Фандорина и рыжего Психа, удивленно покачал головой:

— Однако вы, господа, не из болтливых.

Смысл реплики Рената поняла, но это сейчас к делу не относилось.

— Что Ренье? — спросила она. — Неужели признался во всех этих злодеяниях?

Барбос с наслаждением отпил из чашки. Какой-то он сегодня не такой.

Перестал быть похожим на старого, брехливого, но в общем не кусачего пса.

Этакий, пожалуй, и цапнуть может. Зазеваешься — кусок мяса оторвет. Рената решила, что переименует комиссара в Бульдога.

— Хорош кофеек, — похвалил Бульдог. — Признался, конечно, признался. Куда ж ему деваться. Пришлось, само собой, повозиться, но у

старого Гоша опыт большой. Сидит ваш приятель Ренье, пишет показания. Расписался — не остановишь. Я ушел, чтоб не мешать.

— Почему это он «мой»? — встревожилась Рената. — Вы это бросьте. Просто вежливый человек, оказывал услуги беременной женщине. И не верю я, что он такой уж монстр.

— Вот допишет признание — дам почитать, — пообещал Бульдог. — По старой дружбе. Столько часов за одним столом просидели. Теперь-то уж все, расследование закончено. Надеюсь, мсье Фандорин, вы не станете адвокатировать моему клиенту? Уж этому-то гильотины никак не избежать.

— Скорее, сумасшедшего дома, — сказала Рената.

Русский тоже хотел было что-то сказать, но воздержался. Рената посмотрела на него с особым интересом. Свеженький, хорошенький, словно всю ночь сладко проспал в постельке. Да и одет, как всегда, с иголочки: белый пиджак, шелковый жилет в мелкую звездочку. Очень любопытный типаж, таких Рената еще не встречала.

Дверь распахнулась так резко, что чуть не слетела с петель. На пороге стоял матрос, дико вращая глазами. Увидев Гоша, подбежал к нему

и зашептал что-то, отчаянно размахивая руками.

Рената прислушалась, но разобрала только «bastard» и «by my mother's grave»[30]

Что еще там такое стряслось?

— Доктор, выйдем-ка в коридор. — Бульдог недовольно отодвинул тарелку с яичницей. — Переведите мне, что бормочет этот парень.

Они вышли втроем.

— Что-о?! — донесся из коридора рев комиссара. — А ты куда смотрел, скотина?!

Удаляющийся топот ног. Тишина.

— Я отсюда ни ногой до тех пор, пока не вернется мсье Гош, — твердо заявила Рената.

Остальные, кажется, были того же мнения. В салоне «Виндзор» повисло напряженное молчание.

Комиссар и Труффо вернулись через полчаса. Вид у обоих был мрачный.

— Случилось то, чего следовало ожидать, — торжественно объявил коротышка доктор, не дожидаясь вопросов. — В этой трагической истории поставлена точка. И поставил ее сам преступник.

— Он мертв? — воскликнула Рената, порывисто

---

[30] Примечания: 30
Ублюдок. Клянусь могилой матери. *(англ.)*

поднявшись.

— Совершил самоубийство? — спросил Фандорин. — Но как? Разве вы не приняли мер п-предосторожности?

— Как не принять, принял, — обескураженно развел руками Гош, — В карцере, где я его допрашивал, из мебели только стол, два стула и койка.

Ножки привинчены к полу. Но если уж человек решил, что непременно хочет умереть, — его не остановишь. Ренье разбил себе лоб об угол стены. Там в карцере в углу такой выступ… Да так ловко провернул, что часовой не слышал ни звука. Открыли дверь, чтоб завтрак внести, а он лежит на полу в луже крови. Я велел не трогать, пусть пока полежит.

— Позвольте взглянуть? — спросил Фандорин.

— Валяйте. Любуйтесь сколько хотите, а я дозавтракаю. — И Бульдог преспокойно придвинул остывшую яичницу.

Взглянуть на самоубийцу пошли вчетвером: Фандорин, Рената, японец и, как это ни странно, докторша. Кто бы мог ожидать от чопорной козы такого любопытства?

Рената, стуча зубами, заглянула в карцер поверх фандоринского плеча.

Увидела знакомую широкоплечую фигуру,

вытянувшуюся наискось, черноволосой головой к угловому выступу стены. Ренье лежал ничком, правая рука неестественно вывернулась.

Внутрь Рената входить не стала — и так видела достаточно. Остальные вошли, присели над телом на корточки.

Японец приподнял голову мертвеца, зачем-то потрогал пальцем окровавленный лоб. Ах да, он ведь врач.

— Oh Lord, have mercy upon this sinful creature,[31] — набожно произнесла мадам Труффо.

— Аминь, — сказала Рената и отвернулась, чтобы не видеть этого тягостного зрелища.

В салон вернулись молча.

И вовремя вернулись — Бульдог закончил трапезу, вытер жирные губы салфеткой и придвинул к себе черную папку.

— Я обещал, что покажу вам показания нашего бывшего соседа по столу, — невозмутимо сказал он, кладя перед собой три сплошь исписанных листа бумаги — два целых и еще половинку. — Так вышло, что это не просто признание, а предсмертное письмо. Но сути дела это не меняет. Угодно

---

[31] Примечания: 31
Господи, смилуйся над сим грешным созданием. *(англ.)*

ли послушать?

Повторять приглашение не пришлось — все собрались вокруг комиссара и затаили дыхание. Бульдог взял первый листок, отодвинул подальше от глаз и стал читать.

> Представителю французской полиции
> Г-ну комиссару Гюставу Гошу
>
> 19 апреля 1878 г., 6.15 утра На борту «Левиафана»
>
> Я, Шарль Ренье, делаю нижеследующее признание по доброй воле и безо всякого принуждения, единственно из желания облегчить свою совесть и объяснить мотивы, побудившие меня на совершение тяжких преступлений.
>
> Судьба всегда обходилась со мной жестоко…

— Ну, эту песню я слышал тысячу раз, — прокомментировал комиссар, прерывая чтение. — Еще ни один убийца, грабитель или там растлитель малолетних не сказал на суде, что судьба осыпала его своими дарами, а он, сукин сын, оказался их недостоин. Ладно, едем дальше.

Судьба всегда обходилась со мной жестоко, а если обласкала на заре жизни, то лишь затем, чтобы потом побольнее ужалить. Ранние мои годы прошли в неописуемой роскоши. Я был единственным сыном и наследником баснословно богатого раджи, человека очень доброго, постигшего премудрость и Востока, и Запада. До девяти лет я не знал, что такое злоба, страх, обида, неисполненное желание. Мать тосковала в чужой стране и все время проводила со мной, рассказывая мне о прекрасной Франции и веселом Париже, где она выросла. Отец впервые увидел ее в клубе «Багатель», где она была первой танцовщицей, и влюбился без ума. Франсуаза Ренье (такова девичья фамилия моей матери — я взял то же имя, когда получал французское подданство) не устояла перед соблазнами, которые сулил ей брак с восточным владыкой, и стала его женой. Но замужество не принесло ей счастья, хотя она искренне почитала моего отца и сохранила ему верность до сего дня.

Когда Индию захлестнула волна кро-

вавого мятежа, мой отец почувствовал опасность и отправил жену и сына во Францию. Раджа знал, что англичане давно зарятся на его заветный ларец и непременно устроят какую-нибудь подлость, чтобы завладеть сокровищами Брахмапура.

Первое время мы с матерью жили в Париже очень богато — в собственном особняке, окруженные многочисленными слугами. Я учился в привилегированном лицее. вместе с детьми коронованных особ и миллионеров. Но потом все переменилось, и я сполна испил чашу нужды и унижений.

Никогда не забуду тот черный день, когда мать в слезах сообщила мне, что у меня больше нет ни отца, ни титула, ни родины. Лишь год спустя через британское посольство в Париже мне передали единственное наследство, завещанное отцом: томик Корана. К тому времени мать уже крестила меня и я ходил к мессе, однако я поклялся себе, что выучусь читать по-арабски и непременно прочту записи, сделанные на полях Священной

Книги рукою отца. Много лет спустя я осуществил свое намерение, но об этом я напишу позже.

— Терпение, терпение, — сказал Гош, лукаво улыбнувшись. — До этого мы еще дойдем. Пока идет лирика.

Из особняка мы съехали сразу же после получения горестного известия. Сначала в дорогой отель, потом в гостиницу попроще, потом в меблированные комнаты. Слуг становилось все меньше, и в конце концов мы остались вдвоем. Мать никогда не была практичной — ни в годы своей бурной юности, ни позднее. Драгоценностей, которые она захватила с собой в Европу, хватило на два-три года, после чего мы впали в настоящую нужду. Я ходил в обычную школу, где меня били и звали «черномазым». Такая жизнь научила меня скрытности и злопамятности. Я вел тайный дневник, в который записывал имена своих обидчиков, чтобы отомстить каждому из них, когда подвернется удобный случай. И рано или поздно случай непременно подворачивался.

Одного из врагов своего несчастного отрочества я повстречал в Нью-Йорке много лет спустя. Он не узнал меня — к тому времени я сменил фамилию и стал совсем непохож на тощего затравленного «индюшку», как дразнили меня в школе. Я подстерег старого знакомца вечером, когда он пьяный возвращался из кабака. Я представился ему своим прежним именем и оборвал его удивленный возглас ударом складного ножа в правый глаз — этому приему я научился в притонах Александрии. Признаюсь в этом убийстве, потому что оно вряд ли отяготит мою участь еще более.

— Это уж точно, — подтвердил Бульдог. — Тут уж все равно — трупом больше, трупом меньше.

Когда мне было тринадцать лет, мы переехали из Парижа в Марсель, потому что там дешевле жить и потому что у матери там были родственники. Шестнадцати лет, совершив проступок, о котором мне не хочется вспоминать, я сбежал из дому и завербовался юнгой на шхуну. Два года плавал по Средиземно-

морью. Это был тяжелый, но полезный опыт. Я стал сильным, безжалостным и гибким. Впоследствии это позволило мне стать первым из курсантов марсельской Эколь Маритим. Я окончил училище с медалью и с тех пор плавал на самых лучших кораблях французского торгового флота. Когда в конце прошлого года был объявлен конкурс на должность первого лейтенанта суперпарохода «Левиафан», мой послужной список и отличные рекомендации обеспечили мне победу. Но к тому времени у меня уже появилась Цель.

Гош взял второй лист и предупредил:
— Вот оно начинается, самое интересное.

В детстве меня учили арабскому, но учителя были слишком снисходительны к наследному принцу и научился я немногому. Позднее, когда мы с матерью оказались во Франции, уроки вовсе прекратились, и я быстро забыл то немногое, что знал. Долгие годы Коран с отцовскими пометками казался мне волшебной книгой, в магической вязи которой простому

смертному ни за что не разобраться. Как потом благодарил я судьбу за то, что не попросил какого-нибудь знатока арабского прочесть письмена на полях!

Нет, я во что бы то ни стало должен был проникнуть в эту тайну сам. Я вновь занялся арабским, когда плавал в Магриб и Левант. Понемногу Коран начинал разговаривать со мной голосом моего отца. Но прошли долгие годы, прежде чем рукописные заметки — цветистые изречения мудрецов, обрывки стихов и житейские советы любящего отца сыну — намекнули мне, что заключают в себе некий шифр. Если прочесть записи в определенной последовательности, они обретали смысл точной и подробной инструкции, но понять это мог только тот, кто изучил пометки наизусть, много думал над ними и запечатлел их в памяти своего сердца. Дольше всего бился я над строчкой из неведомого мне стихотворения:

Платок, отцовской кровью обагренный,

Посланец смерти принесет те-

бе.

Лишь год назад, читая мемуары одного английского генерала, похвалявшегося своими «подвигами» во время Великого восстания (мой интерес к этой теме вполне понятен), я прочел о предсмертном даре брахмапурского раджи своему маленькому сыну. Оказывается, Коран был завернут в платок! У меня словно пелена упала с глаз. Несколько месяцев спустя лорд Литтлби выставил свою коллекцию в Лувре. Я был самым прилежным из посетителей этой выставки. Когда я, наконец, увидел платок моего отца, мне открылось значение строчек:

И формою своей остроконечной
Подобен он рисунку и горе.

А также:

Но райской птицы глаз бездонный
Способен в тайну заглянуть.

Надо ли объяснять, что все годы из-

гнания я только и грезил, что глиняным ларцом, в котором таилось все богатство мира? Сколько раз я видел во сне, как откидывается землистая крышка, и я вновь, как в далеком детстве, вижу неземное сияние, разливающееся по вселенной.

Сокровище по праву принадлежит мне, я — законный наследник! Англичане обокрали меня, но не сумели воспользоваться плодами своего вероломства. Гнусный стервятник Литтлби, кичащийся ворованными «раритетами», по сути дела был обычным скупщиком краденого. Я не испытывал ни малейших сомнений в своей правоте и боялся только одного — что не справлюсь с поставленной задачей.

Я и в самом деле совершил ряд непростительных, страшных ошибок. Первая — смерть слуг и особенно бедных детей. Я, конечно же, не хотел убивать этих ни в чем не повинных людей. Как вы правильно догадались, я прикинулся медиком и ввел им раствор опия. Я хотел всего лишь усыпить их, но по неопытности и из боязни, что снотворное не подействует, неправильно рассчитал дозу.

Второе потрясение ждало меня наверху. Когда я разбил стекло витрины и дрожащими от благоговения руками прижал к лицу отцовский платок, одна из дверей вдруг открылась и, хромая, вышел хозяин дома. По имевшимся у меня сведениям, лорд должен был находиться в отъезде, а тут вдруг он предстал передо мной, да еще с пистолетом в руке. У меня не было выбора. Я схватил статуэтку Шивы и со всей силы ударил лорда по голове. Он не упал навзничь, а повалился вперед, обхватив меня руками и забрызгав мою одежду кровью.

Под белым халатом на мне был парадный мундир — морские темно-синие рейтузы с красным кантом очень похожи на брюки муниципальной медицинской службы. Я был так горд своей хитростью, но в конечном итоге она-то меня и погубила. В предсмертной судороге несчастный содрал с моей груди, из-под распахнувшегося халата, эмблему «Левиафана». Я заметил пропажу, лишь вернувшись на пароход. Сумел раздобыть замену, однако роковой след был оставлен.

Я не помню, как выбрался из дома. Через дверь уходить не решился, перелез через ограду сада. Пришел в себя на берегу Сены. В одной руке окровавленная статуэтка, в другой пистолет — сам не знаю, зачем я подобрал его. Содрогнувшись от омерзения, я швырнул и то, и другое в воду. Платок лежал в кармане кителя, под белым халатом, и согревал мне сердце.

А на следующий день я узнал из газет, что стал убийцей не только лорда Литтлби, но и еще девяти человек. Свои переживания по этому поводу я опускаю.

— Да уж, — кивнул комиссар. — И без того чересчур чувствительно. Будто перед присяжными выступает. Мол, судите сами, господа, мог ли я поступить иначе? Вы на моем месте сделали бы то же самое. Тьфу! — И продолжил чтение.

Платок сводил меня с ума. Волшебная птица с пустотой вместо глаза возымела надо мной странную власть. Я действовал словно не сам по себе, а повинуясь тихому голосу, который отныне вел и направлял меня.

— Ну, это он на предмет психической невменяемости удочку закидывает, — понимающе усмехнулся Бульдог. — Знаем эти штучки, слыхали.

Когда мы плыли по Суэцу, платок исчез из моего секретера. Я почувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Мне и в голову не пришло, что платок украден. К тому времени я был уже до такой степени во власти мистического чувства, что платок представлялся мне живым и одухотворенным существом. Оно сочло меня недостойным и покинуло меня. Я был безутешен и если не наложил на себя руки, то лишь в надежде, что платок сжалится надо мной и вернется. Огромного труда стоило мне скрывать от вас и сослуживцев свое отчаяние.

А потом, накануне прибытия в Аден, произошло чудо! Я вбежал в каюту мадам Клебер, услыхав ее испуганный крик, и вдруг увидел невесть откуда взявшегося негра, на шее которого был повязан мой исчезнувший платок. Теперь-то мне ясно, что дикарь за пару дней до того побывал

в моей каюте и просто прихватил с собой яркий кусок ткани, но в ту минуту я испытал ни с чем не сравнимый священный ужас. Словно сам черный ангел Тьмы явился из преисподней, чтобы вернуть мне мое сокровище!

В завязавшейся схватке я убил чернокожего и, воспользовавшись полуобморочным состоянием мадам Клебер, незаметно снял с мертвеца платок. С тех пор я все время носил его на груди, не расставаясь с ним ни на миг.

Убийство профессора Свитчайлда я совершил вполне хладнокровно, с восхитившей меня самого расчетливостью. Свою сверхъестественную предусмотрительность и быстроту реакции я всецело отношу на счет магического влияния платка. По первым же сумбурным словам Свитчайлда я понял, что он докопался до тайны платка и вышел на след сына раджи — на мой след. Нужно было заставить профессора замолчать, и я сделал это. Платок был доволен мной — я почувствовал это по тому, как нагрелась шелковая ткань, лаская мое измученное

сердце.

Но устранив Свитчайлда, я всего лишь добился отсрочки. Вы, комиссар, обложили меня со всех сторон. До прибытия в Калькутту вы и в особенности ваш проницательный помощник Фандорин…

Гош недовольно хмыкнул и покосился на русского:

— Поздравляю, мсье. Удостоились комплимента от убийцы. Спасибо хоть, что записал вас в мои помощники, а не меня в ваши.

Можно себе представить, с каким удовольствием Бульдог зачеркнул бы эту строчку, чтобы она не попала на глаза парижскому начальству. Но из песни слова не выкинешь. Рената взглянула на русского. Тот потянул острый кончик уса и жестом попросил полицейского продолжать.

…помощник Фандорин непременно исключили бы одного за другим всех подозреваемых, и тогда остался бы только я. Одной-единственной телеграммы в отдел натурализации министерства внутренних дел было бы довольно, чтобы установить, какую фамилию теперь носит сын раджи Багдассара. Да и из регистров

Эколь Маритим видно, что поступал я под одной фамилией, а выпускался уже под другой.

И я понял, что пустой глаз райской птицы — это не путь к земному блаженству, а дорога в вечное Ничто. Я принял решение уйти в бездну, но не как жалкий неудачник, а как великий раджа. Мои благородные предки никогда не умирали в одиночку. Вслед за ними на погребальный костер восходили их слуги, жены и наложницы. Я не жил властелином, но зато умру, как подобает истинному владыке — так я решил. И возьму с собой в последнее путешествие не рабов и прислужниц, а цвет европейского общества. Траурной колесницей мне будет исполинский корабль, чудо европейского технического прогресса! Размах и величие этого плана захватили меня. Ведь это еще грандиозней, чем обладание несметным богатством!

— Тут он врет, — отрезал Гош. — Нас-то потопить он хотел, а для себя лодку приготовил.

Комиссар взял последний листок — точнее

половину листка.

Трюк, который я провернул с капитаном Клиффом, был подл — это я признаю. В свое частичное оправдание могу сказать, что не ожидал такого печального исхода. Я отношусь к Клиффу с искренним уважением. Мне ведь хотелось не только завладеть «Левиафаном», но и сохранить жизнь славному старику. Ну, помучился бы он какое-то время, тревожась за дочь, а потом выяснилось бы, что с ней все в порядке. Увы, злой рок преследует меня во всем. Мог ли я предположить, что капитана хватит удар? Проклятый платок, это он во всем виноват!

В день, когда «Левиафан» покинул бомбейский порт, я сжег пестрый шелковый треугольник. Я сжег мосты.

— Как сжег! — ахнула Кларисса Стамп. — Так платка больше нет?

Рената впилась взглядом в Бульдога. Тот равнодушно пожал плечами и сказал:

— И слава Богу, что нет. Ну их, сокровища, к черту — так я вам скажу, дамы и господа. Целее будем. Скажите, Сенека какой выискался.

Рената сосредоточенно потерла подбородок.

> Вам трудно в это поверить? Что ж, в доказательство своей искренности я расскажу, в чем секрет платка. Теперь нет нужды это скрывать.

Комиссар прервался и хитро посмотрел на русского.

— Сколько мне помнится, мсье, вы минувшей ночью хвастались, что разгадали эту тайну. Поделитесь-ка с нами своей догадкой, а мы проверим, такой ли вы проницательный, как кажется покойнику.

Фандорин нисколько не смутился.

— Это д-довольно просто, — сказал он небрежно.

Рисуется, подумала Рената, но все равно хорош. Неужто правда догадался?

— Итак, что нам известно о платке? Он т-треугольный, причем одна сторона ровная, а две другие несколько извилисты. Это раз. Изображена на платке птица, у которой вместо г-глаза дырка. Это два. Вы, конечно, помните и описание брахмапурского дворца, в частности его верхнего яруса: гряда гор на горизонте, ее зеркальное отражение на фресках. Это т-три.

— Ну, помним, и что с того? — спросил Псих.

— Но как же, сэр Реджинальд, — деланно удивился русский. — Ведь мы с вами в-видели рисунок Свитчайлда! Там было все необходимое для разгадки:

Треугольный платок, зигзагообразная линия, слово «дворец».

Он вынул из кармана носовой платок, сложил его по диагонали получился треугольник.

— Платок является к-ключом, с помощью которого обозначено место, где спрятан клад. Форма платка соответствует контуру одной из гор, изображенных на фресках. Нужно всего лишь приложить верхний угол п-платка к вершине этой горы. Вот так.

— Он положил треугольник на стол и обвел его пальцем. — И тогда глаз птицы Калавинки обозначит ту т-точку, где следует искать. Разумеется, не на рисованной, а на настоящей горе. Там должна быть какая-нибудь пещера или что-то в этом роде. Комиссар, я прав или ошибаюсь?

Все обернулись к Гошу. Тот надул свои брыли, сдвинул кустистые брови и стал совсем похож на старого, угрюмого бульдога.

— Не знаю, как вы это проделываете, — буркнул он. — Я прочел письмо еще там, в карцере,

и ни на секунду не выпускал его из рук… Ладно, слушайте.

Во дворце моего отца есть четыре зала, где проводились официальные церемонии: в Северном — зимние, в Южном — летние, В Восточном — весенние и в Западном осенние. Если вы помните, об этом рассказывал покойный Свитчайлд. Там, действительно, есть настенная роспись, изображающая горный ландшафт, вид на который открывается через высокие, от пола до потолка окна. Прошло много лет, но стоит мне зажмуриться, и я вижу перед собой этот пейзаж. Я много путешествовал и многое видел, но в мире нет зрелища прекрасней! Отец зарыл ларец под большим бурым камнем, расположенным на одной из гор. Какой из множества горных пиков имеется в виду, можно узнать, поочередно приложив платок к изображениям гор на фресках. Та, чей силуэт идеально совпадет с тканью, и хранит сокровище. Место, где следует искать камень, обозначено пустым глазом райской птицы. Конечно, даже человеку,

знающему, в каком секторе нужно искать, понадобились бы долгие часы, а то и дни, чтобы обнаружить камень — ведь зона поиска охватывала бы сотни метров. Но путаницы возникнуть не может. В горах много бурых валунов, но на обозначенной части склона такой всего один. «Соринкой в глазу бурый камень, один среди серых камней», — гласит запись в Коране. Сколько раз я представлял себе, как разобью на заветной горе палатку и не спеша, с замиранием сердца, буду бродить по обозначенному склону в поисках этой «соринки». Но судьба распорядилась иначе.

Что ж, видно, изумрудам, сапфирам, рубинам и алмазам суждено лежать там до тех пор, пока землетрясение не столкнет валун вниз. Даже если это произойдет через сто тысяч лет, с драгоценными камнями ничего не случится — они вечные.

А со мной покончено. Проклятый платок забрал все мои силы и весь мой разум. Жизнь утратила смысл. Я раздавлен, я сошел с ума.

— И тут он совершенно прав, — заключил комиссар, откладывая половинку листка. — Все, на этом письмо обрывается.

— Что ж, Ренье-сан поступил правирьно, — сказал японец. — Он недостойно жир, но достойно умер. За это ему многое простится, и в средуюсем рождении он поручит новый сянс исправить свои прегресения.

— Не знаю, как насчет следующего рождения, — Бульдог аккуратно сложил листки и убрал в черную папку, — а мое расследование, слава Богу, закончено. Отдохну немножко в Калькутте, и назад, в Париж. Дело закрыто.

И тут русский дипломат преподнес Ренате сюрприз.

— То есть как з-закрыто? — громко спросил он. — Вы опять торопитесь, комиссар.

И обернулся к Ренате, наставив на нее два стальных дула своих холодных голубых глаз.

— А разве мадам Клебер нам ничего не расскажет?

Этот вопрос застал врасплох всех. Впрочем нет, не всех — Кларисса с удивлением поняла, что будущая мать нисколько не растерялась. Она, правда, едва заметно побледнела и на миг закусила пухлую нижнюю губу, но ответила уверенно, громко и почти без паузы:

— Вы правы, мсье, мне есть что рассказать. Но только не вам, а представителю закона.

Она беспомощно взглянула на комиссара и с мольбой произнесла:

— Ради Бога, сударь, я бы хотела сделать свое признание наедине.

Похоже, события приняли для Гоша совершенно неожиданный оборот.

Сыщик захлопал глазами, подозрительно посмотрел на Фандорина и, важно выпятив двойной подбородок, прогудел:

— Ладно, идем ко мне в каюту, коли вам так приспичило.

У Клариссы создалось ощущение, что полицейский понятия не имел, в чем именно собирается признаваться ему мадам Клебер.

Что ж, комиссара трудно было в этом винить —

Кларисса и сама не поспевала за стремительным ходом событий.

Едва за Гошем и его спутницей закрылась дверь, Кларисса вопросительно взглянула на Фандорина, который один, кажется, точно знал, что именно происходит. Впервые за день она посмела посмотреть на него вот так, прямо, а не искоса и не из-под опущенных ресниц.

Никогда еще она не видела Эраста (да-да, про себя можно и по имени) таким обескураженным. Его лоб был наморщен, в глазах застыла тревога, пальцы нервно барабанили по столу. Неужто даже этот уверенный, обладающий молниеносной реакцией человек утратил контроль над развитием событий?

Минувшей ночью Кларисса уже видела его смущенным, но не более мгновения.

Тогда он быстро пришел в себя.

А было так.

После бомбейской катастрофы она три дня просидела в своей каюте.

Горничной сказалась нездоровой, ела у себя, а прогуляться выходила только под покровом ночи, как какая-нибудь воровка.

Со здоровьем все было в порядке, но как показаться на глаза свидетелям ее позора, а особенно

ему? Подлец Гош выставил ее на всеобщее осмеяние, унизил, облил грязью. А хуже всего, что его даже нельзя уличить во *лжи* — все правда, от первого до последнего слова. Да, сразу же после вступления в права наследства помчалась в Париж, о котором столько слышала, столько читала. Как мотылек на огонь. И опалила крылышки. Достаточно того, что эта постыдная история лишила ее последних крох самоуважения, так теперь еще все знают: мисс Стамп — блудница, доверчивая идиотка, презренная жертва профессионального жиголо!

Два раза справиться о здоровье наведывалась миссис Труффо.

Разумеется, хотела насладиться зрелищем клариссиного унижения: притворно охала, сетовала на жару, а у самой бесцветные глазки так и светились торжеством — мол, что, милочка, кто из нас настоящая леди?

Зашел японец, сказал, что у них принято «наносить визит соборезнования», если кто-то хворает. Предлагал врачебные услуги. Смотрел участливо.

Наконец, постучался и Фандорин. С ним Кларисса разговаривала резко и двери не открыла — сослалась на мигрень.

Ничего, говорила себе она, уныло поедая бифштекс в полном одиночестве. Перетерпеть девять дней до Калькутты. Подумаешь — девять дней просидеть взаперти. Сущая ерунда, если провела в заточении без малого четверть века. Здесь ведь лучше, чем в тетушкином доме. Одна, в комфортабельной каюте, с хорошими книгами.

А в Калькутте тихонечко соскользнуть на берег и тогда-то уж, действительно, открыть новую, незапятнанную страницу.

Но на третий день к вечеру стали одолевать мысли совсем иного рода.

О, как прав был Бард, написавший:

Есть сладость обретения свободы, Когда утратишь все, чем дорожил!

Выходило, что и в самом деле терять нечего. Поздно вечером (уж миновала полночь) Кларисса решительно привела в порядок прическу, чуть припудрила лицо, надела так шедшее ей парижское платье цвета слоновой кости и вышла в коридор. Качка бросала ее от стены к стене.

Стараясь ни о чем не думать, она остановилась у двери каюты 18, поднятая рука замерла — но на мгновение, всего на одно мгновение — и Кларисса постучала.

Эраст открыл почти сразу. Он был в синем вен-

герском халате со шнурами, в широком вырезе белела сорочка.

— Мне нужно с вами поговорить, — безапелляционно заявила Кларисса, даже забыв поздороваться.

— Д-добрый вечер, мисс Стамп, — быстро сказал он. — Что-нибудь случилось?

И, не дождавшись ответа, попросил:

— Прошу вас минуту обождать. Я п-переоденусь.

Впустил он ее, уже одетый в сюртук, с безупречно повязанным галстуком. Жестом пригласил садиться.

Кларисса села и, глядя ему в глаза, произнесла следующее:

— Только не перебивайте меня. Если я собьюсь, это будет еще ужасней… Я знаю, я намного старше вас. Сколько вам лет? Двадцать пять? Меньше? Неважно. Я ведь не прошу вас жениться на мне. Но вы мне нравитесь. Я в вас влюблена. Все мое воспитание было направлено на то, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не говорить мужчине этих слов, но мне сейчас все равно. Я не хочу больше терять времени. Я и так потратила впустую лучшие годы жизни. Я увядаю, так и не познав цветения. Если я вам хоть немного

нравлюсь, скажите мне об этом. Если нет — тоже скажите. После того стыда, который я пережила, вряд ли мне может быть намного горше. И знайте: мое парижское… приключение было кошмаром, но я о нем не жалею. Лучше кошмар, чем та сонная одурь, в которой я провела всю свою жизнь. Ну же, отвечайте мне, не молчите!

Господи, неужели она могла сказать такое вслух? Пожалуй, тут есть чем гордиться.

В первый миг Фандорин опешил, даже неромантично захлопал длинными ресницами. Потом заговорил — медленно, заикаясь гораздо больше обычного:

— Мисс Стамп… К-кларисса… Вы мне нравитесь. Очень нравитесь. Я в-восхищаюсь вами. И з-завидую.

— Завидуете? Но чему? — поразилась она.

— Вашей смелости. Т-тому, что вы не б-боитесь получить отказ и п-показаться смешной, З-знаете, я ведь в сущности очень робкий и неуверенный в себе человек.

— Вы? — еще больше изумилась Кларисса.

— Да. Я очень б-боюсь двух вещей: попасть в смешное или нелепое п-положение и… ослабить свою оборону.

Нет, она решительно его не понимала.

— Какую оборону?

— Видите ли, я рано узнал, что т-такое утрата и сильно испугался, наверно, на всю жизнь. Пока я один, моя оборона против судьбы к-крепка, я ничего и никого не б-боюсь. Человеку моего склада лучше всего быть одному.

— Я уже сказала вам, мистер Фандорин, — строго ответила на это Кларисса, — что вовсе не претендую ни на место в вашей жизни, ни даже на место в вашем сердце. И тем более не покушаюсь на вашу «оборону».

Она замолчала, потому что все слова уже были сказаны.

И надо же было случиться, чтобы в эту самую секунду в дверь забарабанили. Из коридора донесся возбужденный голос Милфорд-Стоукса:

— Мистер Фандорин, сэр! Вы не спите? Откройте! Скорей! Тут заговор!

— Оставайтесь здесь, — шепнул Эраст. — Я скоро вернусь.

Он вышел в коридор. Кларисса услышала приглушенные голоса, но слов разобрать не могла.

Минут через пять Фандорин вернулся. Он вынул из выдвижного ящика и сунул в карман какой-то маленький, но тяжелый предмет, зачем-то захватил элегантную трость и озабоченно

сказал:

— Немного побудьте здесь и возвращайтесь к себе. Кажется, дело идет к финалу.

Так вот какой финал он имел в виду… Потом, уже вернувшись в свою каюту, Кларисса слышала, как по коридору грохотали шаги, звучали взволнованные голоса, но ей, конечно, и в голову не могло придти, что над самыми мачтами гордого «Левиафана» витала смерть.

* * *

— В чем хочет признаться мадам Клебер? — нервно спросил доктор Труффо. — Мсье Фандорин, объясните нам, что происходит. Она-то здесь причем?

Но Фандорин молчал и только хмурился все тревожней. Покачиваясь под мерным натиском бортовой волны, «Левиафан» на всех парах шел на север, рассекая мутные после шторма воды Полкского пролива. Вдали зеленела полоса цейлонского берега. Утро было пасмурным, но душным. Через открытые окна наветренной стороны салон время от времени обдавало жарким, гниловатым воздухом, но поток не находил выхода и обессиленно сникал, едва шевельнув шторы.

— Кажется, я д-допустил ошибку, — пробормотал Эраст, сделав шаг к двери. — Я все время на шаг, на полшага отстаю от…

Когда грянул первый выстрел, Кларисса не поняла, что это такое — треск и треск. Мало ли что может трещать на корабле, плывущем по неспокойному морю? Но сразу же треснуло еще раз.

— Стреляют из револьвера! — воскликнул сэр Реджинальд. — Но где?

— Это в каюте комиссара! — быстро сказал Фандорин и бросился к двери.

Все ринулись следом.

Грохнуло в третий раз, а когда до каюты Гоша оставалось каких-нибудь двадцать шагов — и в четвертый.

— Оставайтесь здесь! — крикнул Эраст, не оборачиваясь, и выхватил из заднего кармана маленький револьвер. Остальные замедлили шаг, но Клариссе было совсем не страшно, она не собиралась отставать от Эраста.

Он толкнул дверь каюты и выставил вперед руку с револьвером.

Кларисса приподнялась на цыпочки и заглянула ему через плечо.

Опрокинутый стул — вот первое, что она заметила. Затем увидела комиссара Гоша. Он лежал

навзничь по ту сторону круглого полированного стола, занимавшего центральную часть комнаты. Кларисса изогнула шею, чтобы получше рассмотреть лежащего, и передернулась: лицо Гоша было чудовищно искажено, а посреди лба пузырилась темная кровь, двумя струйками стекая на пол.

В противоположном углу вжалась в стену Рената Клебер. Она была смертельно бледна, истерически всхлипывала, зубы выбивали дробь. В руке у нее подрагивал большой черный револьвер с дымящимся дулом.

— А-а! У-у! — взвыла мадам Клебер и трясущимся пальцем показала на мертвое тело. — Я… я убила его!

— Я догадался, — сухо произнес Фандорин. Не отводя наставленного револьвера, он быстро приблизился и ловким движением выхватил у швейцарки оружие. Она и не думала сопротивляться.

— Доктор Труффо! — крикнул Эраст, следя за каждым движением Ренаты. — Идите сюда!

Коротышка врач с боязливым любопытством заглянул в затянутую пороховым дымом каюту.

— Осмотрите тело, — сказал Фандорин. Причитая вполголоса по-итальянски, Труффо опустился на колени возле мертвого Гоша.

— Летальное ранение в голову, — доложил он. — Мгновенная смерть. Но это еще не все… Правый локоть прострелен. И вот здесь, левое запястье. Всего три раны.

— Ищите лучше. Б-было четыре выстрела.

— Больше нет. Видимо, одна из пуль прошла мимо. Хотя нет, постойте! Вот она — в правом колене!

— Я все расскажу, — пролепетала Рената, содрогаясь от рыданий, только уведите меня из этой ужасной комнаты!

Фандорин спрятал маленький револьвер в карман, большой положил на стол.

— Что ж, идемте. Доктор, сообщите о случившемся вахтенному начальнику, пусть выставит у двери часового. И присоединяйтесь к нам. Кроме нас вести расследование больше некому.

— Какой злосчастный рейс! — ахал Труффо, семеня по коридору. Бедный «Левиафан»!

* * *

В «Виндзоре» расположились так: мадам Клебер села за стол лицом к двери, остальные, не сговариваясь, разместились с противоположной стороны.

Лишь Фандорин занял стул рядом с убийцей.

— Господа, не смотрите на меня так, — жалобно произнесла мадам Клебер. — Я убила его, но я ни в чем не виновата. Я все-все вам расскажу, и вы увидите… Но ради Бога, дайте мне воды.

Сердобольный японец налил ей лимонаду — после завтрака со стола еще не убирали.

— Так что же произошло? — спросила Кларисса.

— Translate everything she says. — строго проинструктировала миссис Труффо вовремя вернувшегося мужа. — Everything — word for word.[32]

Доктор кивнул, вытирая платком вспотевшую от быстрой ходьбы лысину.

— Ничего не бойтесь, сударыня. Говорите всю правду, — подбодрил Ренату сэр Реджинальд. — Этот господин не джентльмен, он не умеет обращаться с дамами, но я гарантирую вам самое уважительное отношение.

Эти слова сопровождались взглядом в сторону Фандорина — взглядом, исполненным такой жгучей ненависти, что Кларисса обмерла. Что такое могло произойти между Эрастом и Милфорд-Стоуксом со вчерашнего дня? Откуда эта враждебность?

---

[32] Примечания: 32
Переводите все, что она говорит, слово в слово. *(англ.)*

— Спасибо, милый Реджинальд, — всхлипнула Рената. Она долго пила лимонад, шмыгая носом и подвывая. Потом обвела своих визави умоляющим взглядом и начала:

— Гош никакой не блюститель закона! Он преступник, сумасшедший! Тут все посходили с ума из-за этого мерзкого платка! Даже комиссар полиции!

— Вы сказали, что хотите сделать ему какое-то признание, неприязненно напомнила Кларисса. — Какое?

— Да, я утаила одно обстоятельство… Существенное обстоятельство. Я непременно во всем призналась бы, но сначала я хотела уличить комиссара.

— Уличить? Но в чем? — участливо спросил сэр Реджинальд.

Мадам Клебер перестала плакать и торжественно объявила:

— Ренье не покончил с собой. Его убил комиссар Гош! — И, видя, как потрясены слушатели этим сообщением, зачастила. — Это же очевидно! Попробуйте с разбегу разбить себе голову об угол в комнатке размером в шесть квадратных метров! Это просто невозможно. Если б Шарль решил убить себя, он снял бы галстук, привязал его к вен-

тиляционной решетке и спрыгнул бы со стула. Нет, его убил Гош! Ударил по голове чем-нибудь тяжелым, а потом инсценировал самоубийство — уже мертвого ударил головой об угол.

— Но зачем комиссару понадобилось убивать Ренье? — скептически покачала головой Кларисса. Мадам Клебер несла явную галиматью.

— Я же говорю, он совсем свихнулся от жадности! Во всем виноват платок! То ли Гош разозлился на Шарля за то, что тот сжег платок, то ли не поверил ему — не знаю. Но Гош убил его, это ясно. И когда я прямо, в глаза заявила об этом комиссару, он и не подумал отпираться. Он выхватил свой пистолет, принялся размахивать им, угрожать. Говорил, что если я не буду держать язык за зубами, то отправлюсь вслед за Ренье… — Рената снова захлюпала носом, и — о чудо из чудес! — баронет протянул ей свой платок.

Что за таинственное превращение, ведь он всегда сторонился Ренаты?

— …Ну вот, а потом он положил пистолет на стол и стал трясти меня за плечи. Мне было так страшно, так страшно! Я сама не помню, как оттолкнула его и схватила со стола оружие. Это было ужасно! Я бегала от него вокруг стола, а он за мной гонялся. Я оборачивалась и жала на крю-

чок не помню, сколько раз. Наконец, он упал… А потом вошел господин Фандорин.

И Рената разрыдалась в голос. Милфорд-Стоукс осторожно гладил ее по плечу — словно дотрагивался до гремучей змеи.

В тишине раздались гулкие хлопки. От неожиданности Кларисса вздрогнула.

— Браво! — Фандорин насмешливо улыбался и хлопал в ладоши. Б-браво, мадам Клебер. Вы великая актриса.

— Как вы смеете! — захлебнулся от возмущения сэр Реджинальд, но Эраст остановил его жестом.

— Сядьте и слушайте. Я расскажу вам, как было дело. — Фандорин был абсолютно спокоен и, кажется, ничуть не сомневался в своей правоте. — Мадам Клебер не т-только выдающаяся актриса, но вообще особа незаурядная и талантливая — во всех отношениях. С размахом, с фантазией. К сожалению, главное ее дарование лежит в сфере криминальной. Вы соучастница целой череды убийств, мадам. Точнее, не соучастница, а вдохновительница, г-главное действующее лицо. Это Ренье был вашим соучастником.

— Ну вот, — жалобно воззвала Рената к сэру Реджинальду. — И этот свихнулся. А был такой тихий, спокойный.

— Самое п-поразительное в вас — нечеловеческая быстрота реакции, как ни в чем не бывало продолжил Эраст. — Вы никогда не защищаетесь — вы наносите удар п-первой, госпожа Санфон. Ведь вы позволите называть вас настоящим именем?

— Санфон?! Мари Санфон?! Та самая!? — воскликнул доктор Труффо.

Кларисса поймала себя на том, что сидит с открытым ртом, а Милфорд-Стоукс поспешно отдернул руку от ренатиного плеча. Сама же Рената смотрела на Фандорина с состраданием.

— Да, п-перед вами международная авантюристка Мари Санфон, легендарная, гениальная и безжалостная. Ее стиль — масштабность, изобретательность, д-дерзость. Еще — отсутствие улик и свидетелей. И, the last but not the least,[33] — полное пренебрежение к человеческой жизни.

Показания Шарля Ренье, к которым мы еще вернемся, содержат п-правду пополам с ложью. Я не знаю, сударыня, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с этим человеком, но не вызывают сомнения две вещи. Ренье искренне любил вас и пытался отвести от вас подозрение

---

[33] Примечания: 33

Последнее по перечислению, но отнюдь не последнее по важности. *(англ.)*

вплоть до самой последней минуты своей жизни. И второе: именно вы побудили сына Изумрудного Раджи заняться поисками наследства — иначе вряд ли он стал бы ждать с-столько лет. Вы познакомились с лордом Литтлби, раздобыли все необходимые сведения и разработали п-план. Очевидно, поначалу вы рассчитывали выманить платок хитростью, п-прибегнув к обольщению — ведь лорд не подозревал о значении этого куска ткани. Однако вскоре вы убедились, что задача невыполнима: Литтлби был просто помешан на своей коллекции и ни за что не согласился бы расстаться ни с одним экспонатом. Выкрасть платок тоже не представлялось возможным — возле витрин постоянно дежурили вооруженные охранники. И вы решили д-действовать наверняка — с минимальным риском и, как вы любите, не оставляя следов. Скажите, вы знали, что лорд в тот роковой вечер никуда не поехал и остался дома? Уверен, что знали. Вам нужно было повязать Ренье пролитой к-кровью. Ведь слуг убивал не он — это сделали вы.

— Невозможно! — вскинул ладонь доктор Труффо. — Чтобы женщина, не имеющая медицинского образования и большого навыка, сделала девять уколов за три минуты? Исклю-

чено.

— Во-первых, можно было заранее п-подготовить девять снаряженных шприцов. А во-вторых… — Эраст изящным жестом взял из вазы яблоко и отрезал от него кусочек. — Это у господина Ренье не было опыта обращения со шприцем, зато у Мари Санфон такой опыт есть. Не забывайте, что она воспитывалась в обители винсентианок, серых сестер. Известно, что этот орден ставит своей целью оказание медицинской помощи беднякам, и винсентианок с раннего возраста готовят к служению в госпиталях, лепрозориях и богадельнях. Все эти монашки — высококвалифицированные сестры милосердия, а юная Мари, помнится, была одной из лучших.

— В самом деле, я забыл. Вы правы, — доктор покаянно склонил голову. — Но продолжайте. Больше я вас перебивать не буду.

— Итак, Париж, рю де Гренель, вечер 15 марта. В особняк лорда Литтлби приходят д-двое: молодой смуглый врач и сестра милосердия в опущенном на глаза сером монашеском капюшоне. Врач предъявляет б-бумагу с печатью мэрии, требует немедленно собрать всех, кто есть в доме. Вероятно, говорит, что время позднее, а работы еще много. Уколы делает монашка ловко, быстро,

безболезненно. Впоследствии патологоанатом не обнаружит в местах инъекции ни одной г-гематомы. Мари Санфон не забыла уроки своей богоугодной юности. Дальнейшее ясно, посему п-подробности опускаю: слуги засыпают, преступники поднимаются на второй этаж, короткая схватка Ренье с хозяином. Убийцы не заметили, что в руке лорда остался золотой значок «Левиафана». Впоследствии вам, сударыня, пришлось отдать соучастнику свою эмблему — вам легче было отвести от себя подозрения, чем первому помощнику капитана. И еще, п-полагаю, в себе вы были уверены больше, чем в нем.

Кларисса, до сей минуты зачарованно смотревшая на Эраста, мельком взглянула на Ренату. Та слушала внимательно, на лице застыло удивленно-обиженное выражение. Если это и была Мари Санфон, она пока ничем себя не выдала.

— Подозревать вас обоих я начал с того д-дня. когда на вас якобы напал бедный африканец, — доверительно сообщил Ренате рассказчик и откусил кусочек яблока белыми, ровными зубами. — Тут, конечно, виноват Ренье — запаниковал, погорячился. Вы бы придумали что-нибудь похитрее. Я восстановлю цепь событий, а вы меня п-поправьте, если ошибусь в деталях. Хорошо?

Рената сокрушенно покачала головой и подперла рукой круглую щеку.

— Ренье проводил вас до каюты — вам было, о чем поговорить, ведь в показаниях вашего сообщника говорится, что незадолго перед тем платок т-таинственным образом исчез. Вы вошли к себе, увидели огромного негра, рывшегося в ваших вещах, и в первую минуту, должно быть, испугались — если вам вообще ведомо чувство страха. Но в следующую секунду ваше сердце затрепетало от радости — вы увидели на шее д-дикаря заветный платок. Все объяснилось: шаря в каюте Ренье, беглый раб польстился на пестрый кусок материи и решил украсить им свою мощную шею. На ваш крик вбежал Ренье, тоже увидел платок и, не совладав с собой, выхватил кортик… Пришлось вам изобретать историю с мифическим нападением — ложиться на пол, взваливать на себя т-тяжелое, еще горячее тело убитого. Наверное, это было не очень приятно, да?

— Позвольте, но это чистейшей воды домыслы! — запальчиво возразил сэр Реджинальд. — Конечно же, негр напал на мадам Клебер, это очевидно! Вы опять фантазируете, мсье русский дипломат!

— Ничуть, — кротко ответил Эраст, глядя на

баронета не то с печалью, не то с жалостью. — Я ведь г-говорил, что мне доводилось видеть рабов народности нданга и раньше, в турецком плену. Знаете, почему они ценятся на Востоке так дорого? Потому что, обладая б-большой силой и выносливостью, они отличаются мягким, незлобивым нравом и абсолютно не склонны к агрессии. Это племя землепашцев, а не охотников, оно никогда ни с кем не воевало. Нданга никак не мог наброситься на мадам Клебер, даже с перепугу. Вот и мсье Аоно удивился т-тому, что на вашей нежной шее не осталось синяков от пальцев дикаря. Не странно ли?

Рената задумчиво склонила голову, словно и сама была удивлена таким казусом.

— Теперь вспомним убийство профессора Свитчайлда. Едва стало ясно, что индолог близок к разгадке, как вы, сударыня, попросили его не торопиться, рассказывать подробно и с самого начала, а тем временем послали своего сообщника якобы за шалью, на самом же деле — подготовить убийство.

Напарник понял вас без слов.

— Неправда! — звонко воскликнула Рената. — Господа, вы все свидетели! Ренье вызвался сам! Помните? Ну, мсье Милфорд-Стоукс. ведь я гово-

рю правду! Сначала я попросила вас, помните?

— Верно, — подтвердил сэр Реджинальд. — Так оно и было.

— Т-трюк для глупцов, — махнул фруктовым ножиком Фандорин. — Вы отлично знали, сударыня, что баронет вас терпеть не может и никогда ваших прихотей не исполняет. Вы провели операцию, как всегда, ловко, но на сей раз, увы, недостаточно чисто. Свалить вину на мсье Аоно вам не удалось, хоть вы и были б-близки к цели. — Тут Эраст скромно потупился, давая слушателям возможность вспомнить, кто именно разрушил цепочку улик против японца.

Он не чужд тщеславия, подумала Кларисса, однако эта черта показалась ей удивительно милой и, вот ведь странно, лишь прибавила молодому человеку привлекательности. Разрешить парадокс, как обычно, помогла поэзия:

И даже слабость милого созданья
В глазах любви достойна обожанья.

Ах, мистер дипломат, плохо вы знаете англичанок. Полагаю, что в Калькутте вам придется сделать продолжительную остановку.

Фандорин выдержал паузу и, не подозревая о том, что он — «милое созданье» и что к месту

службы он попадет позднее, чем предполагал, продолжил:

— Теперь ваше положение стало по-настоящему угрожающим. Ренье д-достаточно красноречиво изложил это в своем письме. И тогда вы принимаете страшное, но по-своему гениальное решение: потопить корабль вместе с дотошным полицейским комиссаром, свидетелями и еще тысячей человек впридачу. Что для вас жизнь т-тысячи людей, если они мешают вам стать самой богатой женщиной в мире? Хуже того — если они ставят под угрозу вашу жизнь и свободу.

Кларисса посмотрела на Ренату с суеверным ужасом. Неужели эта молодая особа, немного стервозная, но в общем, вполне заурядная, способна на такое чудовищное злодеяние? Не может быть! Однако не верить Эрасту невозможно. Он так убедителен и так красив!

По щеке Ренаты скатилась огромная, с целую фасолину слеза. В глазах застыла немая мольба: за что вы так меня мучаете? Разве я вам что-нибудь сделала? Рука мученицы скользнула к животу, лицо исказилось страданием.

— Не стоит падать в обморок, — хладнокровно посоветовал Фандорин. Лучшее средство для п-приведения в чувство — массаж пощечинами по

лицу. И не притворяйтесь слабой и беспомощной. Доктор Труффо и доктор Аоно считают, что вы здоровее б-буйвола. Сядьте, сэр Реджинальд! — Голос Эраста зазвенел сталью. — Вы еще успеете заступиться за вашу прекрасную даму. После, когда я закончу… Между прочим, дамы и господа, именно сэра Реджинальда все мы должны благодарить за спасение наших жизней. Если б не его… необычная привычка каждые три часа определять координаты корабля, сегодняшний завтрак состоялся бы не здесь, а на д-дне моря. Причем завтракали бы нами.

— «Где Полоний? — резко засмеялся баронет. — На ужине, да на таком, где не он ужинает, а его ужинают». Смешно.

Кларисса поежилась. В борт корабля ударила волна поосновательней, и на столе задребезжала посуда, а громоздкий Биг-Бен снова качнулся туда-сюда.

— Люди д-для вас — статисты, сударыня, а статистов вы никогда не жалели. Особенно, если речь идет о пятидесяти миллионах фунтов. Устоять трудно. Бедный Гош, например, дрогнул. Как неуклюже совершил убийство наш мастер сыска! Вы, к-конечно, правы — злосчастный Ренье не покончил с собой.

Я бы и сам это сообразил, но ваша наступательная тактика на время выбила меня из седла. Чего стоит одно «прощальное п-письмо»! Тон явно не предсмертный — Ренье еще надеется выиграть время, сойти за сумасшедшего. Главным же образом он полагается на вас, госпожа Санфон, он привык всецело вам д-доверяться. Гош преспокойно обрезал третью страницу в месте, которое, по его мнению, больше всего подходило для концовки. Как неуклюже! Наш комиссар совсем помешался на б-брахмапурском сокровище. Еще бы — ведь это его жалование за триста тысяч лет! — Фандорин грустно усмехнулся. Помните, с какой завистью рассказывал Гош про садовника, выгодно продавшего банкиру свою беспорочную репутацию?

— Но зачем быро убивать господина Ренье? — спросил японец. — Ведь праток соззен.

— Ренье очень хотел, чтобы комиссар в это поверил, и для вящей убедительности даже выдал тайну платка. Но Гош не поверил. — Фандорин сделал паузу и тихо добавил. — И был прав.

В салоне воцарилась мертвенная тишина. Кларисса только что вдохнула, а выдохнуть забыла. Не сразу даже поняла, отчего вдруг такая тяжесть в груди, и спохватилась — выдохнула.

— То есть платок цел? — осторожно, словно боясь спугнуть редкую птицу, спросил доктор. — Где же он?

— Этот лоскут т-тонкого шелка за утро сменил трех хозяев. Сначала он был у арестованного Ренье. Комиссар не поверил письму, обыскал пленника и нашел у него п-платок. Именно тогда, ошалев от идущего в руки богатства, он и совершил убийство. Не выдержал искушения. Как удачно складывалось: в письме сказано, что платок сожжен, убийца во всем признался, пароход идет в Калькутту, а оттуда рукой подать до Брахмапура! И Гош пошел ва-банк. Ударил ни о чем не подозревавшего арестанта чем-то тяжелым по голове, наскоро изобразил с-самоубийство и отправился сюда, в салон — ждать, когда часовой обнаружит труп. Но затем в игру вступила госпожа Санфон и переиграла нас обоих — и полицейского, и меня. Вы поразительная женщина, сударыня! — обратился Эраст к Ренате. — Я ожидал, что вы станете оправдываться и валить все на своего сообщника, благо он мертв. Ведь это было бы т-так просто! Но нет, вы поступили по-другому. По поведению комиссара вы догадались, что платок у него, и думали не об обороне, о нет! Вы хотели вернуть ключ к сокровищу, и вы

его вернули!

— Почему я должна выслушивать весь этот вздор! — со слезами в голосе воскликнула Рената. — Вы, мсье, никто! Вы просто иностранец! Я требую, чтобы моим делом занимался кто-нибудь из старших офицеров парохода!

Внезапно маленький доктор приосанился, пригладил зачес на оливковой лысине и внушительно сказал:

— Старший офицер парохода здесь, мадам. Считайте, что этот допрос санкционирован командованием судна. Продолжайте, мсье Фандорин. Вы сказали, что эта женщина сумела отнять у комиссара платок?

— Я уверен в этом. Не знаю, как ей удалось завладеть револьвером Гоша. Должно быть, бедняга совсем ее не опасался. Так или иначе, она взяла комиссара на мушку и потребовала, чтобы он немедленно вернул ей п-платок.

Когда старик заартачился, она прострелила ему сначала одну руку, потом другую, потом колено. Она пытала его! Где вы так научились стрелять, мадам?

Четыре пули, и все точно а цель. Извините, но т-трудно поверить, что Гош бегал за вами вокруг стола на простреленной ноге и с изувеченными

руками.

После третьего выстрела, не выдержав боли, он отдал вам платок, и вы добили несчастного, всадив ему заряд точнехонько в середину лба.

— Oh my God![34] — таков был комментарий миссис Труффо.

Клариссу же сейчас больше занимало другое:

— Так платок у нее?

— Да — кивнул Эраст.

— Чушь! Ерунда! Вы все сумасшедшие! — истерически расхохоталась Рената (или Мари Санфон?). — О Господи, какая нелепица!

— Это регко выяснить, — сказал японец. — Госпожу Кребер надо обыскать. Есри праток у нее, то все правда. Есри пратка у нее нет, то господин Фандорин осибся. В таких сручаях у нас в Японии разрезают дзивот.

— Никогда в моем присутствии мужские руки не посмеют обыскивать даму! — заявил сэр Реджинальд и с угрожающим видом поднялся.

— А женские? — спросила Кларисса. — Эту особу обыщем мы с мадам Труффо.

— Oh yes, it would take no time at ail,[35] — охотно

---

[34] Примечания: 34
О Боже! *(англ.)*

[35] Примечания: 35
О да, зто займет совсем немного времени. *(англ.)*

согласилась докторша.

— Делайте со мной, что хотите, — жертвенно сложила ладони Рената. Но потом вам будет стыдно…

Мужчины вышли за дверь, а миссис Труффо с невероятной ловкостью обшарила задержанную. Оглянулась на Клариссу, покачала головой.

Клариссе стало страшно — за бедного Эраста. Неужто он ошибся?

— Платок очень тонкий, — сказала она. — Дайте я сама поищу.

Ощупывать тело другой женщины было странно и стыдно, но Кларисса закусила губу и тщательно осмотрела каждый шов, каждую складку, каждую оборку на нижнем белье. Платка не было.

— Вам придется раздеться, — решительно заявила она. Это было ужасно, но еще ужаснее было представить, что платок так и не обнаружится. Какой удар для Эраста! Он не перенесет!

Рената покорно подняла руки, чтобы легче было снять с нее платье, и робко попросила:

— Ради всего святого, мадемуазель Стамп, не повредите моему ребенку.

Стиснув зубы, Кларисса принялась расстегивать ей платье. На третьей пуговице в дверь

постучали, и раздался веселый голос Эраста:

— Медам, заканчивайте обыск! Мы можем войти?

— Да-да, входите! — крикнула Кларисса, быстро застегнув пуговицы.

Мужчины выглядели загадочно. Они молча встали у стола и Эраст движением фокусника выложил на скатерть треугольный кусок ткани, переливающийся всеми цветами радуги.

— Платок! — вскрикнула Рената.

— Где вы его нашли? — спросила Кларисса, чувствуя, что вконец запуталась.

— Пока вы обыскивали г-госпожу Санфон, мы тоже не теряли времени, — с довольным видом объяснил Фандорин. — Мне пришло в г-голову, что эта предусмотрительная особа могла спрятать изобличающую улику в каюте комиссара. Времени у нее было всего несколько секунд, и далеко засунуть п-платок она не смогла. И в самом деле, платок нашелся быстро. Она скомкала его и сунула под край ковра. Так что можете полюбоваться на знаменитую птицу Калавинку.

Кларисса подошла к столу и вместе с остальными зачарованно уставилась на лоскут ткани, погубивший столько человеческих жизней.

Формой платок напоминал равнобедренный

треугольник. На глаз каждая из его сторон была вряд ли больше 20 дюймов. Рисунок поражал своей варварской пестротой: на фоне разноцветных деревьев и плодов распростерла крылья острогрудая полуженщина-полуптица, похожая на античных сирен. Ее лицо было повернуто в профиль, длинные изогнутые ресницы обрамляли маленькую дыру глаза, тщательно обшитую тончайшей золотой нитью. Кларисса подумала, что в жизни не видела ничего прекрасней.

— Да, это несомненно тот самый платок, — сказал сэр Реджинальд. — Но доказывает ли ваша находка виновность мадам Клебер?

— А саквояж? — мягко произнес Фандорин. — Вы помните саквояж, к-который мы с вами вчера обнаружили в капитанском катере? Среди прочих вещей я разглядел там плащ, который мы не раз видели наброшенным на плечи мадам Клебер. Саквояж присовокуплен к прочим вещественным доказательствам.

Наверняка в нем найдутся и другие вещи, принадлежащие нашей д-доброй знакомой.

— Что вы на это скажете, сударыня? — обратился доктор к Ренате.

— Правду, — ответила она, и в ту же секунду ее лицо изменилось до неузнаваемости.

Реджинальд Милфорд-Стоукс

...и в лице произошла поразившая меня перемена. Беззащитная, слабая, раздавленная ударом судьбы овечка словно по мановению волшебной палочки превратилась в волчицу. Плечи расправились, подбородок приподнялся, глаза зажглись опасным огнем, а ноздри затрепетали, будто перед нами была хищница — нет, не волчица, а кошачьей породы, пантера или львица, учуявшая запах свежей крови. Я поневоле отшатнулся. О, в моей защите здесь больше не нуждались!

Преображенная миссис Клебер бросила на Фандорина взгляд, исполненный такой испепеляющей ненависти, что даже этот непробиваемый господин, и тот вздрогнул.

Отлично понимаю чувства этой странной женщины. Я и сам совершенно изменил свое отношение к подлому русскому. Это страшный человек, злобный безумец, обладающий уродливой, извращенной фантазией. Как я мог относиться к нему с доверием и уважением? Невероятно!

Просто не знаю, как Вам об этом написать, милая Эмили. Перо дрожит в руке от негодования... Сначала хотел утаить от Вас, но все же

напишу, иначе Вам трудно будет понять, отчего мое отношение к Фандорину претерпело такую метаморфозу.

Вчера ночью после всех волнений и потрясений, которые я описал Вам выше, у нас с Фандориным состоялся престранный разговор, повергший меня в ярость и горестное недоумение. Русский подошел ко мне, поблагодарил за спасение корабля и с фальшивым участием, заикаясь на каждом слове, стал нести невообразимую, чудовищную чушь. Он сказал буквально следующее — я запомнил слово в слово: «Я знаю о вашем горе, сэр Реджинальд. Комиссар Гош давно уже мне все рассказал. Это, конечно, не мое дело, и я долго не решался заговорить с вами об этом, но я вижу, как вы страдаете и не могу оставаться безучастным. Я смею говорить вам все это только потому, что сам перенес такое же горе. Мне, как и вам, тоже угрожала потеря рассудка. Я сохранил разум и даже заострил его, но заплатил за это изрядным куском сердца. Поверьте, в вашем положении другого пути нет. Не уходите от истины, какой бы страшной она ни была, не прячьтесь за иллюзию. И, главное, не казните себя. Вы не виноваты в том, что кони понесли, что ваша беременная жена выпала из коляски

и разбилась. Это испытание, тяжкий экзамен, который устроила вам судьба. Я не знаю, зачем и кому нужно подвергать человека подобной жестокой проверке, но знаю одно: испытание необходимо выдержать.

Иначе конец, распад души».

Я даже не сразу понял, что имеет в виду этот мерзавец. Потом до меня дошло! Он вообразил, что вы, моя драгоценная Эмили, погибли! Это вы, беременная, выпали из коляски и расшиблись насмерть? Если бы я не был так возмущен, я расхохотался бы свихнувшемуся дипломату в лицо! Говорить такое — и как раз тогда, когда Вы с нетерпением ждете меня под лазоревым небом райских островов! С каждым часом я все ближе к Вам, моя нежная Эмили.

Теперь уже никто и ничто меня не остановит.

Только — странное дело — я никак не могу вспомнить, почему и как Вы оказались на Таити, да еще одна, без меня? Уж, верно, были на то какие-нибудь веские основания. Неважно. Мы встретимся, и Вы, милый друг, мне все объясните.

Однако возвращаюсь к своему рассказу.

Поднявшись в полный рост, который вдруг оказался не таким уж маленьким (поразительно,

как много здесь зависит от осанки и посадки головы), миссис Клебер сказала следующее — обращалась она преимущественно к Фандорину:

«Все, что вы здесь наплели, — полнейший вздор. Ни одного доказательства, ни одной прямой улики. Сплошь предположения и ни на чем не основанные догадки. Да, мое подлинное имя — Мари Санфон, но ни один суд мира еще не мог предъявить мне обвинения. Да, на меня часто клеветали, против меня плели козни многочисленные враги, не раз на меня ополчалась сама судьба, но у меня крепкие нервы, и сломить Мари Санфон непросто. Я виновна только в одном — что без памяти полюбила преступника и безумца. Мы тайно обвенчались, я ношу под сердцем его ребенка. Это он, Шарль, настаивал на сохранении нашего брака в тайне. Если мой проступок является преступлением — что ж, я готова предстать перед судом присяжных, но можете быть уверены, мсье доморощенный сыщик, что опытный адвокат развеет все ваши химеры, как дым. Что, собственно, вы можете мне предъявить? То, что в юности я жила в монастыре серых сестер и облегчала муки страждущих? Да, мне случалось делать уколы, ну и что с того? Из-за душевных терзаний, вызванных навязанной

мне конспирацией, из-за трудно протекающей беременности я пристрастилась к морфию, но теперь я нашла в себе силы избавиться от этой пагубной привычки. Мой тайный, но, учтите, вполне законный муж настоял, чтобы я отправилась в плавание под вымышленной фамилией. Так появился мифический швейцарский банкир Клебер. Меня очень мучил этот обман, но могла ли я отказать любимому? Я ведь не подозревала о его второй жизни, о его пагубной страсти, наконец, о его безумных планах!

Шарль сказал, что ему как первому помощнику капитана не пристало брать с собой в плавание супругу, однако пережить разлуку со мной он не в силах и волнуется за здоровье нашего дорогого ребенка, поэтому будет лучше, если я отправлюсь в рейс под вымышленным именем. Что же здесь преступного, спрошу я вас?

Я видела, что Шарль не в себе, что его одолевают какие-то неведомые мне страсти, но мне, конечно, и в страшном сне не могло привидеться, что это он совершил то кошмарное преступление на рю де Гренель! И я понятия не имела, что он — сын индийского раджи. Для меня шок, что мой будущий ребенок, оказывается, на четверть индиец. Бедный малютка, сын безумца. У меня не

вызывает сомнений, что Шарль в последние дни был просто невменяем.

Разве мог психически нормальный человек предпринять попытку погубить корабль? Это поступок явно больного человека. Разумеется, я знать не знала об этом бредовом плане!» Тут Фандорин перебил ее и с, гнусной усмешечкой спросил: «А ваш плащ, заботливо уложенный в саквояж?» Миссис Клебер — нет, мисс Санфон — то есть, мадам Ренье… Или мадам Багдассар? Я не знаю, как правильно ее называть. Хорошо, пусть остается миссис Клебер — так привычней. Итак, она ответила инквизитору с большим достоинством: «Видимо, муж подготовил все к бегству и собирался разбудить меня в последнюю минуту».

Фандорин не унимался. «Но ведь вы не спали, — сказал он с высокомерной миной. — Мы проходили по коридору и видели вас. Вы были полностью одеты и даже с шалью на плечах».

«Да, непонятная тревога лишила меня сна, — ответила миссис Клебер. — Видно, сердце почувствовало неладное… Странный озноб не давал мне согреться, и я набросила шаль. Это преступление?» Я был рад видеть, что добровольный прокурор стушевался. А обвиняемая со спокойной

уверенностью продолжила: «То, что я якобы пытала другого безумца, мсье Гоша, — это уж вообще за гранью правдоподобия. Я сказала вам правду. Старый болван свихнулся от алчности и угрожал мне смертью. Сама не знаю, как мне удалось все четыре выстрела направить в цель. Но это чистейшая случайность. Должно быть, само Провидение направляло мою руку. Нет, сударь, здесь у вас тоже ничего не выйдет».

От самодовольства Фандорина не осталось и следа. «Позвольте, заволновался он. — Но ведь мы нашли платок! Это вы спрятали его под ковер!» «Еще одно бездоказательное утверждение, — отрезала миссис Клебер. Платок, конечно же, спрятал Гош, похитив его у моего бедного мужа. И, несмотря на все ваши мерзкие инсинуации, я благодарна вам, сударь, что вы вернули мне мою собственность».

С этими словами она спокойно поднялась, подошла к столу и взяла платок!

«Я — законная супруга законного наследника Изумрудного Раджи, объявила эта поразительная женщина. — У меня имеется свидетельство о браке. В моем чреве — внук Багдассара. Да, мой покойный муж совершил ряд тяжких преступлений, но какое это имеет отношение ко мне и к

нашему наследству?»

Тут вскочила мисс Стамп и попыталась выхватить платок у миссис Клебер.

«Владения и имущество брахмапурского раджи конфискованы британским правительством! — весьма решительно заявила моя соотечественница, и не признать ее правоту было невозможно. — Это означает, что сокровище принадлежит ее величеству королеве Виктории!»

«Минутку! — вскочил наш добрейший доктор Труффо. — Хоть я и итальянец по рождению, но я гражданин Франции и представляю здесь ее интересы! Сокровища раджи являлись личным достоянием семьи и брахмапурскому княжеству не принадлежали, а стало быть, их конфискация незаконна! Шарль Ренье стал французским гражданином по собственной доброй воле. Он совершил тягчайшее преступление на территории своей страны. Подобное злодеяние, к тому же содеянное в корыстных целях, по законам Французской республики карается отчуждением личного имущества преступника в пользу государства. Отдайте платок, медом! Он принадлежит Франции».

И тоже весьма воинственно ухватился за край платка.

Возникла патовая ситуация, и коварный Фандорин ею воспользовался. С византийской хитростью, присущей его нации, он громко сказал: «Это серьезный вопрос, требующий разбирательства. Позвольте мне как представителю нейтральной державы временно изъять платок, чтобы вы не разорвали его на части. Я положу его вот сюда, пусть он будет на некотором отдалении от конфликтующих сторон».

С этими словами он забрал платок и отнес его к боковому столику, расположенному у подветренного борта, где окна были закрыты. Позднее вы поймете, любимая Эмили, почему я излагаю вам эти подробности.

Итак, платок, яблоко раздора, пестрым треугольником лежал на боковом столике и переливался золотыми искорками. Фандорин стоял спиной к платку, изображая не то почетный караул, не то охрану. Все мы, остальные, сбились в кучку у обеденного стола. Прибавьте к этому шелест занавесок по наветренному борту, пасмурный свет хмурого дня и неравномерное покачивание пола под ногами. Вот экспозиция финальной сцены.

«Никто не посмеет отобрать у внука раджи Багдассара то, что принадлежит ему по праву! —

подбоченясь, заявила миссис Клебер. — Я бельгийская подданная, и судебное разбирательство будет происходить в Брюсселе. Мне достаточно пообещать, что четверть наследства будет передана на нужды бельгийской благотворительности, и присяжные решат вопрос в мою пользу. Четверть наследства — это одиннадцать миллиардов бельгийских франков, пятилетний доход всего Бельгийского королевства!»

Мисс Стамп рассмеялась ей в лицо: «Вы недооцениваете Британию, милочка. Неужто вы думаете, что вашей жалкой Бельгии позволят решать судьбу пятидесяти миллионов фунтов? Да на такие деньги мы построим сотню могучих броненосцев и втрое укрепим наш флот, и без того первый в мире! Мы наведем порядок на всей планете!» Умная женщина мисс Стамп. Действительно, цивилизация только выиграла бы, если бы такая фантастическая сумма обогатила нашу казну. Ведь Британия — самая передовая и свободная из стран земного шара. Все народы только выиграли бы, если б стали жить по британскому образцу.

Но мистер Труффо придерживался иного мнения. «Эти полтора миллиарда французских франков позволят Франции не только оправиться

от трагических последствий войны с Германией, но и создать самую современную, самую оснащенную армию во всей Европе. Вы, англичане, никогда не были европейцами. Вы островитяне! Интересы Европы вам чужды и непонятны. Мсье де Перье, до недавнего времени второй помощник капитана, а ныне временный командир „Левиафана“, не допустит, чтобы платок попал к англичанам. Я немедленно приведу сюда господина де Перье, и он поместит платок в сейф капитанской каюты!» Затем все заговорили в голос, пытаясь друг друга перекричать, и развоевавшийся доктор даже посмел толкнуть меня в грудь, а миссис Клебер лягнула мисс Стамп в щиколотку.

Тогда Фандорин взял со стола тарелку и с грохотом расколотил ее об пол. Все потрясенные уставились на него, а хитрый византиец сказал: «Так мы нашей проблемы не решим. Вы чересчур разгорячились, дамы и господа. Предлагаю проветрить салон — что-то стало душновато».

Он подошел к окнам подветренного борта и стал открывать их одно за другим. Когда Фандорин распахнул раму окна, расположенного над боковым столиком, где лежал платок, произошло неожиданное: подхваченная сквозняком, легчайшая ткань колыхнулась, затрепыхалась

и вдруг взлетела в воздух. Под всеобщий вопль шелковый треугольник проплыл над палубой, два раза качнулся над бортовыми перилами — словно помахал нам на прощанье — и, плавно снижаясь, понесся вдаль. Все завороженно провожали взглядом этот неспешный полет, пока он не завершился где-то среди ленивых беловерхих волн.

«Как я неловок, — произнес Фандорин в наступившем гробовом молчании. — Сколько денег утонуло! Теперь ни Британия, ни Франция не смогут диктовать миру свою волю. Какое несчастье для цивилизации. А ведь это целых полмиллиарда рублей. Хватило бы, чтобы Россия выплатила весь свой внешний д-долг».

А дальше произошло вот что.

Миссис Клебер издала диковинный свистяще-шипящий звук, от которого у меня по коже пробежали мурашки, схватила со стола фруктовый нож и с неописуемым проворством кинулась на русского. Неожиданная атака застала его врасплох. Тупое серебряное лезвие рассекло воздух и вонзилось Фандорину чуть ниже ключицы, но, кажется, неглубоко. Белая сорочка дипломата окрасилась кровью. Первая моя мысль была: Бог все-таки есть и Он карает негодяев. Опешив, подлый византиец шарахнулся в сторону, но разъ-

яренная фурия не удовлетворилась нанесенным ущербом и, ухватив рукоятку покрепче, вновь занесла руку для удара.

И здесь всех удивил наш японец, не принимавший участия в дискуссии и вообще до сего момента державшийся незаметно. Он подскочил вверх чуть ли не до потолка, истошно и гортанно вскричал по-орлиному и, еще не коснувшись пола, ударил миссис Клебер носком ботинка по запястью! Этакого трюка мне не доводилось видеть и в итальянском цирке!

Фруктовый нож отлетел в сторону, японец приземлился на корточки, а миссис Клебер с перекошенным лицом попятилась назад, держась левой рукой за ушибленное запястье.

Однако она и не подумала отступиться от своего кровожадного намерения! Ударившись спиной о напольные часы (я писал вам об этом монстре), она вдруг согнулась пополам и приподняла подол платья. Уж на что я был ошеломлен быстрой сменой событий, но это было чересчур! Я увидел (простите, милая Эмили, что пишу об этом) лодыжку, обтянутую черным шелковым чулком, оборку розовых панталон, а в следующий миг миссис Клебер снова распрямилась, и в ее левой руке оказался невесть откуда взявшийся писто-

лет. Он был двуствольный, очень маленький, с перламутровой отделкой.

Я не смею повторить Вам слово в слово, что именно сказала эта особа Фандорину, да Вы наверняка и не знаете подобных выражений. Общий же смысл речи очень энергичной и экспрессивной, сводился к тому, что «поганый извращенец» (я употребляю эвфемизм, ибо миссис Клебер выразилась более грубо) заплатит за свой подлый фокус жизнью. «Но сначала я обезврежу эту ядовитую желтую гадину!» — крикнула будущая мать и, сделав шаг вперед, выстрелила в мистера Аоно. Тот упал навзничь и глухо застонал.

Миссис Клебер шагнула еще раз и направила свой пистолетик прямо в лицо Фандорину. «Я, действительно, стреляю без промаха, — процедила она. И влеплю тебе свинец прямо между хорошеньких глазок».

Русский стоял, зажав ладонью расплывающееся по рубашке красное пятно. Не могу сказать, чтобы он трясся от страха, но был бледен.

Корабль качнуло сильней обычного — в борт ударила большая волна, и я увидел, как уродливая махина Биг-Бена кренится, кренится и... обрушивается прямо на миссис Клебер! Глухой удар твердого дерева о затылок, и эта неугомонная

женщина рухнула ничком на пол, придавленная тяжестью дубовой башни.

Все бросились к мистеру Аоно, лежавшему с простреленной грудью. Он был в сознании и все силился встать, но доктор Труффо присел рядом на корточки и насильно уложил раненого, обхватив его за плечи. Разрезав одежду, врач осмотрел входное отверстие и нахмурился.

«Нисего, — тихо произнес японец сквозь стиснутые зубы. — Регкое задето совсем тють-тють».

«А пуля? — встревоженно спросил Труффо. — Вы ее чувствуете, коллега? Где она?» «Мне кажется, пуря застряра в правой ропатке, — ответил мистер Аоно и с восхитившим меня хладнокровием прибавил. — Ревая низняя доря. Вам придется дорбить кость со спины. Это осень трудно. Просу меня извинить за такое неудобство».

Тут Фандорин произнес загадочную фразу. Склонившись к раненому, он тихо сказал: «Ну вот. Аоно-сан, ваша мечта и сбылась — теперь вы мой ондзин. Бесплатные уроки японского, к сожалению, отменяются».

Однако мистер Аоно эту тарабарщину, кажется, отлично понял и раздвинул побелевшие губы в слабой улыбке.

Когда матросы унесли перебинтованного япон-

ского джентльмена на носилках, доктор занялся миссис Клебер.

К изрядному нашему удивлению выяснилось, что деревянная колода не проломила ей череп, а лишь набила шишку. Мы кое-как вынули оглушенную преступницу из-под лондонской достопримечательности и перенесли в кресло.

«Боюсь, плод не выживет после такого шока, — вздохнула миссис Труффо. — А ведь бедный малютка не виноват в прегрешениях своей матери».

«Ничего с малюткой не случится, — уверил ее супруг. — Эта… особь обладает такой живучестью, что наверняка родит здорового ребенка, причем легко и в срок».

Фандорин присовокупил с покоробившим меня цинизмом: «Есть основания надеяться, что роды произойдут в тюремном лазарете».

«Страшно подумать, что родится из этого чрева», — содрогнувшись, произнесла мисс Стамп.

«Во всяком случае, беременность спасет ее от гильотины», — заметил доктор.

«Или от виселицы», — усмехнулась мисс Стамп, напомнив нам об ожесточенной дискуссии, некогда развернувшейся между комиссаром Гошем и инспектором Джексоном.

«Максимум того, что ей грозит — небольшой тюремный срок за покушение на убийство господина Аоно, — кисло молвил Фандорин. — Да и то найдутся смягчающие обстоятельства: аффект, потрясение, та же беременность. Больше ничего доказать не удастся — она блестяще нам это продемонстрировала. Уверяю вас, очень скоро Мари Санфон снова окажется на свободе».

Странно, но никто из нас не говорил о платке, словно его и не было вовсе, словно вслед за ярким шелковым лоскутом ветер унес в небытие не только сто британских броненосцев и французский revanche, но и болезненный дурман, окутывавший умы и души.

Фандорин остановился возле поверженного Биг-Бена, которому теперь был прямой путь на свалку: стекло разбито, механизм испорчен, дубовая панель треснула сверху донизу.

«Славные часы, — сказал русский, лишний раз подтвердив тот общеизвестный факт, что славяне начисто лишены художественного вкуса. Непременно починю их и возьму с собой».

«Левиафан» мощно загудел, должно быть, приветствуя встречное судно, и я стал думать о том, что скоро, очень скоро, через каких-нибудь две-три недели, я прибуду на Таити и мы снова

встретимся, моя обожаемая женушка.

Это единственное, что имеет значение и смысл. Все остальное — пар, туман, химера.

Мы будем вместе и будем счастливы — там, на райском острове, где всегда сияет солнце.

В ожидании этого радостного дня,

Остаюсь нежно любящий Вас.

Реджинальд Милфорд-Стоукс